

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**
2026, Том 5, №3

Подписано к публикации: 24.06.2026

**Главный редактор
журнала:**
доктор юридических наук,
профессор

**Шадже Азамат
Мухамчериевич**

«Вестник юридических исследований» включен в перечень ВАК с 01.10.2024 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-86922 выдан 4 марта 2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 3034-140X (online)

Е-mail: blr-journal@yandex.ru
Сайт: <https://blr-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б.

Цифровизация политического участия граждан: трансформация форм взаимодействия общества и государства в современной России 5-11

Шульга Е.А.

Повышение кадровой устойчивости органов исполнительной власти в условиях дефицита кадров 12-17

Арчаков М.К.

Идеологические установки современных российских коллаборационистов на примере «специальной военной операции» 18-23

Скопа В.А.

Бенедикт Спиноза в истории политико-правовой мысли 24-29

Супран Ф.К.

Институционализация цифровых коммуникаций в системе публичного управления: механизмы, развитие и платформенные практики в современной России 30-34

Шипиков А.Н.

Экономическая дипломатия как основное средство распространения влияния Китая в Африке 35-45

Стабровская Е.А., Кабанец А.А.

Скрытая идеология государства и её историческая эволюция 46-53

Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б.

Институциональные механизмы противодействия коррупции в системе публичного управления: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта 54-58

Зенин Д.А.

Формы и методы координации деятельности законодательных органов субъекта РФ и представительных органов местного самоуправления 59-69

Шаблинский В.И.

Интегральный метод анализа межбюджетных трансфертов как инструмент государственного управления: концептуализация и возможности применения 70-75

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куликова Я.А.

Правовая регламентация использования искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях 76-84

Кобец П.Н., Кириченко Ю.Н.

Правовые основы и организационные подходы в сфере совершенствования государственной безопасности РСФСР и СССР посредством усиления паспортного режима в период с 1917 по 1940 год (историко-правовой аспект) 85-91

Платонов А.В., Билашенко Е.В., Бруевич М.Ю., Зуев А.В.

Высшее юридическое образование в России в первой половине XIX века 92-100

Дудин В.Ю.

Особенности градостроительного и полицейского законодательства в области градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв. 101-108

Силенков М.В.

Правовые инструменты подавления ересей в раннехристианской церкви (I-V вв.) 109-116

Нырова Б.Р.

Антикоррупционная устойчивость правовой культуры как модель предупреждения коррупционного поведения 117-124

Линько В.В., Лабанова С.А.

Правосознание судей и качество правосудия: функциональные взаимосвязи 125-132

Середа С.П.

Трансформация конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права: теоретико-правовой и публично-правовой анализ 133-138

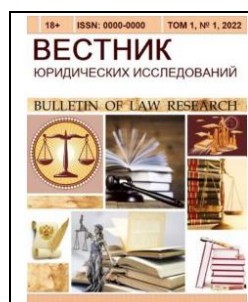
Тартачаков А.С., Якунин Д.В.

Правовая природа градообразующего предприятия: понятие, признаки, проблемы правового регулирования и пути их решения 139-146

Шатверян Н.Г., Пак К.М.

Правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений 147-151

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.22:004.738.5

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-5-11

Цифровизация политического участия граждан: трансформация форм взаимодействия общества и государства в современной России

¹ Ибрагимов М.А., ¹ Магомедов Г.Б.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье исследуется трансформация форм политического участия граждан в условиях цифровизации общественно-государственных отношений в современной России. Авторы анализируют теоретические подходы к пониманию электронного участия, рассматривают ключевые цифровые платформы и инструменты, обеспечивающие взаимодействие граждан с органами государственной власти.

Особое внимание уделяется анализу порталов «Госуслуги», «Российская общественная инициатива», систем дистанционного электронного голосования и региональных краудсорсинговых платформ. На основе комплексного анализа нормативно-правовой базы, статистических данных и результатов социологических исследований выявляются как позитивные эффекты цифровизации (повышение доступности государственных услуг, снижение транзакционных издержек участия, расширение каналов обратной связи), так и системные ограничения (цифровой разрыв, формализация участия, риски манипуляции). В заключении формулируются предложения по совершенствованию механизмов цифрового политического участия с целью повышения реальной вовлечённости граждан в процессы принятия государственных решений.

Ключевые слова: цифровизация, политическое участие, электронная демократия, электронное правительство, цифровые платформы, гражданское общество, взаимодействие общества и государства, Россия

Для цитирования: Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б. Цифровизация политического участия граждан: трансформация форм взаимодействия общества и государства в современной России // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 5 – 11. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-5-11

Поступила в редакцию: 4 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Digitalization of political participation of citizens: transformation of forms of interaction between society and the state in modern Russia

¹ Ibragimov M.A., ¹ Magomedov G.B.,

¹ North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article examines the transformation of forms of citizens' political participation in the context of digitalization of social-state relations in modern Russia. The authors analyze theoretical approaches to understanding e-participation, examine key digital platforms and tools ensuring citizen interaction with public authorities.

Special attention is paid to the analysis of the portals "Gosuslugi", "Russian Public Initiative", remote electronic voting systems and regional crowdsourcing platforms. Based on a comprehensive analysis of the regulatory framework, statistical data and sociological research results, both positive effects of digitalization (increased accessibility of public services, reduced transaction costs of participation, expanded feedback channels) and systemic limitations (digital divide, formalization of participation, manipulation risks) are identified. In conclusion, proposals are formulated for improving the mechanisms of digital political participation in order to increase the real involvement of citizens in public decision-making processes.

Keywords: digitalization, political participation, e-democracy, e-government, digital platforms, civil society, society-state interaction, Russia

For citation: Ibragimov M.A., Magomedov G.B. Digitalization of political participation of citizens: transformation of forms of interaction between society and the state in modern Russia. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 5 – 11. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-5-11

The article was submitted: April 4, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

В последнее десятилетие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) кардинально изменили природу политического участия граждан, открыв принципиально новые каналы взаимодействия между обществом и государством. Цифровизация как системный процесс проникновения цифровых технологий во все сферы общественной жизни затрагивает не только экономику и социальную сферу, но и политическое пространство, трансформируя устоявшиеся механизмы демократического участия. В России данный процесс приобретает особую специфику, обусловленную как уникальными институциональными характеристиками политической системы, так и стремительным развитием цифровой инфраструктуры на федеральном и региональном уровнях.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в 2025 году доля населения в возрасте 15-72 лет, взаимодействующего с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет (с использованием официальных сайтов и порталов государственных и муниципальных услуг, мобильных приложений, электронной почты, терминалов самообслуживания), составила 74,4% от общей численности населения этого возраста. Для сравнения: в 2024 году этот показатель был равен 66,1%, что само по себе свидетельствует о масштабной трансформации практик гражданского участия.

Актуальность темы исследования определяется рядом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, в условиях активного развития электронного правительства и реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» существует острая научная потребность в осмыслении глубины и направленности изменений, происходящих в сфере политического участия.

Во-вторых, цифровизация порождает одновременно новые возможности для расширения гражданской активности и новые риски, связанные с углублением социального неравенства, концентрацией власти над информационными потоками и постепенной формализацией участия.

В-третьих, недостаточность комплексных теоретических и эмпирических исследований, отражающих именно российскую специфику цифрового политического участия, определяет самостоятельную научную значимость проводимого анализа.

В-четвёртых, необходимость осмыслить соотношение между декларируемыми целями электронного участия и реальными практиками его осуществления приобретает особую остроту в условиях формирования «суверенного интернета» и расширения правового регулирования цифрового пространства.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных тенденций трансформации форм политического участия граждан в условиях цифровизации в современной России, а также в формулировании научно обоснованных предложений по повышению эффективности и инклюзивности механизмов электронного участия.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составляют концепции электронного участия (e-participation), электронной демократии (e-democracy) и электронного правительства (e-government), разработанные как в зарубежной, так и в отечественной политической науке.

В рамках данного исследования применялся комплекс взаимодополняющих научных методов.

Системный подход позволил рассмотреть цифровизацию политического участия как многоуровневое явление, включающее технологическую, нормативно-правовую, социальную и собственно политическую составляющие, находящиеся в постоянном взаимодействии между собой.

Сравнительный анализ использовался для сопоставления различных цифровых платформ и инструментов взаимодействия граждан с государством, а также для выявления различий между федеральным и региональными уровнями цифрового участия.

Метод документального анализа применялся при изучении нормативно-правовой базы цифровизации государственного управления, включая федеральные законы, указы Президента РФ и государственные.

Статистический метод обеспечил работу с количественными данными об использовании цифровых платформ и динамике вовлечённости граждан. Вторичный анализ социологических данных был применён для интерпретации результатов массовых опросов об отношении российских граждан к электронным инструментам политического взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Политическое участие традиционно понимается как совокупность действий граждан, направленных на оказание влияния на принятие политических решений и деятельность государственных институтов [14]. Цифровизация существенно расширяет пространство такого участия, добавляя к его традиционным формам – выборам, митингам, обращениям в органы власти, членству в партиях – принципиально новые цифровые форматы: электронные петиции, онлайн-голосования, краудсорсинговые платформы, мониторинг государственных расходов через открытые данные, взаимодействие с властью посредством социальных сетей и мессенджеров [3].

Среди российских учёных существенный вклад в разработку теоретических оснований цифровизации политического участия внесли Л.В. Сморгунов, предложивший концепцию «сетевого государства» и рассматривающий цифровые платформы как новый тип политических институтов [15]; Ю.А. Нисневич, рассматривающий информатизацию государственного управления и подлинную электронную демократию [12]; а также С.В. Патрушев и А.Д. Хлопин, акцентирующие внимание на противоречии между формальными механизмами цифрового участия и реальными практиками их использования [14].

В научной литературе сложились три конкурирующих теоретических подхода к оценке влияния цифровизации на качество политического участия. Оптимистический подход рассматривает цифровые технологии как инструмент радикальной демократизации, снижающий барьеры для участия, расширяющий аудиторию политически активных граждан и обеспечивающий беспрецедентную прозрачность государственного управления [4]. Пессимистический подход, напротив, обращает внимание на риски «кликтивизма» – замены реального гражданского действия символическими онлайн-жестами подписания петиций и участия в опросах, а также на опасность использования цифровых платформ для централизации информационного контроля и манипулирования политическими предпочтениями граждан [11]. Критически-реалистический подход, которого придерживается большинство современных исследователей, настаивает на принципиальной амбивалентности цифровых технологий, чей потенциал в пользу демократии или авторитаризма реализуется в зависимости от конкретного политического, социального и институционального контекста [6].

Применительно к России именно критически-реалистический подход представляется наиболее аналитически продуктивным. Цифровые инструменты участия развиваются в России параллельно с процессами централизации государственного управления и формирования «суверенного интернета», что создаёт уникальное сочетание декларируемых возможностей и реальных ограничений для гражданской активности [12; 10].

За анализируемый период в России сформировалась разветвлённая институциональная инфраструктура цифрового политического участия, включающая федеральные и региональные компоненты. Государство целенаправленно создавало эту инфраструктуру сверху, сочетая стимулирование гражданской активности с сохранением контроля над характером и масштабами этой активности [2].

Центральное место в системе занимает Единый портал государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»). К 2025 году аудитория портала превысила 100 млн зарегистрированных пользователей, а через него реализуется более 400 видов государственных услуг. Помимо административных функций, портал предоставляет гражданам возможность участия в опросах и публичных консультациях по вопросам государственной политики, а также служит инфраструктурной основой для систем дистанционного электронного голосования [2].

Платформа «Российская общественная инициатива» (РОИ) представляет собой механизм подачи гражданских петиций с обязательным рассмотрением инициатив, набравших 100 000 подписей, на федеральном уровне [7].

Анализ данных платформы за период 2022-2025 годов показывает, что реальная результативность данного механизма остаётся невысокой: из более чем 18 000 поданных инициатив лишь около 3% получили практическое воплощение, что свидетельствует о преимущественно символическом характере данной формы участия. При этом исследователи фиксируют постепенное снижение гражданской активности на платформе: среднее число подписей под петициями в 2022-2023 годах значительно уступает показателям 2014-2016 годов, что может свидетельствовать о разочаровании граждан в реальных результатах электронных обращений [4].

Системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) прошли масштабную апробацию на федеральных выборах 2021 года. Более 2,5 млн человек воспользовались данным инструментом в ходе выборов в Государственную Думу, технология позволила расширить доступность избирательного процесса для маломобильных граждан, жителей отдалённых регионов и временно находящихся за рубежом россиян [5]. Вместе с тем исследователи фиксируют серьёзные вопросы к прозрачности процедуры и верифицируемости её результатов, что существенно снижает общественное доверие к данному инструменту [11].

В регионах получили широкое развитие краудсорсинговые платформы и городские порталы участия: «Активный гражданин» (Москва), «Добродел» (Московская область) и их аналоги в других субъектах РФ, позволяющие гражданам участвовать в решении конкретных локальных проблем городской среды. По информации на 15 июля 2025 года, проект «Активный гражданин» в Москве объединил более 7,2 миллиона участников. К декабрю 2025 года проект «Активный гражданин» провёл свыше 6800 голосований по вопросам городского управления. За время существования проекта зарегистрировано более 7 миллионов участников, собрано более 275 миллионов мнений жителей. Около 70% инициатив, поддержанных москвичами, были успешно реализованы. Данные платформы демонстрируют высокие показатели вовлечённости, однако реализуемые через них инициативы, как правило, ограничены сферой локального благоустройства и не затрагивают стратегические вопросы городской политики [9].

На основе проведённого анализа можно выделить пять устойчивых тенденций в развитии цифрового политического участия в современной России.

Первая тенденция – рост инструментальной активности при относительной стабильности реального политического участия. Граждане активно используют цифровые инструменты для получения государственных услуг, подачи жалоб и решения индивидуальных административных проблем. Вместе с тем уровень коллективного политического участия, направленного на реальное влияние на принятие стратегических решений, демонстрирует куда более скромную динамику [14; 10]. Это подтверждает тезис о том, что цифровизация в нынешнем виде преимущественно оптимизирует административное взаимодействие, не трансформируя принципиально характер политических отношений между государством и обществом.

Вторая тенденция – активизация молодёжи как ведущего субъекта цифрового участия. Молодые граждане в возрасте 18-35 лет демонстрируют наиболее высокие показатели вовлечённости в цифровые форматы участия – как официальные (электронные обращения, онлайн-голосования), так и неформальные (политические дискуссии в социальных сетях, подписание петиций, цифровой активизм) [3]. Вместе с тем молодёжная аудитория демонстрирует высокий скептицизм в отношении реальной эффективности официальных платформ участия и предпочитает неформальные каналы, что создаёт вызов для государственных электронных институтов [6].

Третья тенденция – углубление цифрового неравенства как структурного фактора дифференциации политического участия. Граждане старших возрастных групп, жители малых городов и сельской местности, а также представители социально уязвимых слоёв населения существенно реже прибегают к цифровым инструментам участия, что воспроизводит и институционально закрепляет существующее неравенство политических возможностей [16; 9]. По данным исследований, цифровой разрыв между столичными и периферийными регионами России достигает 25-30 процентных пунктов по показателям использования государственных порталов.

Четвёртая тенденция – последовательная институционализация и управляемая формализация цифрового участия. Государство целенаправленно встраивает цифровые механизмы участия в официальные политические институты, обеспечивая тем самым их управляемость и предсказуемость [2; 4]. Данная стратегия позволяет демонстрировать открытость и отзывчивость власти, не допуская при этом реального перераспределения политических ресурсов в пользу гражданского общества [15].

Пятая тенденция – нарастание системного противоречия между декларируемым потенциалом цифровых технологий в плане расширения участия и реальными тенденциями централизации управления информационным пространством. Формирование системы суверенного интернета, расширение законодательства об «иностранных агентах» применительно к медиасубъектам, ужесточение требований к деятельности социальных сетей создают новые инструментальные ограничения для независимой цифровой гражданской активности [12; 6].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и практические предложения.

Цифровизация качественно изменила конфигурацию политического участия в современной России, сформировав развитую институциональную инфраструктуру электронного взаимодействия граждан с государством. Вместе с тем количественный рост числа цифровых платформ и пользователей не автоматически означает расширение реального политического участия и усиление влияния гражданского общества на процессы принятия решений.

Российская модель цифрового политического участия отличается выраженной инициированностью сверху: государство выступает ключевым архитектором цифровых каналов участия, что обеспечивает их управляемый характер. Данная модель эффективна с точки зрения предоставления государственных услуг, однако существенно ограничивает потенциал цифровых инструментов в части формирования подлинного политического диалога.

Цифровой разрыв по возрастному, территориальному и социально-экономическому измерениям остаётся значимым структурным ограничением для развития инклюзивного политического участия, воспроизводя неравенство политических возможностей в новом технологическом контексте.

Правовое регулирование цифрового участия носит амбивалентный характер, сочетая нормы, расширяющие и одновременно ограничивающие возможности цифровой гражданской активности, что отражает глубинное противоречие между запросом на цифровую модернизацию и логикой централизованного политического управления.

На основе результатов исследования формулируются следующие предложения:

В области развития инфраструктуры цифрового участия: расширить программы цифровой грамотности для старших возрастных групп и жителей сельских территорий; обеспечить устойчивый широкополосный доступ к интернету во всех субъектах России как базовое условие равного политического участия; совершенствовать функциональность платформы РОИ, создав прозрачную систему сопровождения и публичной отчётности по рассматриваемым инициативам.

В области нормативного регулирования: разработать комплексную правовую концепцию электронного участия, обеспечивающую сбалансированное соотношение возможностей для цифровой гражданской активности и требований информационной безопасности; законодательно закрепить обязательность содержательной обратной связи государственных органов на коллективные цифровые обращения; ввести независимый мониторинг результативности официальных платформ участия.

В области повышения доверия к электронным инструментам: обеспечить независимый технический аудит систем дистанционного электронного голосования с привлечением широкого круга экспертов; разработать единые стандарты прозрачности и открытости данных для всех государственных платформ участия; стимулировать вовлечение гражданского общества и академического сообщества в проектирование и регулярную оценку эффективности цифровых механизмов взаимодействия.

В области научного сопровождения процессов цифровизации: организовать систематический межрегиональный мониторинг практик цифрового политического участия с учётом социально-демографической и региональной специфики; расширить поддержку исследований по проблематике цифрового неравенства и его политических последствий.

Таким образом, цифровизация политического участия представляет собой многовекторный и внутренне противоречивый процесс, требующий не только технологических инвестиций, но и глубокого институционального и нормативного совершенствования. Потенциал цифровых инструментов в части углубления гражданского участия и повышения качества взаимодействия общества с государством будет реализован в полной мере лишь при условии целенаправленной политики, ориентированной не столько на управляемость, сколько на подлинное расширение политической субъектности граждан.

Список источников

1. Абрамов Р.Н. Цифровые технологии и гражданское участие в России // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 45 – 57.
2. Белоусова И.В. Электронное правительство и трансформация государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 12 – 28.
3. Волков Д.С., Колесников С.А. Интернет-активизм и политическое участие молодёжи // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 89 – 103.
4. Гаврилова И.Н. Цифровое государство: новые форматы взаимодействия с обществом // Философия и культура. 2023. № 2. С. 33 – 44.
5. Дементьев В.В. Электронная демократия: концепция и российская практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 76 – 95.
6. Ефременко Д.В. Цифровизация публичного пространства и политические коммуникации // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 54 – 63.
7. Захаров А.В. Онлайн-петиции как инструмент политического участия граждан // Политическая наука. 2020. № 3. С. 115 – 132.
8. Иванов О.Б., Иванова Н.Л. Социальные медиа и политическая мобилизация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 4. С. 555 – 572.
9. Кирдина-Чэндлер С.Г. Цифровая трансформация государственного управления в контексте институциональных изменений // Terra economica. 2022. Т. 20. № 1. С. 6 – 25.
10. Лапин Н.И. Цифровое общество и гражданское участие: социологический анализ // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 14 – 27.
11. Морозов И.Л. Электронные форматы политического участия и их влияние на легитимность власти // Власть. 2021. № 2. С. 44 – 52.
12. Нисневич Ю.А. Цифровая политика: концептуальные основания и российский контекст // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 22 – 37.
13. Овчинников А.И., Овчинникова С.П. Правовые механизмы цифровизации политических коммуникаций // Государство и право. 2023. № 5. С. 88 – 99.
14. Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Политическое участие граждан в условиях цифровой трансформации // Полития. 2020. № 4. С. 6 – 22.
15. Сморгун Л.В. Электронное участие в контексте цифровой демократии: теоретические основания и практика // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 4 – 18.
16. Тихонова Н.Е. Цифровое неравенство и политические возможности российских граждан // Общественные науки и современность. 2021. № 4. С. 20 – 35.

References

1. Abramov R.N. Digital Technologies and Civic Participation in Russia. Sociological Research. 2021. No. 3. P. 45 – 57.
2. Belousova I.V. Electronic Government and the Transformation of Public Administration. Public Administration. Electronic Bulletin. 2022. No. 91. P. 12 – 28.
3. Volkov D.S., Kolesnikov S.A. Internet Activism and Political Participation of Youth. Polis. Political Research. 2020. No. 4. P. 89 – 103.
4. Gavrilova I.N. Digital State: New Formats of Interaction with Society. Philosophy and Culture. 2023. No. 2. P. 33 – 44.
5. Demytyev V.V. Electronic Democracy: Concept and Russian Practice. Issues of Public and Municipal Administration. 2021. No. 2. P. 76 – 95.
6. Efremenko D.V. Digitalization of Public Space and Political Communications. World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66. No. 5. P. 54 – 63.
7. Zakharov A.V. Online Petitions as a Tool for Citizen Political Participation. Political Science. 2020. No. 3. P. 115 – 132.
8. Ivanov O.B., Ivanova N.L. Social Media and Political Mobilization in Modern Russia. Journal of Social Policy Studies. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 555 – 572.
9. Kirdina-Chandler S.G. Digital Transformation of Public Administration in the Context of Institutional Changes. Terra economica. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 6 – 25.
10. Lapin N.I. Digital Society and Civic Participation: Sociological Analysis. Sociological Studies. 2023. No. 1. P. 14 – 27.

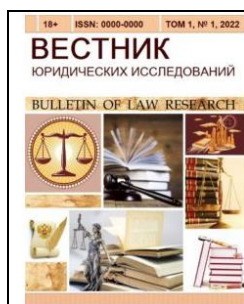
11. Morozov I.L. Electronic Formats of Political Participation and Their Impact on the Legitimacy of Government. *Vlast*. 2021. No. 2. P. 44 – 52.
12. Nisnevich Yu.A. Digital Policy: Conceptual Foundations and the Russian Context. *Polis. Political Studies*. 2022. No. 1. P. 22 – 37.
13. Ovchinnikov A.I., Ovchinnikova S.P. Legal Mechanisms for the Digitalization of Political Communications. *State and Law*. 2023. No. 5. P. 88 – 99.
14. Patrushev S.V., Khlopin A.D. Political Participation of Citizens in the Context of Digital Transformation. *Polity*. 2020. No. 4. P. 6 – 22.
15. Smorgunov L.V. Electronic Participation in the Context of Digital Democracy: Theoretical Foundations and Practice. *Political Expertise: POLITEX*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 4 – 18.
16. Tikhonova N.E. Digital Inequality and Political Opportunities of Russian Citizens. *Social Sciences and Modernity*. 2021. No. 4. P. 20 – 35.

Информация об авторах

Ибрагимов М.А., кандидат политических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, доцент, директор, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 35.08:331.108.2(470+571)+342.92

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-12-17

Повышение кадровой устойчивости органов исполнительной власти в условиях дефицита кадров

¹ Шульга Е.А.,

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация: макроэкономическая турбулентность 2025-2026 годов предельно обнажила уязвимость государственного аппарата перед лицом дефицита трудовых ресурсов. Актуальность обсуждаемой темы аргументируется критическим сжатием национального рынка труда, на фоне которого классическая модель государственной гражданской службы стремительно утрачивает свои исторические конкурентные преимущества. По сути, фундаментальное научное противоречие кроется в усиливающемся диссонансе между ригидной нормативно-правовой архитектурой веберовской бюрократии и гибкими, агрессивными HR-стратегиями высокотехнологичного коммерческого сектора, успешно переманивающего интеллектуальный капитал. Цель – концептуализация адаптивной организационно-правовой модели удержания талантов в органах исполнительной власти и разработка прикладного инструментария для превентивного снижения текучести персонала. Резюмировано, что сугубо монетарные стимулы (даже с учетом эффектов от правительственной оптимизационной реформы 2025 года) не способны остановить институциональную деградацию. Отмечено, что сохранение кадрового «ядра» требует немедленного смещения фокуса в сторону клиентоцентричных технологий. Авторский вклад проявляется в междисциплинарном синтезе передовой поведенческой экономики и административного права. Предложены и обоснованы конкретные механизмы интеграции корпоративных инструментов в консервативную среду публичного управления: легализация алгоритмов предиктивной HR-аналитики, формирование межведомственных кросс-функциональных команд (agile-пулов), внедрение диспозитивной модели льгот. Сформулированные концепты и выводы представляют практический интерес для руководителей кадровых служб федеральных и региональных министерств, специалистов по организационному дизайну, законодателей.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, дефицит кадров, органы исполнительной власти, предиктивная HR-аналитика, текучесть персонала, управление талантами, ценностное предложение работодателя

Для цитирования: Шульга Е.А. Повышение кадровой устойчивости органов исполнительной власти в условиях дефицита кадров // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 12 – 17. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-12-17

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Enhancing personnel sustainability of executive authorities under conditions of labor shortage

¹ Shulga E.A.,

¹ Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: the macroeconomic turbulence of 2025-2026 has starkly exposed the vulnerability of the state apparatus to labor shortages. The relevance of the topic is substantiated by the critical contraction of the national labor market, against which the classical model of the civil service is rapidly losing its historical competitive advantages. In essence, the fundamental scholarly contradiction lies in the growing dissonance between the rigid legal architecture of Weberian bureaucracy and the flexible, aggressive HR strategies of the high-tech commercial sector, which successfully attracts intellectual capital. The purpose of the article is to conceptualize an adaptive organizational and legal model for talent retention within executive authorities and to develop practical tools for the preventive reduction of staff turnover. It is concluded that purely monetary incentives—even taking into account the effects of the governmental optimization reform of 2025 – are insufficient to halt institutional degradation. The preservation of the кадровое “core” requires an immediate shift toward employee-centered technologies and value-based engagement strategies. The author’s contribution consists in an interdisciplinary synthesis of advanced behavioral economics and administrative law. The article proposes and substantiates specific mechanisms for integrating corporate instruments into the conservative environment of public administration, including the legalization of predictive HR analytics algorithms, the formation of interdepartmental cross-functional agile teams, and the introduction of a dispositive model of benefits. The conceptual approaches and conclusions formulated are of practical interest to heads of HR departments of federal and regional ministries, specialists in organizational design, and legislators.

Keywords: civil service, labor shortage, executive authorities, predictive HR analytics, staff turnover, talent management, employer value proposition

For citation: Shulga E.A. Enhancing personnel sustainability of executive authorities under conditions of labor shortage. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 12 – 17. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-12-17

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Проблема кадровой устойчивости системы государственного управления в реалиях перманентного макроэкономического дефицита трудовых ресурсов требует немедленного и существенного пересмотра традиционных подходов к найму, адаптации, долгосрочному удержанию специалистов.

По существу, глобальная турбулентность, которая весомо усугублена накопленными демографическими дисбалансами, сформировала к началу 2026 года принципиально новую, высококонкурентную парадигму на российском рынке труда. В складывающейся объективной реальности государственный сектор вынужден вступать в жесткую, бескомпромиссную борьбу за интеллектуальный капитал с гибкими коммерческими структурами, ИТ-сектором, высокотехнологичными корпорациями.

Как представляется, исторически сложившиеся столпы привлекательности гражданской службы, веками опиравшиеся на монопольную стабильность занятости, особый социальный статус, предсказуемость карьерной траектории, сегодня стремительно утрачивают свою актуальность для новых поколений амбициозных соискателей. Органы исполнительной власти как федерального, так и регионального уровней испытывают беспрецедентное кадровое давление из-за интенсивного оттока наиболее компетентных сотрудников. И это ставит под прямую угрозу качество стратегического госпланирования.

Материалы и методы исследований

В современных научных работах проблема повышения кадровой устойчивости органов исполнительной власти в условиях дефицита кадров рассматривается через институционально-организационный, функционально-оптимизационный, рыночно-конкурентный подходы. Так, Л.Н. Волкова и А.С. Волочко анализируют специфику HR-управления в характеризуемой системе, акцентируя регламентированность процедур и зависимость устойчивости от качества планирования, оценки персонала [1]. С.А. Киржинова и М.А. Болокова фиксируют трансформации кадровой политики в контексте административных реформ [3]. Р.Б. Логвин обосновывает необходимость институциональной централизации – создания единого

агентства и оптимизации функций федеральных органов [4, 5]. Это находит отражение в работе Н.М. Сладковой, О.А. Воскресенской, И.А. Ясинской, рассматривающих централизацию кадровых служб как инструмент повышения управляемости, стандартизации процессов [7], а также в исследовании Н.М. Сладковой и И.А. Ясинской о государственной службе в реалиях высококонкурентного рынка труда [8]. Публикации А. Гореликова, И. Романова, А. Фартыгиной и материалы о оценках Центробанка вводят макроэкономический контекст кадрового дефицита и цифровизации, связывая сокращение численности и автоматизацию с необходимостью структурной перестройки [2, 6, 9, 10].

Выбор упомянутых выше источников продиктован тем, что они позволяют соединить внутренние управленческие механизмы кадровой устойчивости с внешними факторами – дефицитом рабочей силы, цифровизацией, реформой госаппарата. Между тем, в литературе недостаточно разработаны показатели измерения именно «кадровой устойчивости» как интегральной категории. Ограничен анализ мотивационных и поведенческих аспектов удержания персонала.

В данной статье использованы институциональный и системный подходы (для характеристики структуры кадровых механизмов), сравнительно-аналитический метод, элементы макроэкономического анализа (для учета влияния дефицита рабочей силы и цифровизации). Указанным сочетанием обеспечивается комплексное осмысление заявленной проблематики.

Результаты и обсуждения

Отечественная экономика проходит стадию глубокого структурного кризиса классической веберианской бюрократии: жесткая субординация (положение индивидуума в иерархической системе каких-либо отношений), ригидность финансовых стимулов в сочетании с избыточной регламентацией рутинных процессов становятся главными барьерами для сохранения талантов внутри министерств, ведомств [1, 4]. В российской академической традиции проблематика кадрового обеспечения госслужбы традиционно рассматривалась сквозь призму нормативно-правового регулирования и дисциплинарного контроля. Между тем, реалии 2025-2026 годов диктуют острую необходимость смещения исследовательского фокуса в плоскость поведенческой экономики (направление исследований, которое изучает влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на поведение в сфере экономики, принятие экономических решений отдельными лицами, учреждениями и последствия этого влияния на рыночные переменные – цены, прибыль, распределение ресурсов), ценностного управления, предиктивного HR-менеджмента. Очевидно, что экстенсивные методы восполнения кадрового резерва полностью исчерпали свой исторический ресурс. Вероятно, именно поэтому концептуализация инновационных механизмов удержания персонала приобретает безоговорочный статус первоочередной задачи для научного сообщества.

Эмпирические данные, которые были опубликованы Центральным банком РФ в конце января 2026 года, предельно наглядно демонстрируют, что, несмотря на некоторое адаптационное смягчение кризиса, обеспеченность российской экономики кадрами остается на весьма низких отметках. По итогам IV квартала 2025 года общий индекс обеспеченности работниками составил (-23,2) пункта. Вместе с тем, несмотря на некоторое улучшение относительно конца 2024 года (-31,0 пункта), данный показатель остаётся существенно ниже значений, характерных для более стабильного периода 2020–2022 годов, когда индекс находился в диапазоне от -6,4 до -14,8 пункта [6, 10].

В сложившихся макроэкономических условиях государственная служба демонстрирует признаки снижения институциональной устойчивости. По данным экспертного мониторинга, текучесть кадров в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти на фоне напряжённого рынка труда (особенно в Московском регионе) увеличилась с 15,3% в 2023 году до 17,5% в 2024-2025 годах. Наибольшие опасения вызывает отток молодых специалистов. Так, исследования ФГБУ «ВНИИ труда» показывают, что в возрастной группе до 35 лет уровень текучести превышает средние ведомственные показатели на 6,6 процентного пункта. В территориальных подразделениях, где совокупный доход молодых сотрудников, включая премиальные выплаты, зачастую не достигает 40 тыс. рублей, уровень кадровых потерь в 2025 году доходил до 26% [2, 8].

В ответ на обозначенные вызовы Правительство РФ с 1 июля 2025 года приступило к очередному этапу реформирования государственной службы. Его ключевая задача – оптимизация территориальных структур федеральных ведомств, в которых занято около 400 тыс. человек. В рамках заявленного подхода предусматривается сокращение численности персонала не менее чем на 10% (примерно 40 тыс. должностей) за счёт ускоренного внедрения цифровых решений и автоматизации рутинных процессов. При этом

высвобождаемые средства фонда оплаты труда планируется направить на повышение заработной платы оставшимся квалифицированным специалистам [2, 9].

Между тем, исключительно финансовые вливания не способны в полной мере компенсировать ригидность бюрократической среды и высочайший уровень эмоционального истощения служащих. Сопоставление механизмов кадрового управления представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей кадровой политики в органах власти (составлено на основе [1, 3-5, 7]).
Table 1.

Comparative analysis of personnel policy models in government bodies (compiled based on [1, 3-5, 7]).

Характеристики системы	Модели	
	Традиционная (административная)	Современная (клиентоцентричная)
Базовый фокус HR-службы	Заккрытие штатных вакансий (реактивный рекрутмент)	Удержание талантов (проактивность)
Основная мотивация персонала	Гарантии занятости, социальный статус, выслуга лет	Ценность решаемых задач, профессиональное развитие
Реакция на нехватку кад-ров	Снижение входных квалификационных барьеров	Цифровизация процессов, перераспределение функций
Архитектура развития карьеры	Жесткая вертикальная иерархия без вариативности	Матричные пулы, гибкие проектные команды

Основываясь на проанализированных эмпирических данных конца 2025 – начала 2026 годов и принимая во внимание вектор текущих государственных реформ, представляется целесообразным сформулировать ряд научно обоснованных рекомендаций, ориентированных на интенсивное повышение кадровой устойчивости (рис. 1).

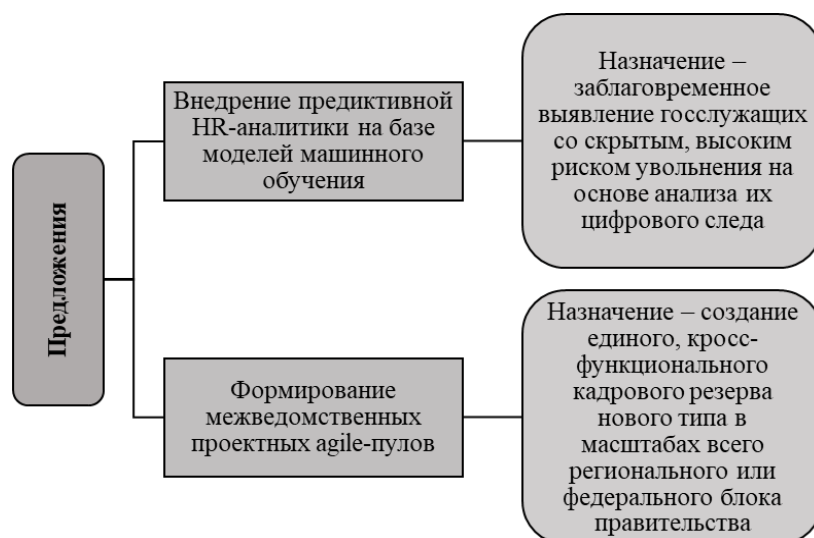

Рис. 1. Меры, ориентированные на повышение кадровой устойчивости органов исполнительной власти.
Fig. 1. Measures aimed at increasing the personnel stability of executive authorities.

В части внедрения предиктивной HR-аналитики на основе моделей машинного обучения следует отметить её отличие от традиционных практик, таких, как выходные интервью, фиксирующие причины увольнений уже после их наступления. Анализ показателей – интенсивности в системах электронного документооборота, объёма неоплачиваемых переработок, продолжительности пребывания в одной должности – дает возможность заранее обнаруживать риски профессионального выгорания и своевременно реагировать на них. Тем самым происходит переход от реактивной модели управления персоналом к превентивной, что, в свою очередь, снижает затраты на подбор и адаптацию кадров.

Говоря о формировании межведомственных проектных agile-пулов, важно указать на то, что данный инструмент закрепляет возможность горизонтальной мобильности госслужащих между ведомствами для решения конкретных антикризисных задач или реализации национальных проектов. Это способствует снижению монотонности административной деятельности, отвечает запросу молодых специалистов на

более динамичную профессиональную среду, частично устраняет проблему узкой кадровой специализации внутри отдельных органов власти.

С учётом ограничений бюджетной политики, не позволяющих существенно наращивать базовые оклады, представляется целесообразным расширение возможностей нематериальной мотивации. В частности, государственным служащим может быть предоставлено право выбора элементов социального пакета, в том числе, расширенные программы добровольного медицинского страхования для членов семьи, компенсация занятий спортом либо финансирование дополнительного профессионального обучения. Новизна этого предложения состоит в успешном переносе гибкой корпоративной практики в консервативный бюджетный сектор. А это резко повышает воспринимаемую привлекательность государственного работодателя.

Выводы

Проблема кадрового дефицита в органах исполнительной власти к 2026 году окончательно трансформировалась из сугубо управленческой в сложную правовую аномалию. Текущие макроэкономические вызовы наглядно обнажили критическую ригидность действующего нормативно-правового регулирования института государственной службы. По сути, базовые императивные положения профильного законодательства, которые формировались в принципиально иных социально-экономических реалиях, сегодня объективно не отвечают требованиям институциональной гибкости. Вследствие этого резюмируем, что жесткая правовая регламентация штатных расписаний, избыточно формализованные процедуры конкурсного отбора, неэластичная система оплаты труда служат главными юридическими барьерами для удержания талантов. Любое сохранение статус-кво в административном законодательстве представляется не просто неэффективным, но и стратегически опасным для устойчивости госаппарата в реалиях высочайшей конкуренции на рынке труда.

В перспективе дальнейших академических изысканий уместным видится глубокое исследование возможностей установления экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц») в сфере кадрового обеспечения отдельных пилотных министерств, которые проходят процедуру оптимизации. Очевидно, что именно на сложном междисциплинарном стыке инновационной юриспруденции, поведенческой экономики, цифровых технологий лежат подлинные ключи к преодолению институционального кадрового кризиса. В конечном счете, от качества правотворческой работы по обновлению правового статуса государственного служащего будет зависеть как законность и эффективность функционирования ведомств, так и общая макроэкономическая конкурентоспособность российской системы публичной власти в наступающую эпоху.

Список источников

1. Волкова Л.Н., Волочко А.С. Особенности кадрового управления в деятельности органов исполнительной власти // Сборник научных работ серии «Государственное управление». 2021. № 24. С. 109 – 122.
2. Гореликов А. Власти сократят от 10% госслужащих за счет цифровизации. URL: <https://prosto.rabota.ru/post/vlasti-sokratyat-ot-10-gossluzhashchih-za-schet-cifrovizacii/> (дата обращения: 05.03.2026)
3. Киржинова С.А., Болокова М.А. Изменения в кадровой политике органов исполнительной власти // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13. № 3. С. 157 – 163.
4. Логвин Р.Б. О необходимости создания единого кадрового агентства в контексте реформирования структуры федеральных органов исполнительной власти // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 6. С. 121 – 124.
5. Логвин Р.Б. Об оптимизации функций федеральных органов исполнительной власти // Современный юрист. 2021. № 4 (37). С. 20 – 27.
6. Романов И. ЦБ оценил дефицит кадров в России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/01/2026/6977> (дата обращения: 05.03.2026)
7. Сладкова Н.М., Воскресенская О.А., Ясинская И.А. Единая кадровая служба и централизация кадровых функций в органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2 (55). С. 146 – 158.
8. Сладкова Н.М., Ясинская И.А. Государственная служба в условиях высококонкурентного рынка труда // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12. № 12. С. 2341 – 2364.

9. Фартыгина А. Правительство России с 1 июля 2025 года начнет сокращение госслужащих. URL: <https://realnoevremya.ru/news/321861-pravitelstvo-rossii-s-1-iyulya-2025-goda-nachnet-sokraschenie-gossluzhaschih> (дата обращения: 05.03.2026)

10. Центробанк оценил дефицит кадров в России. URL: <http://ural.gosnadzor.ru/news/67/21360/> (дата обращения: 05.03.2026)

References

1. Volkova L.N., Volochko A.S. Features of personnel management in the activities of executive bodies. Collection of scientific papers in the series "Public Administration". 2021. No. 24. P. 109 – 122.

2. Gorelikov A. Authorities will cut 10% of civil servants through digitalization. URL: <https://prosto.rabota.ru/post/vlasti-sokratyat-ot-10-gossluzhashchih-za-schet-cifrovizacii/> (date of access: 05.03.2026)

3. Kirzhinova S.A., Bolokova M.A. Changes in the personnel policy of executive bodies. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 157 – 163.

4. Logvin R.B. On the Need to Create a Unified Personnel Agency in the Context of Reforming the Structure of Federal Executive Bodies. Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2022. No. 6. P. 121 – 124.

5. Logvin R.B. On Optimizing the Functions of Federal Executive Bodies. Modern Lawyer. 2021. No. 4 (37). P. 20 – 27.

6. Romanov I. The Central Bank assessed the personnel shortage in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/01/2026/6977> (date of access: 05.03.2026)

7. Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A., Yasinskaya I.A. Unified personnel service and centralization of personnel functions in government bodies of the constituent entities of the Russian Federation. Social and labor studies. 2024. No. 2 (55). P. 146 – 158.

8. Sladkova N.M., Yasinskaya I.A. Civil service in a highly competitive labor market. Leadership and management. 2025. Vol. 12. No. 12. P. 2341 – 2364.

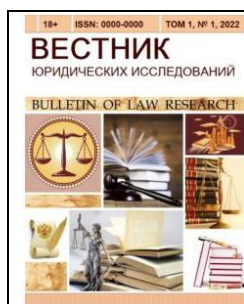
9. Fartygina A. The Russian government will begin laying off civil servants from July 1, 2025. URL: <https://realnoevremya.ru/news/321861-pravitelstvo-rossii-s-1-iyulya-2025-goda-nachnet-sokraschenie-gossluzhaschih> (date of access: 05.03.2026)

10. The Central Bank assessed the personnel shortage in Russia. URL: <http://ural.gosnadzor.ru/news/67/21360/> (date of access: 05.03.2026)

Информация об авторе

Шульга Е.А., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Liza_shulga0910@mail.ru

© Шульга Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 329.17

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-18-23

Идеологические установки современных российских коллаборационистов на примере «специальной военной операции»

¹ Арчаков М.К.,

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: политический экстремизм всегда был и остается одним из факторов дестабилизации политической ситуации в современных странах. Тем более, если экстремистская деятельность реализуется в форме совершения террористических актов в условиях вооруженного противостояния. С началом проведения СВО ряд проукраински настроенных представителей правых радикалов, из числа бывших граждан РФ, стали создавать военизированные подразделения коллаборационистов для службы в рядах украинских вооруженных сил. Интерес для исследования представляет изучение мировоззренческих установок коллаборационистов, которыми они руководствуются, участвуя в боевых действиях против вооруженных сил РФ и совершая террористические акции против россиян. Изучение деятельности вооруженных подразделений коллаборационистов позволяет понять методы их деятельности, обоснование и предполагаемую угрозу для государственной безопасности России.

Ключевые слова: современный коллаборационизм, политический экстремизм, радикализм, терроризм, неонацизм, специальная военная операция, государственная безопасность

Для цитирования: Арчаков М.К. Идеологические установки современных российских коллаборационистов на примере «специальной военной операции» // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 18 – 23. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-18-23

Поступила в редакцию: 6 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Ideological attitudes of modern Russian collaborators on the example of the “special military operation”

¹ Archakov M.K.,

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: political extremism has always been and remains one of the factors of destabilization of the political situation in modern countries. Especially if extremist activity is implemented in the form of committing terrorist acts in the conditions of armed confrontation. With the beginning of the SVO, a number of pro-Ukrainian representatives of right-wing radicals, from among former Russian Federation citizens, began to create paramilitary units of collaborators to serve in the ranks of the Ukrainian armed forces. The study of the worldview of collaborators and their participation in military operations against the Russian Armed Forces and terrorist acts against Russians is of great interest. Studying the activities of armed collaborator units allows us to understand their methods, rationale, and potential threat to Russia's national security.

Keywords: modern collaborationism, political extremism, radicalism, terrorism, neo-Nazism, special military operation, national security

For citation: Archakov M.K. Ideological attitudes of modern Russian collaborators on the example of the “special military operation”. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 18 – 23. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-18-23

The article was submitted: April 6, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Начало проведения СВО (специальная военная операция) привело к появлению такого феномена, как военная коллаборация, выразившаяся в поступлении части российских граждан на военную службу в ряды украинских вооруженных сил. Речь идет, прежде всего, о подразделении «Русский добровольческий корпус», далее «РДК» (деятельность запрещена на территории РФ), который действует в рядах Иностранного легиона и принимал участие в ряде вооруженных нападений на территорию России (Брянская область). Деятельность «РДК» и является проявлением такого феномена, как коллаборационизм, т.е. добровольным и осознанным сотрудничеством с врагом в его интересах с целью нанесения ущерба своей стране (участие в боевых действиях, террор, диверсии, убийства мирных граждан, прочие военные преступления и т.д.). В силу чего, по решению Второго Западного окружного военного суда от 16 ноября 2023 г. деятельность группировки «Русский добровольческий корпус» запрещена на территории России, а сама структура под названием «РДК» внесена в список террористических организаций.

Материалы и методы исследований

Согласно толковому словарю Ожегова С.И., термин «терроризм» определяется, как практическая реализация террора, проявляющаяся в физическом насилии над политическими противниками с целью их устрашения или уничтожения, а также в силовом воздействии на различные слои населения [8].

Тогда как Суворов А. определяет терроризм как идеологию и практику оказания насильственного воздействия на государственные органы власти или общество, в целом, с целью реализации своих политических целей [6].

Один из исследователей данного феномена Емельянов В.П., соотносит терроризм с публичной практикой совершения общепасных действий, направленных на «устрашение различных социальных групп» с целью оказания определенного воздействия на реализацию каких-либо целей террористов [2].

С точки зрения Чекалевой Н.М., в политологическом смысле терроризм характеризует тактику террора, то есть проявляется в особо жестоких формах политического насилия, используемых террористами для достижения своих целей в политике [9].

В тоже время автор исследования «Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение» Михеев И.Р., считает, что под терроризмом, в современной юридической литературе, принято понимать совокупность насильственных действий в отношении различных субъектов политических отношений с целью «достижения выгодных для террористов результатов» [4].

По нашему мнению, терроризм есть один из видов экстремистского действия (экстремизм – более широкое понятие), используя который отдельное лицо или группа лиц пытается достичь определенных целей в политике, осуществляя свою деятельность на основе применения ничем неограниченного насилия против отдельных граждан, организаций, органов власти и управления. Начало проведения СВО привело к тому, что часть граждан России заняла открытую проукраинскую позицию, не только выражаемую в различных соцсетях, но непосредственно связанную с участием в боевых действиях на стороне украинских вооруженных сил. Что характерно коллаборационизм затронул в большей мере представителей российских националистических организаций, многие активные представители которых, покинув пределы РФ, прямо призвали поддержать украинскую армию в конфликте, вступая в ее вооруженные силы. На основе таких призывов и настроений сформировался «Русский добровольческий корпус», который возглавил сторонник ультраправых идей, русский националист (как он себя сам позиционирует) Денис Капустин (внесен в федеральный список террористов и экстремистов).

Организация «РДК» была создана ближайшими соратниками Капустина весной 2023 г. из числа праворадикальных активистов, имеющими криминальные и прочие навыки и осевшими в разное время на территории Украины. Численность «РДК» составила не более ста человек, отпочковавшихся от подразделения «Азов» (деятельность запрещена на территории РФ) и вошедших в ряды «Иностранного легиона» ВСУ (деятельность запрещена на территории РФ) в качестве отдельного подразделения.

По мнению Альшаевой И., идеология «РДК» основана на идеях русского национализма, выраженных в крайних формах, а ярлыки оппонентов навроде «неонацисты» или «неовласовцы» рассматриваются как комплименты, поскольку в «РДК» к фюрерам Третьего рейха или к генерал-предателю Андрею Власову относятся с глубоким почитанием [1].

Результаты и обсуждения

Так каковы же идеологические установки организации «РДК» и какое будущее предлагают ее идеологи народам России? Для исследования этого вопроса обратимся к основополагающему документу «РДК» манифесту «Человек этнический», опубликованному в мае 2023 г. [12].

Документ содержит небольшое вступление – рассуждение на тему осуждения аполитичной позиции обычного русского человека, закрывающего глаза на то «как украинское население подвергается бомбежкам, обстрелам, геноциду» и поэтому являющегося, как утверждают авторы манифеста скорее россиянином, чем «настоящим русским человеком». Поскольку истинно русские люди должны выступить против «пузатых обывателей-россиянцев» в защиту национальной идентичности с украинским народом. Как видно, авторы документа сознательно разделяют население России на «своих» и «чужих», «русских» и «россиян», «белую расу» и «недочеловеков», чем пытаются манипулировать с целью обоснования своей идеи о необходимости свержения государственной власти в России и формирования «русского этнического государства».

Далее этот документ подводит читателя к мысли, что такие идеологии, как либерализм и коммунизм – неспособные решать задачи, стоящие перед русским народом, должны быть отброшены и заменены некой идеологией «третьего пути», а именно «этническим мировоззрением» (отсюда название манифеста «Человек этнический»), состоящим в объединении «истинно русских людей» на основе «крови и почвы», что, безусловно, указывает на идеологическое родство этого манифеста с идеями гитлеровского национал-социализма.

Завершается манифест призывом к проявлению «способности рисковать и жертвовать собой ради высокого идеала» в деле построения «чистокровного русского этногосударства».

Таким образом, манифест «РДК» представляет собой простой набор националистических идеологических штампов, которые, в тоже время, порождают вопрос о генезисе данного документа, а именно, какие идеи были использованы в подготовке манифеста руководством «РДК». И здесь мы обращаем внимание на некую зависимость идеологических установок «РДК» от взглядов так называемых «теоретиков русского этнического национализма» Петра Хомякова (1950-2014 гг.) и Алексея Широпаева.

Хомяков Петр, доктор технических наук, входил в руководство ряда правых политических организаций, таких как «Конгресс русских общин», «Партия Свободы», «Северное братство» и «Российское отделение международного национально-демократического движения», автор нескольких националистических брошюр, например «Россия против Руси» (2004 г.).

По мнению Шнирельмана В.А., «именно Петр Хомяков одним из первых националистов выступил с лозунгом разделения России на ряд независимых государств и создания на ее территории «чисто русской национальной федерации» [11, с. 250].

Развивая свою теорию, Хомяков в 2004 г. публикует небольшую книжку с названием «Россия против Руси», где утверждает, что Русь – национальное государство русского народа, тогда, как Россия – многонациональная империя, образованная в результате установления монголо-татарского ига и победившая Русь в XV веке, подчинив, таким образом, ордынским порядкам, установившимся в России. Отсюда делался вывод, что русским необходимо вернуться к национальной государственности – Руси, обретя государственный суверенитет и разрушив «наследницу монголо-татарского ига» Россию.

В своих статьях и брошюрах Петр Хомяков постоянно призывал к борьбе против российского государства, что закончилось возбуждением против него уголовного дела за организацию экстремистского сообщества. Окончания расследования Хомяков ждать не стал и сбежал на территорию Украины, где сотрудничал с идеологом УНА – УНСО Дмитрием Корчинским и руководством «Правого сектора» (деятельность запрещена на территории РФ). В 2014 г. организовал и провел Первый Съезд русской радикальной оппозиции, где приняли участие украинские нацисты и бывшие чеченские боевики.

Незадолго до своей смерти, написал ряд статей, где призывал русских националистов на территории России «поджигать трансформаторные будки», «разбирать рельсы», заниматься диверсиями и саботажем [7].

Идеи Петра Хомякова нашли свое воплощение в некоторых программных статьях «РДК», например в «Меморандуме Русского добровольческого корпуса», где прямо утверждается необходимость «отказа РФ

от территорий, аннексированных в ходе агрессивных войн» и «признание прав народов, проживающих на территории РФ на самоопределение», что при реализации, по мнению идеологов «РДК», приведет к территориальному распаду России и созданию множества независимых государств, в том числе Русской республики [3]. То, что эти «республики» будут несамостоятельными, подконтрольными и полностью зависимыми от США и блока НАТО этими «идеологами» не конкретизируется.

Помимо Хомякова П. на формирование идеологии «РДК» оказал влияние теоретик современного неоязычества, лидер малоизвестной даже в кругах националистов организации «Национал-демократический альянс» Алексей Широпаев, активно поддерживавший проведение Майдана в Украине в 2014 г., как проявление «антиколониальной, демократической и европейской» революции.

Основные свои идеи Широпаев изложил в небольшой книжке «Тюрьма народа», где под этой «тюрьмой» подразумевал Российскую империю, СССР и современную Российскую Федерацию.

В своем сочинении автор полагает, что начало истории Руси связано с чистокровными арийцами (норманнами и венедами), обладавшими величайшими культурными достижениями и создавшими Великий Новгород, который стал оплотом «нордического, европейского населения». Этой «колыбели белого человечества», по Широпаеву, противостоял «евразийский проект», выразителями которого стали представители «кавказско-татарской-еврейской массы», которые и повели военную экспансию против «нордического Севера» для искоренения русского народа.

Этот «евразийский проект» проявился в походах князей Московии против Киева и Великого Новгорода с целью их подчинения и разграбления, а затем осуществлялся в политике Российской империи, «подавлявшей русский народ» и подчинявший его правителям – «немцам». Не принесло освобождения русскому народу и установление Советской власти или по автору – «Новой Хазарии», создавшей огромный ГУЛАГ и проводившей геноцид в отношении «белых людей». Поэтому Широпаев положительно оценивал нападение Германии на Советский союз, считая, что в условиях войны у русских был шанс создать национальное государство «Германскую Русь» в составе фашистской Германии, но он не сложился, чему виной «сионские мудрецы» [10, с. 126].

Современная Российская Федерация, по мнению Широпаева, так же не защищает права русских людей, и они страдают от «национального гнета», поскольку инородческие дотационные республики получают финансовую и экономическую помощь в ущерб русским краям и областям. По этой причине он выступил с позиции русского сепаратизма, заявив о необходимости расчленения России на семь небольших независимых государств, в которых будет легче защищать интересы русских граждан. Основным русским государством должна стать «Великая Русь», состоящая из центральных и северо-западных районов бывшей РФ с ориентацией на немецкие расовые идеи «чистоты крови и почвы». Эта «Великая Русь» рассматривается Широпаевым А. как центр конфедеративного образования русских республик и плацдарм для создания «современной русской неоколониальной империи».

По мнению Широпаева, это новое «русское государство» должно сотрудничать с США, НАТО и Евросоюзом, получать от них разностороннюю помощь и поддерживать на международной арене. Поэтому после начала СВО, Широпаев А., считавший себя представителем своего проекта «Великая Русь» выступил с «резким осуждением российской агрессии против Украины, как агрессии «евразийского проекта» против «белой европейской расы» и призвал к оказанию всесторонней помощи украинским вооруженным силам» [10, с. 131].

Как видно из нашего исследования, мировоззренческие идеи Широпаева А. оказали определенное влияние на разработку основного программного документа современных российских коллаборантов «Человек этнический» в плане обоснования создания предполагаемого «русского этнического государства».

Выводы

Организация «РДК», опираясь на идеи своих предшественников, за основу взяла мировоззренческие установки этнонационализма, германского нацизма, антикоммунизма и неприкрытого «белого» расизма. Неслучайно члены «РДК» именуют себя «этническими русскими» и противопоставляют остальным россиянам, которые называются «вырусью», поскольку поддерживают действующую власть и не выступают за отделение от многонациональной России. После своей победы члены «РДК» будут создавать «русское этническое государство» на преимущественно европейской части территории России. Остальным народам гарантируется право на самоопределение и обретение своей государственности.

Члены «РДК» негативно относятся к президенту РФ В.В. Путину и другим представителям российской власти, выступая с призывами к проведению открытых судебных трибуналов над ними. Идеологи «РДК» отрицают возможность мирной смены власти в России и выступают за насильственные действия, как извне,

так и изнутри страны, организованные проукраинскими националистическими группировками. Что интересно, документы и выступления лидеров «РДК» не содержат проектов экономических, политических, социальных и прочих преобразований в России и представляют собой лозунговый, во многом демагогический набор установок популистского характера.

Проведенное нами исследование показало, что определенная часть российских националистов, покинувшая территорию РФ после начала СВО, выступила в поддержку украинских вооруженных сил, объединившись в рядах организации «Русский добровольческий корпус». Основой объединения послужили идеи «правых НС» (национал-социалистов), носителями которых были эти коллаборанты и для которых мировоззренческие установки «белого» расизма, неонацизма, антикоммунизма стали базовыми, определяющими в их поддержке украинцев, как братьев по белой расе. Искусственное разделение русского народа на «этнических русских» и «вырусей» (россиян) позволяет членам «РДК» объяснять свое участие в нападениях на территорию России (налет на приграничье Брянской области) и служит им неким «оправданием» участия в акциях террористического характера. В силу своих мировоззренческих установок, риторики лидеров, открытых террористических действий, организация коллаборационистов «РДК» представляет прямую угрозу российскому государству, мирным жителям, территориальной целостности страны и подлежит ликвидации военным путем, а ее участники преследованию по нормам российского законодательства.

Список источников

1. Альшаева И. «Русский добровольческий корпус» *: пристанище политических негодяев // Звезда [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://zvezdaweekly.ru/news/2023614125-3IUCj.html> (дата обращения: 21.07.2025)
2. Емельянов В.П. Терроризм – угроза обществу // РБК [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.miet.ru/page/106759> (дата обращения: 23. 07. 2025)
3. За что мы сражаемся // Telegram-канал РДК. 2022. 25 ноября.
4. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // Антитеррор [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cchgeu.ru/upload/staff/antiterror/metodicheskie-dokumenty/Terrorizmponyatie,otvetstvennost,preveduprezhdenie.pdf> (дата обращения: 26.07.2025)
5. Паин Э.А. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2023. № 1-2 (122). С. 126 – 139.
6. Суворов А. Терроризм // Правовой журнал [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://suvorov.legal/terrorizm/> (дата обращения: 29.07.2025)
7. Судьба русского провокатора // Пионер [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pioneer-lj.livejournal.com/1504459.html> (дата обращения 28.07.2025)
8. Толковый словарь Ожегова // Словарь Ожегова [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31699> (дата обращения 8.08.2025)
9. Чекалева Н.М. Специфика религиозного терроризма // УРГИ [Электронный ресурс] Режим доступа: https://urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15503/000_subpages_projects/M_konvent/prezentacii_2020/Politologi/CHekalev.pdf (дата обращения: 02.08.2025)
10. Широпаев А. Тюрьма народа. М., Изд-во «Наследие предков», 2002. 160 с.
11. Шнирельман В.А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., Издательство ББИ, 2012. 302 с.
12. Peter Weiss. Homo ethnicus / Человек этнический // Telegram. 2023. 29 мая.

References

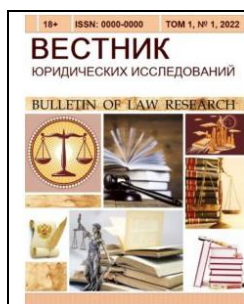
1. Alshaeva I. "Russian Volunteer Corps" *: a haven for political scoundrels. Zvezda [Electronic resource] Access mode: <https://zvezdaweekly.ru/news/2023614125-3IUCj.html> (date of access: 21.07.2025)
2. Yemelyanov V.P. Terrorism – a threat to society. RBC [Electronic resource] Access mode: <https://www.miet.ru/page/106759> (date of access: 23.07.2025)
3. What are we fighting for. Telegram channel RDK. 2022. November 25.
4. Mikheev I.R. Terrorism: Concept, Responsibility, Prevention. Anti-Terror [Electronic resource] Access mode: <https://cchgeu.ru/upload/staff/antiterror/metodicheskie-dokumenty/Terrorizmponyatie,otvetstvennost,preveduprezhdenie.pdf> (date of access: 26.07.2025)
5. Pain E.A. Modern Russian Nationalism: Dynamics of Political Role and Content. Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2023. No. 1-2 (122). P. 126 – 139.

6. Suvorov A. Terrorism. Legal Journal [Electronic resource] Access mode: <https://suvorov.legal/terrorism/> (date of access: 29.07.2025)
7. The Fate of a Russian Provocateur. Pioneer [Electronic resource] Access mode: <https://pioneer-lj.livejournal.com/1504459.html> (date of access: 28.07.2025)
8. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Ozhegov's Dictionary [Electronic resource] Access mode: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31699> (date of access: 08.08.2025)
9. Chekaleva N.M. The Specifics of Religious Terrorism. URGI [Electronic resource] Access mode: https://urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15503/000_subpages_projects/M_konvent/prezentacii_2020/Politologi/CHekalev.pdf (date accessed: 02.08.2025)
10. Shiropaev A. Prison of the People. Moscow, Publishing House "Heritage of Ancestors", 2002. 160 p.
11. Shnirelman V.A. Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia. Moscow, BBI Publishing House, 2012. 302 p.
12. Peter Weiss. Homo ethnicus. Ethnic Man. Telegram. 2023. May 29.

Информация об авторе

Арчаков М.К., доктор политических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, vostok731@yandex.ru

© Арчаков М.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 321.01

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-24-29

Бенедикт Спиноза в истории политико-правовой мысли

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: нидерландский мыслитель XVII столетия разработал оригинальную концепцию государства и юридического порядка, опирающуюся на учение о природе. Вклад мыслителя в теорию естественного права заключается в переосмыслении её основных принципов. Спиноза предложил оригинальную трактовку, отличающуюся от традиционных подходов своих предшественников и современников. Философ раскрывает специфику человеческой природы, непосредственно связанной с функционированием правовых и государственных институтов. Это понимание особенностей психики и поведения людей становится фундаментом для обоснования целесообразности определённых политических форм. Спиноза рассматривал политическую организацию как явление, вытекающее из естественных законов природы. Государственное устройство он понимал не как искусственный договор, а как необходимое следствие человеческой сущности, определяемой стремлением к самосохранению. По убеждению философа, верховная власть представляет собой совокупленную силу всех граждан. Легитимность политического режима напрямую зависит от его способности выражать и защищать интересы большинства населения. Юридические нормы, согласно взглядам мыслителя, служат инструментом упорядочения конфликтов между индивидуальными стремлениями. Закон эффективен лишь постольку, поскольку соответствует естественным побуждениям людей, а не противоречит им. Спиноза отдавал предпочтение республиканским формам правления перед абсолютизмом, усматривая в них большую гармонию между личными правами граждан и общественным благом.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, философия права, Спиноза, теория естественного права, теория общественного договора

Для цитирования: Скопа В.А. Бенедикт Спиноза в истории политико-правовой мысли // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 24 – 29. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-24-29

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Benedictus Spinoza in the history of political and legal thought

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: this 17th-century Dutch thinker developed an original concept of the state and legal order, based on the doctrine of nature and human passions. His contribution to natural law theory lies in his rethinking of its fundamental principles. Spinoza offered an original interpretation, differing from the traditional approaches of his predecessors and contemporaries. The philosopher reveals the specific nature of human nature, directly linked to the functioning of legal and state institutions. This understanding of the characteristics of human psychology and behavior becomes the foundation for justifying the appropriateness of certain political forms. Spinoza viewed political organization as a phenomenon arising from natural laws. He understood state structure not as an artificial con-

tract, but as a necessary consequence of human essence, determined by the desire for self-preservation. According to the philosopher, supreme power represents the combined strength of all citizens. The legitimacy of a political regime directly depends on its ability to express and protect the interests of the majority of the population. According to the thinker, legal norms serve as a tool for reconciling conflicts between individual desires. Law is effective only to the extent that it accords with, rather than contradicts, people's natural impulses. Spinoza favored republican forms of government over absolutism, seeing in them a greater harmony between the personal rights of citizens and the public good.

Keywords: history of political and legal doctrines, philosophy of law, Spinoza, natural law theory, social contract theory

For citation: Skopa V.A. Benedictus Spinoza in the history of political and legal thought. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 24 – 29. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-24-29

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Голландская юридическая и политическая мысль XVII века представляет собой пример одновременного сосуществования двух противоположных мировоззренческих систем: богословского и рационального направлений в анализе и разрешении государственно-правовых вопросов. Это столетие отмечено постепенным сдвигом парадигмы: учения о естественном праве, основанном на авторитете Божественного Откровения и теологических размышлениях, которые уступают место воззрениям, ориентированным на человеческий разум и индивидуальное начало.

Одной из значительных фигур в развитии теории естественного права XVII столетия стал Барух (Бенедикт) Спиноза. Уроженец Амстердама проявил незаурядный интеллект уже в юности, обучаясь в раввинской школе, где его видели будущим богословом [7]. Под влиянием рационалистической философии Декарта, эмпиризма Бэкона, механицизма Гоббса и натурфилософии Бруно философ постепенно пришёл к материалистическому мировоззрению и отвергнул религиозные догматы. Это определило его разрыв с еврейской общиной: в 1656 году он подвергся отлучению, удалился в сельское уединение и принялся писать труды политического характера. В своих произведениях он защищал республиканскую форму правления и обрушивал критику на церковную иерархию, усматривая в её влиянии серьёзное препятствие для развития научного знания и свободной мысли [3].

Главное произведение философа – «Этика, доказанная геометрическим методом» – излагает философские, этические и юридические понятия посредством строгого аксиоматико-дедуктивного аппарата, структурированного в виде аксиом, лемм и теорем [2, 10]. Вслед за Гроцием и Гоббсом Спиноза предпринял попытку исследовать человеческие действия и мотивации с математической точностью, применяя к ним те же принципы логического анализа, что используются при изучении геометрических объектов и пространственных отношений.

Политическое учение мыслителя нашло своё выражение в «Богословско-политическом трактате» [8]. Вышедший анонимно труд вызвал резкую враждебность среди духовенства и был официально запрещён в 1671 году. Государственный переворот 1672 года – свержение Яна де Витте, ранее оказывавшего философу покровительство, – стимулировал Спинозу к написанию «Политического трактата» (1675) [11], который остался не закончен вследствие смерти автора, наступившей 21 февраля 1677 года.

Научный анализ творчества нидерландского философа позволяет выявить его значительное влияние на развитие учений о государстве и праве, а также на формирование современной политической и юридической науки. Спинозовская интерпретация общественного договора отличается от классического договорного подхода [4]. Философ раскрывает механизмы взаимодействия между индивидами при формировании политического сообщества и закреплении юридических норм. Мыслитель развивает аргументацию в пользу республиканского устройства, демонстрируя его соответствие человеческой природе и обеспечение общественного благоденствия лучше, чем альтернативные государственные модели.

Материалы и методы исследований

Изучение политико-правовых концепций Спинозы базировалось на целом комплексе методологических принципов и научных парадигм: рационалистический анализ позволил рассмотреть государственно-правовые институты сквозь призму логики и разума, отвергая религиозные и мистические объяснения;

натурализм позволил объяснить понимание общественных отношений как естественное явление, подчиняющееся объективным закономерностям, подобно явлениям природы; историко-генетический метод дал возможность проанализировать развитие государства и права через призму их исторического становления и трансформации; механистический подход – трактовать государство в качестве сложного механизма, где каждый элемент взаимодействует по определённым правилам; материальный детерминизм – сделать акцент на роль материальных факторов в формировании политических структур и правовых норм.

Результаты и обсуждения

Учение Спинозы о государстве и праве коренится в его философской системе. В основе его мировоззрения лежит концепция единственной субстанции – саморождённого, вечного начала, не нуждающегося в божественном творении и объясняющегося исключительно собственной природой [1, 5]. По его убеждению, материальный мир и Бог суть одно целое. Мыслитель произвёл разграничение между рациональной философией и верой. На этой философской основе Спиноза выстроил концепцию строгого причинно-следственного детерминизма: все явления в мироздании протекают с необходимостью, связанные неразрывной сетью причин и действий; случайность отсутствует как таковая. Личность представляется частицей природного целого и, подобно всему сущему, тяготеет к самосохранению. Человеческой природе свойственны аффекты: радость, печаль, влечение. Освобождаются от аффектов исключительно учёные мужи, постигшие принципы устройства природы и полагающиеся на разум. Человеческие поступки определены неумолимой необходимостью. Свобода возможна только как подчинение необходимости разумом: индивид обретает независимость, когда повинуетя лишь логике разума [9]. Таким образом, свобода оказывается осознанным подчинением закономерности.

Вслед за Макиавелли, Бодэном, Гроцием и Гоббсом, голландский философ выступал против мыслителей, исследующих человека в идеальном виде вместо анализа реальных черт его натуры. По Спинозе, назначение политической науки состоит в том, чтобы вычленив из сущности человека те качества, которые оптимально соответствуют действительности и практическому опыту.

Государство и право Спиноза объясняет категориями естественной закономерности. Исходную позицию его доктрины составляет представление о вечной и неизменяемой природе человека, которая детерминирует возникновение и содержание государственного устройства. Краеугольный камень концепции – положение о естественном праве как извечной и постоянной норме, произрастающей из человеческой природы. Естественное право трактуется как совокупность природных закономерностей, определяющих ход всех событий. Объём естественных прав индивида соответствует границам его мощи или возможности к самосохранению [6]. Иными словами, каждый располагает столькими естественными правами, насколько обладает энергией, под которой понимается не физическая сила, а общественная потенция. В философской системе Спинозы человеческая мощь достигает оптимума при господстве разума. Рациональное начало побуждает человека к кооперации с себе подобными. В отрыве от общественного союза индивид не способен обеспечить свою защищённость.

Государство призвано пресечь войну каждого против каждого, гарантировать «безопасное существование» и способствовать взаимной поддержке граждан [8]. Позиция Спинозы относительно государственного устройства складывалась под воздействием учения Гоббса и одновременно в критическом диалоге с ним. Если Гоббс отстаивал идею неограниченной монархии, то Спиноза придерживался демократических убеждений. Эти идеологические расхождения обусловили различия в теоретическом содержании обеих доктрин. Голландский мыслитель отождествлял естественное право с «мощью» или потенцией. Рассматривая догосударственное состояние как сплошную конфликтность («войну всех против всех»), Спиноза скептически относился к вопросу о его реальном существовании. Кроме того, люди издревле связаны производственной кооперацией. Следовательно, «естественное право», в его представлении, остаётся умозрительной конструкцией [7, 12]. Зарождение государственности и нормативно-правового порядка вытекает из естественного противоречия между аффектами и логическим мышлением индивида. Человек обретает независимость исключительно в подчинении рациональному началу, однако большинство подвластно пассивным аффектам, толкающим на иррациональные действия. Именно поэтому необходимы право и государственная организация: «...Массы руководствуются собственными представлениями, порывами, нежели разумом; ими владеют случайные желания, пренебрегающие будущностью. Ни одна человеческая общность не в состоянии существовать без государственной власти и принуждения, а стало быть, без правовых установлений, обуздывающих и подавляющих страстные импульсы и дикие устремления индивидов» [8].

В концепции философа общественный договор не рассматривается как историческое событие, а предстаёт непрерывно воспроизводимым взаимодействием между подвластным населением и суверенной вла-

стью. Индивиды имеют возможность как явно отречься от своего естественного «права на всё», передав его государственным структурам, так и молчаливо согласиться с действующей системой политической власти. Свобода определяется как повиновение универсальному и справедливому нормативному акту. Как же достичь господства подлинного разума, направленного на общественную пользу? Спиноза полагал, что законотворчество невозможноверить государю, должностным лицам или иным частным персонам, ибо присущие им пристрастия (обусловленные естественной слабостью человека, пассивные аффекты неминуемо подавят рациональное начало). Дабы норма закона была логически обоснована, её должно принять многолюдное собрание. Страстные порывы у различных индивидов разнятся, эмоциональные состояния своеобразны, частные устремления несовместимы. В составе многочисленного собрания они взаимно компенсируются, оставаясь только рациональные основания. Рациональность нормативного акта и коллективная независимость реализуются только там, где решение принято развёрнутым собранием граждан. Наиболее устойчивое и рационально обоснованное государство, согласно его теории, – республиканское, в особенности демократической формации [9]. «В демократическом строе опасаться следует меньше абсурда, ибо маловероятно, чтобы обширное собрание единодушно приняло нечто иррациональное» [8]. Между государственным аппаратом и подданством необходимо поддерживать «баланс сил», в противном случае неизбежно возникает конфликт. С точки зрения Спинозы, устойчива лишь та политическая система, которая служит благу управляемого населения. Следовательно, государство в своих собственных интересах обязано обеспечивать гражданские свободы и процветание общественного целого.

В отличие от Гоббса, нидерландский мыслитель выступал против абсолютной монархии. Естественное право, по его трактовке, не теряет силу и в рамках гражданского общества. Государство, подобно всем природным явлениям, действует в соответствии с объективными природными законами. Государственная мощь, то есть юридическая способность государства издавать обязательные для подданных установления, ограничена его реальными возможностями осуществлять власть через систему поощрений и санкций. Эта властная способность имеет определённые границы. В компетенцию государства не входят сферы, где оно лишено средств воздействия посредством вознаграждения или наказания. Прежде всего это касается области свободного мышления и речи. Поскольку государство не располагает инструментом для принудительного контроля над мыслительными процессами граждан и их убеждениями, оно не имеет и права претендовать на такую власть [10, 11].

В своем «Богословско-политическом трактате» Спиноза отстаивал автономию научной мысли и философского исследования, одновременно обосновывая этические границы государственного влияния: полномочия власти ограничиваются запретом на действия, подорвавшие бы ее престиж или спровоцировавшие недовольство населения [8]. Подобно Макиавелли, нидерландский мыслитель анализировал психологические механизмы государственного управления – на какие эмоции опирается правительство и какие провоцируют её крушение. Центральное затруднение, которое пытается разрешить философ: как, учитывая человеческую природу, устроить политический порядок таким образом, чтобы и властители, и граждане поступали во имя общегосударственного интереса и следовали велениям интеллекта? Спиноза отвергает неограниченную королевскую власть, тогда как сторонник ограниченной монархии и благородной республики, которые, по его убеждению, требуют превентивных механизмов для недопущения деспотизма и угнетения [8]. Защищая народное правление, мыслитель утверждает: истинное мощное государство, основанное на добровольном согласии граждан, управляемое посредством рациональной законодательной базы и гарантирующее независимость и справедливость, является только демократией – «способом власти, принадлежащей большинству» [8]. Принципиальная черта демократического устройства состоит в отсутствии расхождения между властной структурой и волей граждан. Люд в такой системе поступает согласно собственной воле. Политического разделения власти и населения не существует. Как и его предшественник Макиавелли, Спиноза восхваляет простой люд, полагая его качественно не ниже аристократии – психологические черты идентичны; различие кроется только в том, что элита скрывает недостатки под маской «роскошных излишеств, демонстративных расходов, притворной образованности и эстетизированной распушенности» [8].

Народное правление гарантирует разумность нормативно-правовой базы: «Свободным является исключительно тот, кто без двойственности в сердце строит жизнь согласно велениям разума» [8]. Рациональность законотворчества достигается благодаря участию многолюдного народного собрания, где противоречивые побуждения взаимно нейтрализуют друг друга. Основатели демократии согласились, что решающей силой обладает решение, набравшее поддержку большей части собрания. Почтение к этому исходному договору гарантирует всеобщее равноправие и независимость. Демократический строй приближается к той

свободе, что дарована природой каждому индивиду: отсюда вытекает, что все пользуются одинаковым статусом, как в первобытном состоянии.

В аристократическом строе управление сосредоточено в руках узкой группы привилегированных лиц. Большинство населения отстранено от участия в политике, однако не поработщено. Правящая элита предоставляет подданным определённые свободы как средство укрепления собственного положения. Стабильность аристократии зависит от численности её членов. Философ подчёркивал, что благосостояние патрициев играет важную роль – имущие олигархи способны финансировать государственный аппарат [8]. Уязвимость этого режима проявляется при сокращении количества правящих и концентрации власти в одних руках, особенно у военного лидера.

Спиноза выступал сторонником концепции «просвещённой монархии», предназначенной предотвратить её деградацию в деспотизм. Достичь этого позволит триада механизмов: закрепление неизменяемых норм, которые сам монарх не в праве отменить; создание представительного органа; формирование армии. Жители такого государства должны пользоваться одинаковым статусом; требуется достигнуть согласия при решении вопросов общегосударственного значения.

Для реализации этого замысла он предлагал следующее:

- экономический базис, где имущество находится в государственной собственности и предоставляется во временное пользование; основной род деятельности граждан – предпринимательство и финансовые операции, обеспечивающие социальную согласованность;

- государственное устройство, где высшая инстанция – Великий совет, транслирующий общественное согласие. Монарх ежегодно назначает его членов (сроком на 3-5 лет) из граждан старше 50 лет, соблюдая ротацию. Заседания проводятся не менее четырёх раз в год. К его полномочиям отнесены: охрана конституционных основ, законотворчество, надзор над чиновничеством. В промежуточный период Совет замещается управляющей комиссией из 50 лиц. Судебная ветвь представлена коллегией (50-60 судей) из числа граждан с тайным голосованием при вынесении решений.

- военная организация, где вооружённые силы комплектуются исключительно из населения; граждане обязаны владеть оружием, что гарантирует, что нормативная база отражает подлинную волю и защищена боевой мощью. В итоге монарх обладает лишь формальным авторитетом; действительное руководство принадлежит представительным структурам, опёртым на народное вооружение. По сути, это система конституционной монархии, где государь символизирует власть, но не осуществляет реальное управление [8, 11].

Спиноза связывал конфликты, мятежи и нарушения норм с дефектами центральной власти. Его взгляды на народное сопротивление трансформировались со временем. Первоначально он считал необходимым сохранять любой государственный порядок, требуя подчинения даже деспоту. Такая позиция отражала реалии Нидерландов до 1672 года. В позднем труде «Политический трактат» философ резко критикует монархический переворот 1672 года и оправдывает народное восстание против враждебной власти [11]. Верховная инстанция, посягающая на коллективное процветание и личные свободы, сама становится архитектором собственного краха.

Выводы

Таким образом, философская система Спинозы обосновывает государство и право через естественную необходимость и рациональность. Отвергая неограниченную монархию Гоббса, мыслитель отстаивает демократию как наиболее устойчивую форму, где коллективное принятие решений нейтрализует страстные импульсы отдельных лиц и обеспечивает рациональность законов. Государственная власть должна быть конституционно ограничена и подчинена интересам управляемых, гарантируя гражданам свободу мысли, равноправие и независимость – условия, при которых люди добровольно подчиняются разуму вместо деспотизма. Таким образом, легитимность государства основана не на повиновении авторитету, а на служении общему благу и сохранении баланса между властью и волей народа.

Список источников

1. Moder G. Hegel und Spinoza. Negativität in der gegenwärtigen Philosophie. Viena, 2012. 212 p.
2. Бельский М.С. Спиноза. М., 1964. 240 с.
3. Галкин И.В. Бенедикт Спиноза как политический и правовой мыслитель: опыт юридической метафизики. М., 2014. 247 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1994. 582 с.
5. Лейст О.Э. Учение Спинозы о государстве и праве. М., 1960. 54 с.

6. Сальников В.П., Масленников Д.В., Зорина Н.В., Прокофьев К.Г. Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт-Спиноза-Кант // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 10. С. 177 – 192.
7. Соколов В.В. Мировоззрение Бенедикта Спинозы // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 5 – 66.
8. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 5 – 284.
9. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке его счастье // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 67 – 172.
10. Спиноза Б. Основы философии Декарта, доказанные геометрическим методом // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 173 – 264.
11. Спиноза Б. Политический трактат // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 285 – 382.
12. Фролова Е.А. Бенедикт Спиноза как философ права и политический мыслитель // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 85 – 78.

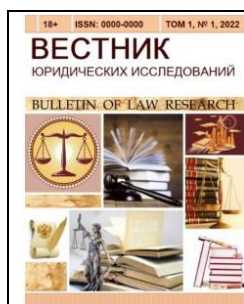
References

1. Moder G. Hegel und Spinoza. Negativity in the Righteous Philosophy. Vienna, 2012. 212 p.
2. Belen'kiy M.S. Spinoza. Moscow, 1964. 240 p.
3. Galkin I.V. Benedict Spinoza as a Political and Legal Thinker: An Essay on Legal Metaphysics. Moscow, 2014. 247 p.
4. Hegel G.V. F. Lectures on the History of Philosophy. St. Petersburg, 1994. 582 p.
5. Leist O.E. Spinoza's Doctrine of the State and Law. Moscow, 1960. 54 p.
6. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zorina N.V., Prokofiev K.G. Transcendentalism and the Idea of Freedom in the Philosophy of Law: Descartes-Spinoza-Kant. Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 10. P. 177 – 192.
7. Sokolov V.V. The Worldview of Benedict Spinoza. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1957. P. 5 – 66.
8. Spinoza B. Theological and Political Treatise. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1957. P. 5 – 284.
9. Spinoza B. Short Treatise on God, Man and His Happiness. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1957. P. 67 – 172.
10. Spinoza B. Foundations of Descartes' Philosophy, Proved by the Geometrical Method. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1957. P. 173 – 264.
11. Spinoza B. Political Treatise. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1957. P. 285 – 382.
12. Frolova E.A. Benedict Spinoza as a Philosopher of Law and Political Thinker. Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 4. P. 85 – 78.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.2

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-30-34

Институционализация цифровых коммуникаций в системе публичного управления: механизмы, развитие и платформенные практики в современной России

¹ Супран Ф.К.,

¹ Институт деловой карьеры

Аннотация: в статье исследуется процесс институционализации цифровых коммуникаций как системообразующего фактора трансформации публичного управления в Российской Федерации. Выявлено научное противоречие между декларируемой моделью «государства как платформы» и сохраняющейся фрагментарностью цифровых коммуникационных практик в регионах. На основе анализа 85 госабликов в 10 субъектах РФ и экспертных интервью (n=25) предложена авторская типология уровней институциональной зрелости цифровых коммуникаций органов власти: базовый, функциональный, интегративный и платформенный. Установлено, что лишь 18% проанализированных госабликов достигли интегративного и платформенного уровней, что свидетельствует о неравномерности институционализации. Разработана модель трансформации публичного управления под влиянием цифровых коммуникаций, включающая три ключевых механизма: нормативный, технологический и коммуникативно-поведенческий. Эмпирически обосновано, что переход от «информирования» к «диалогу» происходит только при достижении определенного порога институциональной плотности (не менее 3 активных коммуникационных каналов на орган власти). Выявлена корреляция между уровнем институциональной зрелости госаблика и показателями вовлеченности аудитории. Научная новизна заключается в разработке критериальной модели оценки институциональной зрелости цифровых коммуникаций и эмпирическом обосновании стадийности институционализационного процесса.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, публичное управление, институционализация, госаблики, институциональная зрелость, платформенные практики, государство как платформа, GovTech, уровни институционализации

Для цитирования: Супран Ф.К. Институционализация цифровых коммуникаций в системе публичного управления: механизмы, развитие и платформенные практики в современной России // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 30 – 34. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-30-34

Поступила в редакцию: 8 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Institutionalization of digital communications in the public administration system: mechanisms, development and platform practices in modern Russia

¹ Supran F.K.,

¹ Institute of Business Career

Abstract: the article examines the process of institutionalization of digital communications as a system-forming factor in the transformation of public administration in the Russian Federation. A scientific contradiction has been revealed between the declared model of the “state as a platform” and the continuing fragmentation of digital com-

munication practices in the regions. Based on the analysis of 85 government publications in 10 regions of the Russian Federation and expert interviews (n=25), the author's typology of levels of institutional maturity of digital communications of government authorities is proposed: basic, functional, integrative and platform. It was found that only 18% of the analyzed state-owned enterprises reached the integrative and platform levels, which indicates the uneven institutionalization. A model of transformation of public administration under the influence of digital communications has been developed, which includes three key mechanisms: regulatory, technological, and communicative-behavioral. It is empirically proven that the transition from "informing" to "dialogue" occurs only when a certain threshold of institutional density is reached (at least 3 active communication channels per authority). A correlation has been revealed between the level of institutional maturity of the state-owned republic and indicators of audience engagement. The scientific novelty lies in the development of a criterion model for assessing the institutional maturity of digital communications and empirical substantiation of the stadiality of the institutionalization process.

Keywords: digital communications, public administration, institutionalization, state-owned enterprises, institutional maturity, platform practices, government as a platform, GovTech, levels of institutionalization

For citation: Supran F.K. Institutionalization of digital communications in the public administration system: mechanisms, development and platform practices in modern Russia. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 30 – 34. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-30-34

The article was submitted: April 8, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

В современной России цифровая трансформация публичного управления достигла этапа, когда внедрение цифровых технологий перестало быть точечным экспериментом и приобрело институциональный характер. Однако анализ практики выявляет фундаментальное противоречие: при формальном закреплении в стратегических документах модели «государства как платформы» и массовом внедрении цифровых сервисов реальные коммуникационные практики органов власти остаются фрагментированными, слабо интегрированными и существенно варьируются по регионам. Данное противоречие порождает исследовательский вопрос: каковы механизмы, уровни и стадии институционализации цифровых коммуникаций в системе публичного управления современной России?

Гипотеза исследования состоит в том, что институционализация цифровых коммуникаций в публичном управлении носит стадийный характер и включает последовательное прохождение четырех уровней: базового (формальное присутствие), функционального (реализация отдельных функций), интегративного (межведомственная координация) и платформенного (единая экосистема). При этом переход между уровнями обусловлен достижением определенного порога институциональной плотности, измеряемого количеством и качеством коммуникационных каналов, регулярностью их использования и степенью межведомственной интеграции.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили данные анализа 85 официальных страниц органов государственной власти (госпабликов) в социальной сети «ВКонтакте», отобранных методом стратифицированной выборки в 10 субъектах Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Свердловская область, Новосибирская область, Красноярский край, Ростовская область, Приморский край, Республика Ингушетия). Отбор осуществлялся с учётом географического положения, уровня социально-экономического развития и представленности в федеральных округах. Период сбора данных – январь-сентябрь 2025 года.

Методы сбора данных включали контент-анализ публикаций (всего проанализировано 4 250 публикаций), оценку регулярности обновления, наличия и качества обратной связи с гражданами, а также измерение показателей вовлеченности аудитории (лайки, комментарии, репосты, доля публикаций, вызвавших диалог). Дополнительно проведено 25 полуструктурированных экспертных интервью с руководителями и сотрудниками пресс-служб, профильных департаментов цифрового развития региональных и муниципальных органов власти (длительность интервью – от 45 до 90 минут). Обработка количественных данных выполнялась методами описательной статистики и корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции).

ляции Спирмена). Качественный анализ интервью проведён с использованием тематического кодирования в программе NVivo.

Результаты и обсуждения

Институционализация цифровых коммуникаций в публичном управлении представляет собой процесс, в рамках которого новые цифровые практики и технологии взаимодействия закрепляются в формальных нормах, правилах, организационных структурах и устойчивых паттернах поведения акторов. В российской политико-управленческой науке данная проблема разрабатывается в рамках концепции экосистемы сетевого публичного управления, которая охватывает плюральность частных интересов и интегрирует инновационные знания акторов в выработку и решении общественных проблем [8, с. 54].

На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных автором предложена периодизация институционализации цифровых коммуникаций в современной России, включающая три этапа. Первый этап (2010-2018 гг.) – стихийный, характеризующийся отсутствием единых стандартов и доминированием модели «информирования». Второй этап (2019-2024 гг.) – нормативно-организационный, связанный с принятием национальной программы «Цифровая экономика» и внедрением обязательных требований к госпабликам. Третий этап (2025 г. – н.в.) – платформенно-интеграционный, с переходом к экономике данных и развитием платформенных решений («ГосТех», экосистема «Госуслуги») [6, с. 12; 10, с. 45].

В иерархии нормативных актов ключевое значение имеет Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, установивший национальную цель «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» [6, с. 3]. Основным стратегическим инструментом стал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025-2030 гг.). Целевые показатели включают достижение «цифровой зрелости» государственного управления к 2030 году и перевод не менее 99% массовых социально значимых услуг в электронную форму [6, с. 7-8].

На основе анализа 85 госпабликов автором разработана типология уровней институциональной зрелости цифровых коммуникаций органов власти. Базовый уровень (формальное присутствие) – обновления реже 1 раза в неделю, отсутствие обратной связи (28% госпабликов). Функциональный уровень – регулярные публикации (2-5 раз в неделю), несистемная обратная связь (34%). Интегративный уровень – единый стиль, согласованность сообщений, системная обратная связь (12%). Платформенный уровень – интеграция с порталом госуслуг, использование чат-ботов и предиктивной аналитики (6%). Установлено, что лишь 18% госпабликов достигли интегративного и платформенного уровней, что свидетельствует о неравномерности институционализации и наличии «цифрового разрыва» между регионами-лидерами (Москва, Татарстан) и регионами-аутсайдерами.

Выявлена корреляция между уровнем институциональной зрелости госпаблика и показателями вовлеченности аудитории. Наиболее сильная корреляция наблюдается по показателю «доля публикаций, вызвавших диалог с аудиторией (комментарии + ответы)» ($r = 0,82$; $p < 0,01$). Разработанная модель трансформации публичного управления включает три механизма: нормативный (закрепление требований в правовых актах), технологический (развитие экосистемы «Госуслуги», «ГосТех») и коммуникативно-поведенческий (институционализация госпабликов). Показательным является опыт Югры, где госпаблики объединяют более 1 400 официальных страниц с аудиторией свыше 2,6 млн подписчиков [2, с. 2].

Эмпирически обосновано, что переход от «информирования» к «диалогу» происходит только при достижении порога институциональной плотности – не менее 3 активных коммуникационных каналов на орган власти (официальный сайт + госпаблик + Telegram-канал + чат-бот). По данным Леонтьевой и Саниной, развитие цифровых каналов коммуникации в регионах России происходит неравномерно, однако общий тренд перехода к интерактивному взаимодействию является доминирующим [7, с. 66]. Исследование Ботиной на примере Свердловской области выделяет преимущества этой формы (оперативность, доступность) и риски (стигматизация, формализация) [5, с. 305].

С 1 марта 2026 года вступили в силу Правила централизованного управления публичной сетью связи, устанавливающие требования к кибербезопасности [1, с. 1]. Внедрение искусственного интеллекта становится институциональным процессом, требующим законодательного оформления. Как отмечают Тарапун и Махова, в 2026 году для госорганов особенно важны правовые гарантии недискриминации и управленческие требования аудита моделей [10, с. 46].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Институционализация цифровых коммуникаций в системе публичного управления России носит стадийный характер. На основе эмпирического анализа выделено четыре уровня институциональной зрелости: базовый, функциональный, интегративный и платформенный. Лишь 18% проанализированных госпабликов достигли интегративного и платформенного уровней.

2. Ключевыми механизмами институционализации выступают: нормативный (закрепление требований в нормативных актах), технологический (развитие платформенных решений) и коммуникативно-поведенческий (формирование устойчивых практик взаимодействия). Переход между уровнями обусловлен достижением порога институциональной плотности – не менее 3 активных коммуникационных каналов на орган власти.

3. Устойчивое развитие госпабликов как канала прямой коммуникации власти и граждан свидетельствует о востребованности интерактивных форм взаимодействия и о постепенном переходе от модели «информирования» к модели «диалога». В то же время сохраняются проблемы неравномерности цифровой инфраструктуры, цифрового неравенства и обеспечения кибербезопасности.

4. Перспективы дальнейшего развития связаны с расширением применения технологий искусственного интеллекта для поддержки принятия управленческих решений, углублением межведомственной интеграции данных и совершенствованием правового регулирования в сфере оборота персональных и биометрических данных.

Список источников

1. Digital Policy Alert. Russia: Rules for centralised management of the public communications network including cybersecurity regulation enter into force // Digital Policy Alert. 2026. 1 March. P. 1 – 3.
2. Официальный сайт органов местного самоуправления города Нижневартовска. Страница с флагом: госпаблики – диалог с населением. 2025. 5 ноября. С. 1 – 4.
3. Национальные проекты РФ. Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных». 2026. 7 января. С. 1 – 6.
4. Digital Policy Alert. Russia: Rules for centralised management of public communications network including organisational requirements enter into force // Digital Policy Alert. 2026. 1 March. P. 1 – 4.
5. Ботина А.А. Цифровые платформы в диалоге власти и общества: опыт Свердловской области // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления: материалы XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. С. 302 – 307.
6. Министерство промышленности и цифрового развития Республики Ингушетия. О реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». 2025. 30 сентября. С. 1 – 15.
7. Леонтьева М.М., Санина А.Г. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 49 – 74.
8. Экосистема интерактивных механизмов сетевого публичного управления в контексте развития публичной политики в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1. С. 52 – 60.
9. Григоренко Д. Ведомства подводят итоги цифровой трансформации в 2025 году // Правительство России. 2025. 5 марта. С. 1 – 3.
10. Тарапун А.Р., Махова А.В. Цифровые технологии в государственном управлении: проблемы и перспективы 2026 года // Universum: экономика и юриспруденция. 2026. № 3 (137). DOI: 10.32743/UniLaw.2026.137.3.22027. С. 44 – 50.

References

1. Digital Policy Alert. Russia: Rules for centralized management of the public communications network, including cybersecurity regulation, enter into force. Digital Policy Alert. 2026. March 1. P. 1 – 3.
2. Official website of local government bodies of the city of Nizhnevartovsk. Page with the flag: state publics – dialogue with the population. 2025. November 5. P. 1 – 4.
3. National Projects of the Russian Federation. Digital Transformation of the State: Results of the National Project "Data Economy". 2026. January 7. P. 1 – 6.
4. Digital Policy Alert. Russia: Rules for centralized management of public communications network, including organizational requirements, enter into force. Digital Policy Alert. 2026. March 1. P. 1 – 4.

5. Botina, A.A. Digital Platforms in the Dialogue between Government and Society: The Experience of the Sverdlovsk Region. A Document in Modern Society: Place and Role in the Formation of Bureaucratic Management Systems: Proceedings of the XVIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2025. P. 302 – 307.

6. Ministry of Industry and Digital Development of the Republic of Ingushetia. On the Implementation of the National Project "Data Economy and Digital Transformation of the State". 2025. September 30. P. 1 – 15.

7. Leontyeva M.M., Sanina A.G. From Information to Interaction? Features of the Development of Digital Communication Channels between Citizens and Government in the Regions of Russia. The World of Russia. 2025. Vol. 34. No. 2. P. 49 – 74.

8. An Ecosystem of Interactive Mechanisms of Networked Public Governance in the Context of Public Policy Development in Russia. The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2014. No. 1. P. 52 – 60.

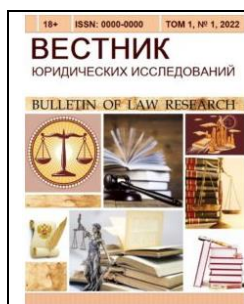
9. Grigorenko D. Agencies summarize the results of digital transformation in 2025. Government of the Russian Federation. 2025. March 5. P. 1 – 3.

10. Tarapun A.R., Makhova A.V. Digital technologies in public administration: problems and prospects for 2026. Universum: economics and jurisprudence. 2026. No. 3 (137). DOI: 10.32743/UniLaw.2026.137.3.22027. P. 44 – 50.

Информация об авторе

Супран Ф.К., Институт деловой карьеры, fsupran@yandex.ru

© Супран Ф.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 327.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-35-45

Экономическая дипломатия как основное средство распространения влияния Китая в Африке

¹ Шипиков А.Н.,

¹ Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: африканский континент в последние десятилетия привлекает все больше интереса со стороны многих крупных центров силы в мировой политике, и Китай не является исключением. Наблюдается активная интенсификация выстраивания китайско-африканских отношений по самым разнообразным фронтам, а важнейшим инструментом продвижения интересов Пекина на континенте выступает экономическая дипломатия. В настоящем исследовании проводится комплексный обзор китайской экономической политики в Африке с изучением ряда важнейших сфер сотрудничества – торговли, инвестиций и оказания помощи развитию. В работе осуществляется поиск ответа на главный вопрос о том, является ли стремительная китайская экономическая экспансия формой неоколониализма. По итогам исследования сделан вывод о том, что китайская модель продвижения своих интересов в Африке резко отличается от неоколониальной политики, проводимой западными странами, поскольку она не фиксирует отставание африканских стран в развитии, а наоборот, способствует их экономическому и социальному росту. Китайская модель предполагает симбиоз собственных интересов и интересов ее партнеров, поскольку она основана на стратегии «выигрыш – выигрыш». В результате, считать китайскую экономическую экспансию в Африке неоколониальной нельзя, несмотря на попытки западных стран причислить ее к таковой.

Ключевые слова: Китай, Африка, экономическая дипломатия, торговля, инвестиции, помощь развитию, неоколониализм

Для цитирования: Шипиков А.Н. Экономическая дипломатия как основное средство распространения влияния Китая в Африке // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 35 – 45. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-35-45

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Economic diplomacy as the primary means of expanding China's influence in Africa

¹ Shipikov A.N.,

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

Abstract: in recent decades, the African continent has attracted increasing interest from many major global power centers, and China is no exception. Sino-African relations are actively intensifying across a wide range of fronts, with economic diplomacy emerging as a key tool for advancing Beijing's interests on the continent. This study provides a comprehensive overview of China's economic policy in Africa, examining several key areas of

cooperation – trade, investment, and development assistance. The paper seeks to answer the central question of whether China's rapid economic expansion constitutes neocolonialism. The study concludes that China's model for advancing its interests in Africa differs sharply from the neocolonial policies pursued by Western countries, as it does not lock African countries into developmental lags but, on the contrary, promotes their economic and social growth. The Chinese model presupposes a symbiosis of its own interests and those of its partners, as it is based on a "win-win" strategy. As a result, China's economic expansion in Africa cannot be considered neocolonial, despite Western countries' attempts to label it as such.

Keywords: China, Africa, economic diplomacy, trade, investment, development assistance, neocolonialism

For citation: Shipikov A.N. Economic diplomacy as the primary means of expanding China's influence in Africa. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 35 – 45. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-35-45

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

В последние десятилетия Китай приступил к активному наращиванию своего присутствия на африканском континенте. Речь здесь идет не только о богатых различными ресурсами странах, хотя ресурсы, особенно энергетические, крайне важны для роста экономики Китая, но и о других государствах, которые, на первый взгляд, могут показаться малопривлекательными как с точки зрения своего обладания различными природными ископаемыми, так и с других стратегически значимых позиций [22].

Экономическая политика Китая складывается из различных областей, включая торгово-экономическое сотрудничество в добывающей, военно-технической, сельскохозяйственной и прочих областях, донорство финансовых ресурсов, инвестиции в широкий ряд областей, в т.ч. в инфраструктурные проекты (железные дороги, автодороги, авиационное сообщение, энергетику, промышленные парки, порты и т.д.) Важную роль играет также вовлечение Африки в реализацию важнейшей китайской инициативы последних десятилетий «Один пояс – один путь» (ОПОП). Африка здесь играет особенно значимую роль, поскольку она находится на пересечении сухопутного и морского путей в рамках данной инициативы.

Расширяющееся влияние Китая на положение дел на африканском континенте является объектом пристального внимания научного, экспертного, политического, экономического и прочих сообществ, где такое влияние может быть охарактеризовано по крайней мере как неоднозначное [14]. С одной стороны, именно за счет глубокого проникновения Китая в африканскую экономику многие страны континента получили новые возможности для развития [6]. С другой стороны, Китай некоторые обвиняют в том, что его политика приобретает неокOLONиальные черты, поскольку в ней он стремится к достижению собственных интересов, заключающихся в доступе к природным богатствам континента, в процессе чего допускает нарушения прав человека и экологических норм [8]. В связи с таким спектром мнений по поводу Китая требуется всесторонний анализ его политики на африканском континенте.

Материалы и методы исследований

Африка остается одним из наименее развитых регионов мира [12]. Китай, в свою очередь, является одним из мощнейших по своему размеру экономики государств мира, которое уверенно оспаривает лидерство США в международных экономических отношениях [19]. Это достигается в том числе за счет плодотворного использования экономических возможностей в Африке.

Текущее проникновение Китая в Африку началось уже в 1990-х годах, когда распался СССР и возник своеобразный вакуум власти, поскольку раньше Москва обладала на африканском континенте колоссальным влиянием [2]. Россия не смогла продолжать ту же политику, поскольку ей необходимо было обратить свое основное внимание на сложные внутренние проблемы, в связи с чем Китай стал занимать освободившееся место [23]. Наращивание плотности взаимосвязанности Китая и африканских стран продолжается и по сей день, причем речь идет не только о деловых, но и о дипломатических связях.

Результаты и обсуждения

С точки зрения торговли Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки еще в 2009 году, увеличив за первое десятилетие XXI века свой товарооборот с 10,6 млрд до 91 млрд долларов США и сдвинув, таким образом, с лидирующей позиции США с товарооборотом в 87 млрд долларов США [4]. В 2014 году товарооборот уже составлял 220 млрд долларов США. Была поставлена цель по достижению

Китаем объема товарооборота в 400 млрд долларов США к 2020 году, однако данная цель не была достигнута, поскольку произошел спад цен на сырьевом рынке, товары которого составляют большую часть китайско-африканской торговли, в результате чего до 2016 года объем товарооборота сокращался [30]. В 2017 году рост возобновился, чему сильно поспособствовал тот факт, что стала вводиться система расчетов, основанная на китайском юане [3]. Это создало выгоды для сторон отношений, поскольку за счет этого устраняется необходимость рассчитываться через третью сторону – международную платежную платформу, обрабатывающую платежи в долларах США.

На 2023 год Китай оставался крупнейшим торговым партнером африканских стран. Величина торговли с африканскими странами составила 282,1 млрд долларов США, что, в частности, превышает объем российско-африканской торговли в 12 раз [11]. Если по экспорту в Африку Китай периодически уступал своим западным конкурентам на протяжении последних десятилетий, то по объему импорта из стран Африки он является безоговорочным лидером (рис. 1). Отрицательный торговый баланс Китая со странами региона, связанный с тем, что Китай больше покупает, чем продает, является традиционной характеристикой торгово-экономического сотрудничества (это касается только сильных экономик Африки, в то время как со слабыми экономиками баланс у Китая положительный). Это является частью китайской стратегии и связано с тем, что Китай закупает значительные объемы природных ресурсов из стран Африки, в особенности энергетических [9].

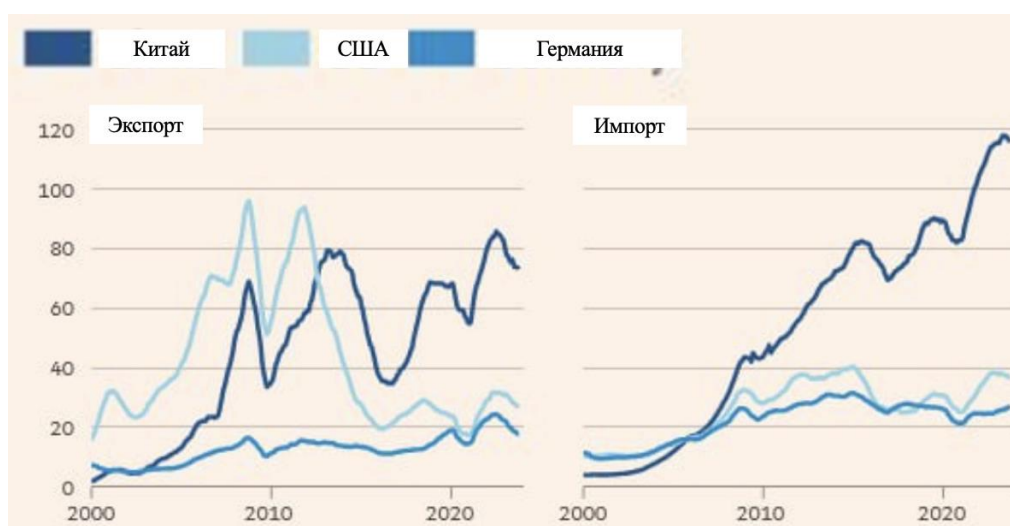

Рис. 1. Соотношение динамики экспорта и импорта основных торговых партнеров Африки, в млрд долларов США.

Fig. 1. Ratio of export and import dynamics of Africa's main trading partners, in billion US dollars.

Несмотря на отрицательное сальдо торгового баланса, использование Китая в качестве рынка сбыта стало важным механизмом в структуре продвижения Китая в Африке еще в первые десятилетия. Во многих случаях складывалась модель обмена африканских ресурсов на китайские товары, которые характеризовались дешевизной, простотой в применении, неприхотливостью в отношении обслуживания и долговечностью. Все это было крайне выгодно для африканских потребителей. К тому же, Китай сильно укрепил свои позиции за счет того, что в период активного вхождения у его товаров не было адекватной конкуренции со стороны местных производителей. Д.А. Дегтерев пишет, что в тот период и российские товары имели схожие характеристики с китайскими с точки зрения цены и качества, но их технологичность была на порядок ниже [5].

Экономические отношения укрепляются не только за счет торговли, но и за счет множества других мер, включая образование многосторонних площадок для диалога по экономическим и смежным неэкономическим вопросам, образования соответствующей договорной базы сотрудничества, формирования зон с углубленными, преференциальными или иными либеральными условиями двустороннего сотрудничества [21].

Инвестиции занимают одно из важнейших мест в структуре китайской экономической политики. Особенно стремительно проникновение китайских инвестиций стало происходить на фоне того, что китайские компании в технологическом плане были более развитыми, а потому могли предложить Африке

более хорошие перспективы развития в самых разных областях, включая энергетику, строительство, системы ирригации, текстиль и т.д. [16]. Китайский капитал помог создать целые отрасли обрабатывающей промышленности, которые в Африке до этого отсутствовали, а сам извлек большую выгоду из приложения своих технологий.

Интересной является следующая идеология: до проникновения Китая в регион, основной формой финансово-экономических отношений со странами региона была модель гуманитарной помощи и снижения задолженности африканских стран, поскольку основными присутствующими государствами были бывшие постколониальные державы, которые за счет такой политики «расплачивались» за ошибки прошлого. В свою очередь, у Китая нет истории колониализма и, более того, он сам в свое время страдал от колониальной политики европейских стран. На сегодняшний день он остается развивающейся страной и частью Глобального Юга, что обеспечивает его близость к африканскому континенту. Здесь надо оговориться о том, что и Россия обладает тем же преимуществом, связанным с отсутствием колониального прошлого, которое выгодно отличает Россию и Китай от западных стран и формирует условия для образования пространства доверия с бывшими колониями [1]. В экономическом же плане такое преимущество позволило Китаю сразу же сфокусироваться на инвестициях и торговле, что преобразовало Африку из континента, зависимого от гуманитарной помощи, в континент, зависимый от инвестиций.

Еще в начале XXI века инвестиционное сотрудничество было обозначено в качестве приоритетного в контексте китайско-африканских отношений.

При этом, как отмечают А. Янькова и К. Кондакова, инвестиционная политика Китая в Африке имеет явное политическое измерение [13]. Свою точку зрения они обосновывают тем, что китайский капитал присутствует практически во всех крупных инвестиционных проектах на континенте, что связано с тем, что Китай стремится поддерживать ОПОП, находящийся сейчас в режиме рекалибровки.

Несмотря на всю инвестиционную значимость Африки для Китая, на Китай приходится только 4-е место в списке крупнейших африканских инвесторов, однако все равно это значение можно признать колоссальным [17]. Больше 3 тыс. китайских предприятий направляют в Африку свои инвестиции. Китай продолжает уступать Нидерландам, Великобритании и Франции, что объясняется тем, что в силу колониального прошлого у этих стран имеются более налаженные каналы для направления инвестиций, доставшиеся бывшим метрополиям в наследство.

Прямые иностранные инвестиции на 2022 год составили 3,4 млрд долларов, и только за первый квартал 2023 года увеличились на 24% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года [33]. При этом наблюдается сильная асимметрия, связанная с тем, что 50% прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китая приходится только на три страны – Конго, Гвинею и Зимбабве (рис. 2). Это объясняется их значимостью с точки зрения добычи различных полезных ископаемых: на Конго приходится 70% мировых запасов кобальта, который нужен для аккумуляторов и электромобилей, на Гвинею – 24% бокситов, которые используются в солнечных фотоэлектрических панелях, на Зимбабве – крупнейший в Африке запас лития, которые применяется в аккумуляторах (теоретически способен удовлетворить до 20% всего мирового спроса) [15].

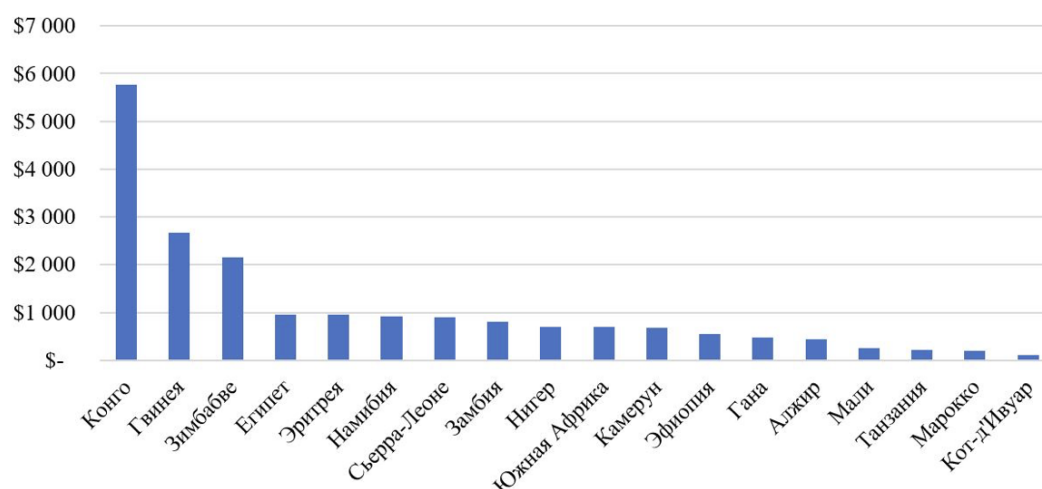

Рис. 2. Распределение китайских ПИИ по странам Африки, 2023, в млн долларов США.
Fig. 2. Distribution of Chinese FDI by African countries, 2023, in millions of US dollars.

По сферам приложения инвестиций надо заметить, что традиционно наиболее популярными являются металлургия, энергетика и транспортная сфера. В последние годы увеличилась также доля вложений в агропромышленный комплекс (рис. 3). Металлургия является крупнейшей отраслью для китайских ПИИ (67%), поскольку Китай остро нуждается в добыче руды и редкоземельных металлов для развития своей полупроводниковой промышленности, на продукции которой (схемах, микрочипах и т.д.) работает вся новейшая технологическая сфера – важнейший источник конкурентного преимущества в современной мировой экономике [32].

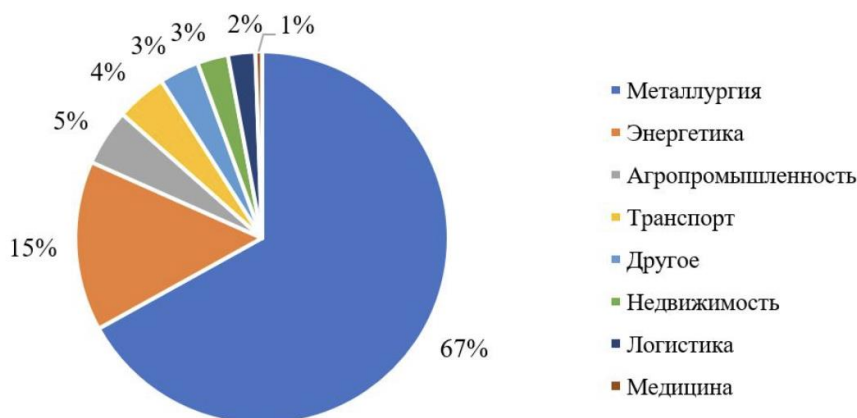

Рис. 3. Распределение китайских ПИИ по отраслям экономики, 2023.

Fig. 3. Distribution of Chinese FDI by economic sector, 2023.

Таким образом, можно заметить, что китайские инвестиции направляются в основном в области, способствующие технологическому развитию китайской экономики, включая сферу «зеленой» энергетики (обеспечение условий для производства аккумуляторов, электромобилей и т.д.).

Подавляющая часть китайских инвестиций приходится на проектные вложения. Совокупный объем инвестиций на 2021 год достиг 47,35 млрд долларов при том, что на начало века он составлял только 210 млн [7]. За счет кредитования со стороны китайских банков реализуется большое количество инфраструктурных проектов. Здесь крайне важную роль играет ОПОП, поскольку участие в этой инициативе позволяет получить доступ к достаточно привлекательным условиям, включая погашение процентов по кредитам за счет найма китайских подрядчиков и приобретения китайского оборудования [26]. В свою очередь, инфраструктурные проекты Китая в Африке крайне положительно сказываются на социальном и экономическом положении африканских стран, поскольку во многих из них есть существенные проблемы с важнейшей инфраструктурой – дорогами, мостами, портами, электростанциями и т.д. Отмечается такое преимущество китайских компаний, как скорость реализации рассматриваемых проектов: они опережают по этому показателю многих своих конкурентов, включая инвесторов из западных стран. Более того, традиционно расходы на рабочую силу у китайских компаний ниже, чем у предприятий развитых государств. Все это приводит к тому, что наибольшая доля всех контрактов на реализацию проектов в Африке приходится именно на китайских инвесторов [34].

За все время присутствия Китай реализовал множество инфраструктурных проектов. К ним относятся такие крупные строительные работы, как сооружение порта Багамойо (Танзания), ГЭС Мфанда – Нкува (Мозамбик), Моддерфонтейн («город небоскребов») (ЮАР), сеть прибрежных железных дорог (Нигерия) и т.д. Всего на китайские средства были построены 100 тыс. км дорог, 10 тыс. км железнодорожных путей, до 1 тыс. мостов и около 100 портов [25]. При этом была выполнена важная социальная функция: местное население получило доступ к критически значимым объектам инфраструктуры, которые используются ими на ежедневной основе.

Помимо скорости реализации, которая приносит пользу всем заинтересованным сторонам, включая местное население, выгодно отличает китайских инвесторов и более высокая склонность к риску. Они реализуют свои проекты, несмотря на устойчивую ситуацию в сфере коррупции, а также часто соглашаются на те проекты, которые многими инвесторами и экспертами были признаны как нежизнеспособные (примером может послужить железная дорога из Момбаса в Найроби (Кения), за которую не хотели браться другие иностранные инвесторы). Помимо этого, к особым чертам китайской

экономической дипломатии относится выстраивание тесных связей с местными политическими и экономическими элитами, поскольку многие дела в Африке решаются в процессе договоренностей, основанных на доверии, а также не расходуют средства на гуманитарные направления, в отличие от западных коллег, поскольку эти направления не пользуются популярностью. В то же время, несмотря на всю лояльность данных условий по отношению к потребителям, нельзя не отметить достаточную жесткость договоренностей с китайскими партнерами. Контракты составляются таким образом, чтобы гарантировать исполнение обязательств.

Инвестиционная политика Китая является выгодной для Африки и в силу своей диверсификации. Инвестиции направляются таким образом, что они способствует передаче передовых технологий и знаний, повышению квалификации местной рабочей силы, структурной перестройки местных производственных возможностей.

Еще одна важная сфера заключается в донорстве. Еще в 1990-х годах Китай позаимствовал советскую модель финансовой помощи, чертами которой выступают [10]:

1. Безвозмездная помощь – прямая финансовая или сооружение общественно значимых инфраструктурных объектов (жилья, больниц, школ, скважин и т.д.), а также оказание гуманитарной помощи в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

2. Кредитование на льготных условиях: беспроцентные кредиты или кредиты с настолько низкой ставкой, что их можно считать практически беспроцентными. Разница между рыночной и реальной ставкой стала финансироваться за счет средств государственных банков Китая, чтобы не подвергать свой собственный частный капитал риску дефолта. Широкие программы содействия африканским странам путем льготного кредитования позволили создать крайне благоприятные условия для дальнейшей китайской экспансии.

3. Образование совместных предприятий. Данная мера стала важнейшей в рамках помощи развитию на африканском континенте. При этом практика создания совместных предприятий стала пользоваться перечисленными выше льготными условиями ведения экономической деятельности, включая реализацию права на безвозмездную помощь, кредиты по сниженной или нулевой ставке, а также привлечение инвестиционных ресурсов из частного и государственного секторов. Государство взяло на себя задачу по обеспечению благоприятных политических условий для развития экономического сотрудничества в формате совместных предприятий, а также частично – экономическую функцию (в основном, за счет кредитования). Образование совместных предприятий несло в себе и ту пользу, что исключалась вероятность нецелевого расходования выделенных средств, что является негативной характеристикой многих африканских экономик из-за того, что предоставляемые средства на развитие расхищаются из-за коррупции или растрачиваются из-за отсутствия опыта и компетенции в области грамотного управления предприятием. В свою очередь, для африканских стран это создало возможность по наращиванию своего внутреннего валового продукта (ВВП), созданию рабочих мест и, как следствие, улучшению социально-экономического положения.

Важной чертой китайского финансирования африканских проектов выступает то, что, в отличие от западных стран, сотрудничество здесь не мотивировано политическими или идеологическими мотивами. В результате, многие африканские государства, которые имеют по меркам Запада плохие институты управления и авторитарный стиль власти, могут рассчитывать на помощь Китая, который не обращает на это внимание.

Помимо этого, Китай позаимствовал из советской практики такой формат сотрудничества с Африкой, как направление своих специалистов, включая агрономов, строителей, медиков, а также отправку своей техники и оборудования для реализации проектов.

Схожими путями в свое время действовал и Советский Союз, стремясь склонить африканские страны в свою пользу в рамках геополитического противостояния с НАТО.

В результате, уже в 2003 году 44% всей китайской помощи, предоставляемой зарубежным странам, приходилось на Африку. В 2011 году была выпущена первая версия Белой книги о внешней помощи, где Африке было отведено приоритетное значение: было указано, что на нее должно приходиться более половины всей помощи Китая (52%), что куда выше, чем помощь Азии (31%) и Латинской Америке (8%) [18].

Что касается займов, то только за 2000-2014 годы африканские страны получили от китайских финансовых и нефинансовых учреждений и государства заемные средства общей суммой более 80 млрд долларов [20]. Большая часть этих средств была предназначена для транспортной и энергетической сфер, что говорит о том, что Китай направлял основные средства не столько на добывающую сферу, сколько на

реализацию инфраструктурных проектов. В то же время, к настоящему моменту наблюдается постепенное сокращение заимствований. В 2016 году они составляли 28,5 млрд долларов, а за 2021-2022 годы Китай предоставлял Африке всего лишь менее 2 млрд долларов в год.

Широкое распространение получил такой тип сделок, как «помощь в обмен на ресурсы». Примерами являются достигнутые в последние годы договоренности с Анголой, Гвинеей, ДРК. В качестве примера можно также привести выделение средств Гане для строительства дорог и мостов и списание части долгов в обмен на доступ к добыче бокситов, которые необходимы при производстве алюминия. Здесь надо заметить, что данная сделка привела к типичным для сотрудничества Китая проблемам: осуществление сделки планировалось в особой природной зоне с уникальной экосистемой и источником пресной воды для 5 млн человек, в результате чего с ее резкой критикой выступили правозащитники и природоохранные организации [28].

В настоящее время Китай продолжает сохранять мощную позицию на африканском рынке за счет выделения больших объемов средств на государственно-частное партнерство (ГЧП) и кредиты в инфраструктурные проекты. За 2022 год одним Китаем было реализовано 31% всех инфраструктурных проектов на континенте, в то время как доля западных стран составляет всего 12%, хотя еще 10 лет назад равнялась 37% [27]. За последние 2 года Китаем было заключено 66 новых контрактов, 57 из которых приходятся на Африку южнее Сахары. Более того, следует заметить, что почти все контракты связаны с инициативой ОПОП. Средняя стоимость контрактов составляет 350 млн долларов, а общая сумма за 2021-2023 годы равняется 23 млрд долларов.

Направления экономического сотрудничества не исчерпываются теми, которые были представлены выше. За рамками настоящего исследования остаются такие крупные сферы взаимодействия, как военнотехническое сотрудничество, развитие сельского хозяйства и т.д. [29]. Тем не менее указанные примеры помогают понять, что китайское экономическое проникновение в Африку является интенсивным и всеохватным по всем основным направлениям.

Необходимо добавить, что в реализацию последовательного экономического курса Китая вовлечена значительная часть его капитала. Крупнейшие китайские компании и финансовые учреждения либо принадлежат государству, либо контролируются им. В результате, руководство Китая может задавать курс и распоряжаться огромным объемом ресурсов при продвижении своих интересов на мировой арене.

Активное продвижение Китая в Африке привлекло внимание многих других стремительно развивающихся экономик. В частности, Индия стала тоже активно наращивать свой товарооборот с африканскими странами. В результате, к настоящему моменту объем торговли между Индией и Африкой достиг отметки в 100 млрд долларов [24]. Это, в свою очередь, положительно сказывается на диверсификации влияния в Африке, поскольку неокOLONIALНЫЕ страны утрачивают способность устанавливать безраздельный контроль над Африкой [31]. Иными словами, это способствует установлению в Африке более справедливого порядка.

Выводы

Как и у России, у Китая есть интересы по обеспечению многополярности в международных отношениях, и он тоже стремится сблизиться с африканскими странами, используя в своей риторике идеологемы, отличные от неокOLONIALНЫХ, включая сотрудничество между странами Глобального Юга, мирное сосуществование, построение отношений исключительно на понятиях взаимной, а не односторонней выгоды, и т.д. Однако центральное место в продвижении китайских интересов за рубежом занимает именно экономическая экспансия.

За счет расширения торговли, направления колоссальных объемов инвестиций, вовлечения в ОПОП и прочих экономических мер Китай сумел достаточно прочно закрепиться в Африке и стать там одним из важнейших нерегиональных центров силы. В то же время, агрессивное проникновение китайского капитала все же нельзя считать неокOLONIALНИЗМОМ, поскольку, несмотря на то, что Китай следовал в первую очередь своим интересам (в частности, стремился обеспечить себе доступ к ресурсным богатствам Африки), он существенно помог развиваться многим африканским государствам. Именно за счет его средств, технологий, опыта и знаний многие африканские экономики получили существенные возможности для своего роста и развития. При этом это не произошло как сопутствующая выгода от экономической экспансии Китая – Китай целенаправленно стремился к тому, чтобы выгоды поступали не только ему, но и принимающим экономикам.

Список источников

1. Айсин К. Желтая Африка: Обратная сторона китайских инвестиций в Черный континент // Солидарность. 01.06.2022. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/zheltaya-afrika.html> (дата обращения: 05.03.2026)
2. Венпин Х. Китай – Африка: полвека сотрудничества при «любой погоде» и его новые ориентиры как отклик на вызовы XX века // Азия и Африка сегодня. 2002. № 12. С. 32 – 37.
3. Внешняя торговля Китая // T-Adviser. 29.12.2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Внешняя_торговля_Китая (дата обращения: 05.03.2026)
4. Галстян А. Внешняя политика США: кризис традиций и возвышение лоббизма // Международная жизнь. 24.05.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15341> (дата обращения: 05.03.2026)
5. Дегтерев Д.А. Китай – Африка: важные аспекты отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 84 – 91.
6. Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119 – 141.
7. Инвестиции Китая в Африку увеличились в 225 раз // Регнум. 13.09.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3368106> (дата обращения: 05.03.2026)
8. Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку // Forbes. 27.03.2015. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku> (дата обращения: 05.03.2026)
9. Лексютина Я.В. Конкурирующая экспансия США и Китая в Тропической Африке // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 4. С. 110 – 126.
10. Пешкова Н.Н. Процесс благотворительности в Африке: отражение социально-экономических условий // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. С. 45 – 51.
11. Товарооборот между Китаем и Африкой достиг \$282 млрд // Африканская инициатива. 01.02.2024. URL: <https://afrinz.ru/2024/02/tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-afrikoj-dostig-282-mlrd/> (дата обращения: 05.03.2026)
12. Шаманина Э.А. Социальные преобразования и социальная политика Китая // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 6. № 2. С. 168 – 174.
13. Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке // РСМД. 01.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interes-y-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 05.03.2026)
14. Albert E. China in Africa // Council on Foreign Relations. 12.06.2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa> (дата обращения: 05.03.2026)
15. Andreoni A., Avenyo E. Critical Minerals and Routes to Diversification in Africa: Linkages, Pulling Dynamics and Opportunities in Medium-High Tech Supply Chains. Economic Development in Africa Report Background Paper, 2023. 69 p.
16. China expands Africa investment to boost trade cooperation // Global Times. 13.06.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292509.shtml> (дата обращения: 05.03.2026)
17. China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 05.03.2026)
18. China's Foreign Aid (White Paper). Beijing, April 2011. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (дата обращения: 05.03.2026)
19. China's New Sources of Economic Growth: Human Capital, Innovation and Technological Change. Volume 2 / ed. by L. Song, R. Garnaut, C. Fang, L. Johnston. Canberra: The Australian National University, 2017. 468 p.
20. Chinese Loans to Africa Database // Global Development Policy Center. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (дата обращения: 05.03.2026)
21. Colette E., Yabi G. Chic, les Chinois reviennent! // Jeune Afrique l'Intelligent. 31.01.2004. № 2246.
22. Dollar D.D. China's Engagement with Africa: From National Resources to Human Resources. Washington: Brookings, 2016. 125 p.
23. Hongming Z. La politique africaine de la Chine. Institut des Etudes sur l'Asie Occidentale et l'Afrique de l'Académie des Sciences Sociales de Chine, 2000.
24. India and Africa are natural partners with historical and cultural ties: Union Commerce and Industry Minister Shri Piyush Goyal // Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1932726> (дата обращения: 05.03.2026)

25. Kenny C. Why Is China Building So Much in Africa? // Center for Global Development. 24.02.2022. URL: <https://www.cgdev.org/blog/why-china-building-so-much-africa> (дата обращения: 05.03.2026)
26. Mutethya E. Africa on the go thanks to BRI-led makeover // China Daily. 27.08.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/27/WS63097aa7a310fd2b29e748df.html> (дата обращения: 05.05.2026)
27. Nyabiage J. China 'winning lion's share' of construction projects in Africa, study finds // South China Morning Post. 13.08.2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3230790/china-winning-lions-share-construction-projects-africa-study-finds> (дата обращения: 05.03.2026)
28. Nyabiage J. Ghana goes ahead with US\$2 billion Chinese bauxite barter deal that has conservationists up in arms // South China Morning Post. 17.11.2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3037993/ghana-goes-ahead-us2-billion-chinese-bauxite-barter-deal-has> (дата обращения: 05.03.2026)
29. Pant H.V., Haidar A.M. China's Expanding Military Footprint in Africa // ORF Issue Brief. 2017. № 195. P. 1 – 12.
30. Premier Li: China-Africa Trade Volume to Top \$400 bln by 2020 // The State Council. The People's Republic of China. 07.05.2015. URL: http://english.gov.cn/premier/video/2014/08/23/content_281474983011541.htm (дата обращения: 05.03.2026)
31. Shahtahmasebi D. China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT. 27.07.2018. URL: <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/> (дата обращения: 05.03.2026)
32. Vakil D., Humphries C. Goldman says West needs over \$25 billion investments in rare earths to match China // Reuters. 06.07.2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/goldman-says-west-needs-over-25-bln-investments-rare-earths-match-china-2023-07-06/> (дата обращения: 05.03.2026)
33. 中国外资统计公报2023 [Бюллетень статистики иностранных инвестиций Китая 2023]. MOFCOM, 19.12.2023. 122 p.
34. 左梔子. “一带一路”倡议十周年, 中非经贸合作成果丰硕 [Цзо Чжицзы. В 10-ю годовщину инициативы «Один пояс и один путь» китайско-африканское экономическое и торговое сотрудничество достигло плодотворных результатов] // Hunan Daily. 14.06.2023. URL: <http://www.hn.news.cn/20230614/d93e63907ef040808644862e3a48f34f/c.html> (дата обращения: 05.03.2026)

References

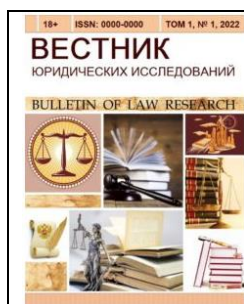
1. Aisin K. Yellow Africa: The Dark Side of Chinese Investments in the Dark Continent. Solidarity. 01.06.2022. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/zheltaya-afrika.html> (date of access: 05.03.2026)
2. Wenping H. China – Africa: Half a Century of Cooperation in Any Weather and Its New Benchmarks as a Response to the Challenges of the Twentieth Century. Asia and Africa Today. 2002. No. 12. P. 32 – 37.
3. China's Foreign Trade. T-Adviser. 29.12.2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Внечная_торговля_Китая (date of access: 05.03.2026)
4. Galstyan A. US Foreign Policy: Crisis of Traditions and the Rise of Lobbying. International Affairs. 05.24.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15341> (date of access: 05.03.2026)
5. Degterev D.A. China – Africa: Important Aspects of Relations. World Economy and International Relations. 2005. No. 5. P. 84 – 91.
6. Deitch T.L. China in Africa: “Neocolonialism” or “Win-Win” Strategy? Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11. No. 5. P. 119 – 141.
7. China's Investments in Africa Increased 225-Fold. Regnum. September 13, 2021. Available at: <https://regnum.ru/news/3368106> (date of access: 05.03.2026)
8. Irisova O. Humane Imperialism: How China is Conquering Africa. Forbes. March 27, 2015. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku> (date of access: 05.03.2026)
9. Leksyutina Ya.V. Competing expansion of the USA and China in Tropical Africa. Political examination: POLITEX. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 110 – 126.
10. Peshkova N.N. The process of philanthropy in Africa: a reflection of socio-economic conditions. Theory and practice of social development. 2013. No. 2. P. 45 – 51.
11. Trade turnover between China and Africa reached \$282 billion. African initiative. 01.02.2024. URL: <https://afrinz.ru/2024/02/tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-afrikoj-dostig-282-mlrd/> (date of access: 05.03.2026)
12. Shamanina E.A. Social transformations and social policy of China. Economy and management: problems, solutions. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 168 – 174.

13. Yankova A., Kondakova K. China's Interests in Africa. RIAC. 01.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-kitaya-v-afrike/> (date of access: 05.03.2026)
14. Albert E. China in Africa. Council on Foreign Relations. 12.06.2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa> (date of access: 05.03.2026)
15. Andreoni A., Avenyo E. Critical Minerals and Routes to Diversification in Africa: Linkages, Pulling Dynamics and Opportunities in Medium-High Tech Supply Chains. Economic Development in Africa Report Background Paper, 2023. 69 p.
16. China expands Africa investment to boost trade cooperation. Global Times. 06/13/2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292509.shtml> (date of access: 05.03.2026)
17. China Global Investment Tracker. American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (date of access: 05.03.2026)
18. China's Foreign Aid (White Paper). Beijing, April 2011. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284620.htm (date of access: 05.03.2026)
19. China's New Sources of Economic Growth: Human Capital, Innovation and Technological Change. Volume 2/ed. by L. Song, R. Garnaut, C. Fang, L. Johnston. Canberra: The Australian National University, 2017. 468 p.
20. Chinese Loans to Africa Database. Global Development Policy Center. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (date of access: 05.03.2026)
21. Colette E., Yabi G. Chic, les Chinois reviennent! Jeune Afrique l'Intelligent. 01/31/2004. No. 2246.
22. Dollar D.D. China's Engagement with Africa: From National Resources to Human Resources. Washington: Brookings, 2016. 125 p.
23. Hongming Z. La politique africaine de la Chine. Institut des Etudes sur l'Asie Occidentale et l'Afrique de l'Académie des Sciences Sociales de Chine, 2000.
24. India and Africa are natural partners with historical and cultural ties: Union Commerce and Industry Minister Shri Piyush Goyal. Ministry of Commerce & Industry. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1932726> (date of access: 05.03.2026)
25. Kenny C. Why Is China Building So Much in Africa? Center for Global Development. 24.02.2022. URL: <https://www.cgdev.org/blog/why-china-building-so-much-africa> (date of access: 05.03.2026)
26. Mutethya E. Africa on the go thanks to BRI-led makeover. China Daily. 27.08.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/27/WS63097aa7a310fd2b29e748df.html> (date of access: 05.03.2026)
27. Nyabiage J. China 'winning lion's share' of construction projects in Africa, study finds. South China Morning Post. 08/13/2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3230790/china-winning-lions-share-construction-projects-africa-study-finds> (date of access: 05.03.2026)
28. Nyabiage J. Ghana goes ahead with US\$2 billion Chinese bauxite barter deal that has conservationists up in arms. South China Morning Post. 11/17/2019. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3037993/ghana-goes-ahead-us2-billion-chinese-bauxite-barter-deal-has> (date of access: 05.03.2026)
29. Pant H.V., Haidar A.M. China's Expanding Military Footprint in Africa. ORF Issue Brief. 2017. No. 195. P. 1 – 12.
30. Premier Li: China-Africa Trade Volume to Top \$400 bln by 2020. The State Council. The People's Republic of China. 05/07/2015. URL: http://english.gov.cn/premier/video/2014/08/23/content_281474983011541.htm (date of access: 05.03.2026)
31. Shahtahmasebi D. China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa. RT. 07/27/2018. URL: <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/> (date of access: 05.03.2026)
32. Vakil D., Humphries C. Goldman says West needs over \$25 billion investments in rare earths to match China. Reuters. 07/06/2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/goldman-says-west-needs-over-25-bln-investments-rare-earths-match-china-2023-07-06/> (date of access: 05.03.2026)
33. 中国外资统计公报2023 [China Foreign Investment Statistics Bulletin 2023]. MOFCOM, 12/19/2023. 122 p.
34. 左梹子. “一带一路”倡议十周年, 中非经贸合作成果丰硕 [Zuo Zhizi. On the 10th anniversary of the Belt and Road Initiative, China-Africa economic and trade cooperation achieved fruitful results. Hunan Daily, June 14, 2023. Available at: <http://www.hn.news.cn/20230614/d93e63907ef040808644862e3a48f34f/c.html> (date of access: 05.03.2026)

Информация об авторе

Шипиков А.Н., Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

© Шипиков А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.41

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-46-53

Скрытая идеология государства и её историческая эволюция

¹ Стабровская Е.А., ¹ Кабанец А.А.,

¹ Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация: в статье исследуется происхождение идеологии государства как социально-философского явления. Анализируется эволюция представлений о связи государства и идеологии, выделяются основные теоретические подходы к природе государственной идеологии – материалистический, эволюционный и институциональный. Цель исследования заключается в изучении вопроса о первичности идеологии по отношению к государственным институтам, а также трансформации идеологических форм в истории – от неолитической революции, античного полиса и Рима до России Нового времени, идеологических систем XX века и современного конституционного закрепления идеологического многообразия. Основной задачей исследования является рассмотрение гипотезы о переходе государственной идеологии от явных сакральных форм (миф, религия) к скрытым сакральным под видом светских через историческое понимание данного процесса. Методология исследования основана на системном подходе к анализу работ отечественных и зарубежных ученых, раскрывающих фундаментальную базу о понятии идеологии, ее эволюции в исторической парадигме и особенности на каждом этапе развития человечества, так и Конституции Российской Федерации, что позволяет рассмотреть пример государственной идеологической практики. Научная новизна работы состоит в проведении целостного анализа изменения идеологических концепций и форм в истории, выявлении особенностей каждого исторического этапа, формулировании рабочего определения государственной идеологии. Основным результатом работы является обоснование гипотезы о том, что эволюция идеологии идёт от явных сакральных форм к скрытым сакральным под видом светских. Делается вывод, что идеология государства складывается из культурных, исторических и доктринальных элементов, обеспечивающих легитимацию политического порядка, причём конституционный запрет на государственную идеологию сам является идеологической позицией. Практическая значимость работы заключается в возможности комплексного изучения соотношения конституционных запретов и реальной идеологической практики государств в контексте скрытного выполнения идеологической функции таких запрещающих норм в законодательстве.

Ключевые слова: государственная идеология, генезис, легитимация, политический порядок, историко-теоретический анализ, идеологическое многообразие, Конституция РФ

Для цитирования: Стабровская Е.А., Кабанец А.А. Скрытая идеология государства и её историческая эволюция // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 46 – 53. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-46-53

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

The hidden ideology of the state and its historical evolution

¹ Stabrovskaya E.A., ¹ Kabanets A.A.,

¹ Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation

Abstract: this article examines the origins of state ideology as a socio-philosophical phenomenon. It analyzes the evolution of ideas about the relationship between state and ideology, and identifies the main theoretical approaches to the nature of state ideology: materialistic, evolutionary, and institutional. The purpose of the study is to examine the primacy of ideology over state institutions, as well as the transformation of ideological forms in history – from the Neolithic Revolution, the ancient polis and Rome to Modern Russia, ideological systems of the 20th century, and the modern constitutional consolidation of ideological diversity. The main objective of the study is to consider the hypothesis of the transition of state ideology from explicit sacred forms (myth, religion) to hidden sacred ones under the guise of secular ones through a historical understanding of this process. The research methodology is based on a systems approach to the analysis of the works of Russian and foreign scholars, revealing the fundamental basis for the concept of ideology, its evolution in the historical paradigm and features at each stage of human development, as well as the Constitution of the Russian Federation, which allows us to consider an example of state ideological practice. The scientific novelty of this work lies in its comprehensive analysis of the evolution of ideological concepts and forms throughout history, identifying the characteristics of each historical stage, and formulating a working definition of state ideology. The main result of this work is the substantiation of the hypothesis that the evolution of ideology proceeds from explicit sacred forms to hidden sacred ones disguised as secular. It is concluded that state ideology is composed of cultural, historical, and doctrinal elements that provide legitimacy for the political order, with the constitutional prohibition on state ideology itself being an ideological position. The practical significance of this work lies in the opportunity to comprehensively study the relationship between constitutional prohibitions and the actual ideological practices of states in the context of the covert fulfillment of the ideological function of such prohibitive norms in legislation.

Keywords: state ideology, genesis, legitimation, political order, historical and theoretical analysis, ideological diversity, Constitution of the Russian Federation

For citation: Stabrovskaya E.A., Kabanets A.A. The hidden ideology of the state and its historical evolution. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 46 – 53. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-46-53

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 7, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Проблема происхождения государства давно стала классической темой философско-правовой мысли. Однако не менее важным, хотя и менее разработанным, остаётся вопрос о генезисе идеологии государства – того смыслового каркаса, который придаёт государственной власти легитимность и целостность в глазах общества. Под государственной идеологией нами понимается система идей, ценностей и символов, которая легитимирует существующий политический порядок, обосновывает право государства на власть и транслируется (или молчаливо одобряется) государственными институтами, независимо от того, закреплена ли она официально в качестве обязательной. Это определение отличает государственную идеологию от идеологии политической партии (которая может находиться в оппозиции) или религиозной доктрины (которая может существовать независимо от государства) – ключевым здесь является легитимирующая функция по отношению к конкретному государству и институциональная поддержка.

Как показывают исследования, идеология представляет собой продукт переработки более ранних форм легитимации – мифологии и религии. Этот процесс особенно отчётливо проявился в эпоху Возрождения и Нового времени [10, с. 119-120]. В самом общем виде идеологию можно определить как систему идей и взглядов, отражающих интересы социума через отношение к прошлому, осознание себя единым целым в настоящем и представления о желаемом будущем. Поскольку разные общества развиваются в непохожих географических, культурных и экономических условиях, их интересы различаются – отсюда и множественность подходов к самой идеологии, представленные в ходе исследования. Особенно в этом контексте выделяется современный этап развития идеологической формы в законодательстве, имеющий имплицитный характер, требующий комплексного изучения с учетом исторического развития государственной идеологии.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на нескольких взаимодополняющих методах. Формально-юридический метод позволил проанализировать тексты Конституции Российской Федерации. Сравнительно-исторический метод способствовал сопоставлению исторических этапов развития идеологической мысли и государственной идеологической практики как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Системный и структурно-функциональный методы дали возможность выявить закономерности перехода от яркой сакрализации идеологической формы выражения государственной идеологии в период неолитической революции через религию и мифологию к имплицитному режиму на современном этапе. Материалами исследования послужили Конституция РФ, а также зарубежные и отечественные научные работы, широко рассматривающие различные теоретические подходы к пониманию явления идеологии.

Результаты и обсуждения

Прежде чем стать инструментом государства, идеология существовала в других формах. В традиционных обществах функции смыслопорождения выполняли мифология, а затем религия. Они обеспечивали легитимацию власти без рационального обоснования: правитель выступал как посредник между людьми и богами, носитель священной харизмы. Переход от религиозного сознания к идеологическому конструированию был связан с секуляризацией и поиском новых идентичностей [11]. Однако корни этого перехода уходят глубже – в так называемую неолитическую революцию, которая, согласно материалистическому подходу, создала материальные предпосылки для возникновения и государства, и его идеологии. Переход от присваивающего хозяйства к производящему, появление прибавочного продукта и имущественного расслоения потребовали не только аппарата принуждения (государства), но и идей, оправдывающих это неравенство. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», «господствующие идеи каждого времени суть идеи господствующего класса» [12]. Так складываются первые идеологические формы – сакрализация власти вождя, культ предков, мифы об избранности того или иного рода.

Первые теоретические размышления о связи «идеи» (тогда ещё не называвшейся этим словом) с устройством государства встречаются уже в античности. В «Политике» Аристотель прямо не употребляет термин «идеология», но разбирает и критикует разные проекты «идеального полиса» – государства, способного удовлетворить потребности общества. Для Аристотеля полис – высшая форма человеческого объединения, и её цель состоит в достижении «счастливой жизни, то есть жизни, согласной с добродетелью» [2]. Рассматривая построения Платона, а также малоизвестных ныне мыслителей – Фалкея Халкедонского (предлагавшего уравнивать землю и ремесленников, но оставить воинов и правителей) и Гипподама Милетского (впервые предложившего плановую застройку городов и разделение граждан на три сословия), Аристотель фактически показывает, как идея (в данном случае – представление о должном порядке) определяет политику государства, её направленность на защиту от угроз и создание образа «счастливой жизни». Вместе с тем Аристотель защищает и рабство, что обнажает другую сторону идеологии: она может служить обоснованию власти элиты и созданию выгодных для неё условий.

В литературе до сих пор идёт спор о том, что первично – государство или его идеология. Согласно одной точке зрения, которую развивал, в частности, немецкий социолог К. Мангейм, идеологию практически невозможно создать «по заказу» государства; она рождается в обществе и уже потом усваивается властью. Именно идея определяет, каким быть государству, – так было с христианством, переосмыслившим Римскую империю, с исламом, учредившим халифат, и с коммунистической идеологией, построившей новое государство [13]. Согласно противоположной позиции, само государство активно формирует и транслирует идеологические доктрины, используя для этого, в частности, историческую науку, образование и СМИ [10, с. 121]. В реальности имеет место диалектический синтез: идеология складывается в недрах общества как ответ на вызовы времени, но затем подхватывается и адаптируется государством, превращаясь в инструмент легитимации. При этом исторический опыт показывает, что государственная идеология постепенно эволюционирует – от защиты исключительно элитарных групп к учёту интересов большинства. Если этого не происходит, государство как институт рискует прекратить существование.

В социально-философской мысли сложилось несколько объяснений того, как возникает идеологическое обоснование государства. Материалистический подход (марксизм), как уже отмечалось, связывает появление и государства, и его идеологии с экономическими сдвигами, прежде всего с неолитической революцией. Идеология здесь выступает как «ложное сознание» (Маркс), оправдывающее господство одного класса над другим. Эволюционный подход рассматривает идеологию как закономерный этап развития символических форм – от мифа через религии к светской идеологии; причём каждая последующая форма не отменяет предыдущую полностью, а надстраивается над ней. Наконец, институциональный подход трактует госу-

дарственную идеологию не как простую сумму доктрин, а как «матрицу, продуцирующую символы, нормы и другие интеллектуальные продукты взаимодействия государства и общества» [12, с. 5]; её генезис неотделим от становления самих механизмов государственно-общественных отношений – таких как выборы, судопроизводство, система образования.

Представляется, что все три подхода не исключают, а дополняют друг друга. Материалистический подход объясняет почему вообще возникает потребность в идеологии (экономическое неравенство нуждается в оправдании). Эволюционный подход показывает, как именно меняются формы идеологии (от мифа к религии, от религии к светской доктрине). Институциональный подход отвечает на вопрос какими средствами идеология транслируется и воспроизводится (через школу, суд, армию, СМИ). В исторической части статьи мы будем периодически возвращаться к этим подходам, иллюстрируя их эвристическую ценность.

Конкретные исторические примеры позволяют увидеть, как эти теоретические схемы работают на практике. В античности и Средневековье господствовали сакральные формы легитимации: власть обосновывалась через божественное происхождение правителя или особую миссию народа. Государственная идея была неотделима от религии. Особенно показателен в этом смысле опыт Римской империи, просуществовавшей около пятисот лет и павшей в 476 году н.э. Пример Рима подтверждает прежде всего институциональный подход: утрата идейного единства была тесно связана с отказом ключевых институтов выполнять свою функцию. Как отмечает в фундаментальном труде «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббон, процесс этот был не внезапным, а постепенным и комплексным: внешние вторжения германских племён наложились на внутреннюю нестабильность и утрату поддержки населения [3, т. 3, с. 124-156]. Идейным стержнем Рима служил политеизм с культом императора, что создавало постоянный риск междоусобиц и дворцовых переворотов. За 50 лет (с 235 по 285 год н.э., так называемый кризис III века) в империи сменилось около 20 императоров, причём многие из них погибли насильственной смертью [9, с. 87-112]. Ослаблению культа непобедимости Рима и божественного статуса императора способствовали военные поражения от варваров (особенно разгром под Адрианополем в 378 году) и распространение христианства, которое принесло иные моральные ценности – равенство всех перед Богом, непротивление злу насилием, приоритет духовного над мирским. Принятие христианства в качестве государственной религии при императоре Феодосии I (381 год, после Константинопольского собора), хотя и было стратегически оправданно для централизации власти, породило новый социальный кризис – борьбу за «чистоту» вероучения (ереси, арианство, монофизитство) и преследование язычников. Этот пример наглядно демонстрирует, как идеология (в её религиозной оболочке) может сплачивать общество перед лицом внешних угроз, но как дорого обходится утрата идейного единства и как замена одной идеологической системы другой (язычество → христианство) может вызывать глубокий раскол.

В отличие от Рима, принятие христианства в Древней Руси стало основополагающим вектором развития, а не фактором ослабления. Крещение Руси в 988 году князем Владимиром не только помогло объединить разрозненные славянские племена и вывести молодое государство на международную арену, но и сформировало моральные и этические стандарты русского национального самосознания, дало письменность (кириллицу) и развитую культуру. Огромное влияние христианства проявилось, в частности, в идеологии «Москва – Третий Рим», сформулированной старцем Филофеем в начале XVI века. Эта идеология объединила русские княжества вокруг Москвы и развила представление о богоизбранности русского народа как хранителя «истинного христианства» после падения Византии в 1453 году. Как показано в исследовании Н.В. Синецкой, Московская Русь стала восприниматься как наследница Византии (Второго Рима) и защитница всего христианского мира, что укрепило государственность и власть русских царей, придав им сакральный статус [7]. Хотя после церковной реформы патриарха Никона в XVII веке эта концепция вызвала недоверие у части населения (старообрядцы), в целом именно религия долгое время выполняла здесь функции идеологии: легитимировала власть, обеспечивала социализацию, передачу представлений о мире и даже обогащала нормативно-правовую систему государства (влияние Кормчей книги на Русскую Правду и последующие кодексы).

Новый этап в развитии идеологии наступает в Новое время (XVI-XIX века), когда она постепенно выходит из-под влияния религиозных вероучений. Этот период называют секулярно-рационалистическим: идеология десакрализуется, становится предметом политической борьбы, власть больше не обосновывается через божественное право. Эволюционный подход здесь особенно нагляден: мифологическая стадия (архаика) сменяется религиозной (Античность и Средневековье), а та, в свою очередь, – светско-рационалистической. Главным становится вопрос: откуда берётся власть и почему ей должны подчиняться? Томас Гоббс в «Левиафане» (1651 год) отвечает на него через теорию общественного договора – рационального соглашения людей, передающих часть своих прав суверену ради безопасности, а не божественно-

го установления. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» (1689 год) заявляет о естественных правах на жизнь, свободу и собственность, которые не могут быть отчуждены в пользу государства, и обосновывает право народа на сопротивление тирании. Шарль-Луи де Монтескье в «О духе законов» (1748 год) разрабатывает теорию разделения властей и систему сдержек и противовесов, лёгшие в основу современных конституционных государств. Жан-Жак Руссо занимает среди этих мыслителей особое место: в трактате «Об общественном договоре» (1762 год) он формулирует идею народного суверенитета, согласно которой народ – источник верховной власти и вправе свергнуть власть, не отвечающую его интересам. Именно эти идеи легли в основу Декларации независимости США (1776 год) и Декларации прав человека и гражданина (1789 год) [6].

В России эпохи «просвещённого абсолютизма» Екатерины II (1762-1796) идеи французских просветителей – гуманизм, равенство всех перед законом, соразмерность наказаний, презумпция невиновности – активно развивал первый русский профессор права С.Е. Десницкий, ученик Адама Смита, который предлагал ввести в России выборное судопроизводство и ограничить крепостное право. Ещё более радикальную позицию занял А.Н. Радищев, которого называли «русским Жан-Жаком Руссо»: в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 год) он описал ужасы крепостного права и выдвинул идею свержения тирании народом. Его взгляды стали предтечей позднейших революционных движений в России – от декабристов до народовольцев. В XIX веке идеологические споры развернулись между западниками, славянофилами и революционными демократами — все они предлагали альтернативные пути развития по отношению к официальной идеологии, сформулированной министром народного просвещения С.С. Уваровым как триада «Православие, самодержавие, народность» (1830-е годы). Западники (Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин) выступали за европейский путь развития, конституционную монархию и расширение прав и свобод по образцу Англии или Франции. Славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков) настаивали на самобытности России, причём Аксаков разработал концепцию «государство и земля», где государству отводилась роль внешнего порядка и защиты, а «земле» (общине, народу) – внутренняя духовная жизнь, не подлежащая государственному вмешательству. А.И. Герцен, российский революционный демократ, создал теорию «русского социализма», попытавшись соединить идеи славянофилов (крестьянская община как основа) с западноевропейским социализмом (идеи Сен-Симона и Фурье). Он считал, что Россия, минуя капитализм, может перейти к социализму через крестьянскую общину. При всех различиях этих направлений их объединяло стремление расширить правовой статус населения и отменить крепостное право (что произошло в 1861 году) [6].

XX век принёс качественно новые формы государственной идеологии. Во-первых, это большевизм – первая в истории светская идеология, претендовавшая на полное переустройство общества на научных (марксистских) основаниях. После Октябрьской революции 1917 года марксизм-ленинизм стал не просто идеологией правящей партии, но государственной идеологией СССР, закреплённой в статье 6 Конституции СССР 1977 года как «руководящая и направляющая сила советского общества». Во-вторых, это фашизм и национал-социализм – идеологии, делавшие акцент на расовом или национальном превосходстве, культе вождя и тотальной мобилизации общества. В Италии и Германии 19200-1930-х годов эти идеологии также стали государственными, что привело к катастрофе Второй мировой войны. В-третьих, во второй половине XX века ряд исследователей (Д. Белл, Ф. Фукуяма) заговорили о «конце идеологий» или «постидеологическом состоянии» – якобы либеральная демократия и рыночная экономика больше не нуждаются в идеологическом обосновании. Однако эта точка зрения сама является идеологической (либеральной) и была подвергнута критике, в частности, за игнорирование национальных, религиозных и цивилизационных идеологий в незападных обществах. В-четвёртых, во второй половине XX века возникли национально-освободительные идеологии в странах Азии, Африки и Латинской Америки, часто сочетавшие социалистические, националистические и антиколониальные элементы. Все эти примеры показывают, что идеология не исчезла, а лишь изменила формы – от открыто тоталитарных к более мягким, но не менее действенным.

Современный этап развития представлений об идеологии государства характеризуется их конституционным закреплением в большинстве демократических стран. Особый интерес в этом контексте представляет Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [1]. В статье 13 Конституции РФ закреплено, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1, ст. 13]. Эта норма представляет собой прямой отказ от советского прошлого с его монополией марксистско-ленинской идеологии и одновременно фиксирует новый подход к пониманию роли идеологии в жизни государства и общества.

Конституционный запрет на государственную идеологию, однако, не означает отрицания идеологии как таковой. Напротив, сама эта норма – признание идеологического многообразия – является определённой идеологической позицией, характерной для либерально-демократической традиции. Возникает парадокс: если идеологическое многообразие – тоже идеология, то не нарушает ли она саму себя? Как возможно государство вообще без «скрытой идеологии»? В литературе существуют разные подходы к разрешению этого парадокса. Либеральный теоретик Дж. Ролз в «Теории справедливости» (1971) предложил концепцию «нейтрального государства», которое не принимает никакой доктрины добра и лишь обеспечивает справедливые процедуры для их конкуренции. Напротив, правый теоретик К. Шмитт в работе «Понятие политического» (1932) утверждал, что любое государство неизбежно базируется на некотором «политическом решении» о том, кто есть друг, а кто враг, – и это решение уже идеологично. С этой точки зрения, конституционный запрет на государственную идеологию есть не что иное, как либеральная идеология, которая отказывает себе в имени «идеология» для усиления своей легитимности. Российский случай особенно интересен, поскольку в нём либеральный принцип идеологического многообразия соседствует с элементами консервативной идеологии, внесёнными в Конституцию в ходе поправок 2020 года.

Как отмечает В.В. Гошуляк, в обновлённую Конституцию РФ была включена статья 67.1, которая упоминает «тысячелетнюю историю», «память предков» и «преемственность развития России» [4, с. 12]. Согласно интерпретации, предлагаемой этим автором, данные положения отражают ценностно-идеологический консенсус российского общества и фактически вводят элементы консервативной идеологии на конституционном уровне. Кроме того, Конституция РФ закрепляет Россию как светское государство (ст. 14), гарантирует свободу совести и вероисповедания (ст. 28), а также признаёт человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2) [1]. Все эти положения формируют ценностно-нормативную основу, которая, не будучи «государственной идеологией» в узком смысле (как единая обязательная доктрина), выполняет по отношению к государству схожие функции: легитимирует власть, задаёт ориентиры для правотворчества и правоприменения, формирует идентичность российского гражданства. Это хорошо согласуется с институциональным подходом: идеология здесь предстаёт не как набор догм, а как «матрица», генерирующая нормы и символы в процессе взаимодействия государства и гражданского общества.

Выводы

Таким образом, генезис идеологии государства – это длительный и внутренне противоречивый процесс, который невозможно свести к какой-либо одной причине или модели. Предложенная в начале статьи гипотеза о переходе от явных сакральных форм (миф, религия) к скрытым сакральным под видом светских находит своё подтверждение: современный конституционный запрет на государственную идеологию не устраняет идеологическую функцию государства, а лишь переводит её в имплицитный режим. Идеология зарождается в мифе и ритуале ещё в до-государственных обществах, затем обретает религиозные формы, позже секуляризируется и рационализируется, превращаясь в инструмент политической легитимации. Её природа двойственна, что отражает изначальный спор о первичности: она не может быть полностью навязана «сверху» (поскольку должна укореняться в народном сознании и отвечать реальным запросам), но и не может игнорировать государство как главный институт, обеспечивающий её трансляцию, защиту и часто – систематизацию.

Исторический опыт – от неолитической революции и античного полиса через Римскую империю и Древнюю Русь к России Нового времени, идеологическим экспериментам XX века и современной Конституции РФ – подтверждает, что эволюция идеологии идёт от защиты элитарных интересов к учёту интересов большинства (хотя этот процесс не линейен и знает откаты). Утрата идейного единства неизбежно ведёт к кризису и ослаблению государства. Современное конституционное закрепление идеологического многообразия, как в Российской Федерации, не отменяет потребности в ценностно-смысловом единстве общества, а переводит её в новое правовое русло, где различные идеологии конкурируют между собой в рамках закона, а не навязываются сверху как единственно верные. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на конкретные механизмы трансформации идеологических форм в разных цивилизационных контекстах и на соотношение конституционных запретов и реальной идеологической практики государств – включая анализ того, как «запрет на государственную идеологию» сам становится скрытой идеологической позицией.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Москва: ИНФРА-М, 2026. 70 с.
2. Аристотель Политика: пер. с древнегреч. С.А. Жебелёва. Москва: АСТ, 2018. 416 с.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т.: пер. с англ. В.Н. Неведомского. Москва: Кучково поле, 2021.
4. Гошуляк В.В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 9 – 17.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: пер. с нем. Москва: Политиздат, 1956. 184 с.
6. Политические и правовые учения в России: учеб.-метод. пособие. Москва: Российская правовая академия Минюста России, 2015. 88 с. URL: <http://distance.rpa-mu.ru/files/books/ippy/thm/tsm20.html> (дата обращения: 06.04.2026)
7. Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). Москва: Индрик, 1998. 416 с.
8. Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. Москва: Издательство Новосибирского университета, 1995. 536 с.
9. Грант М. Римские императоры: биографический справочник правителей Римской империи: пер. с англ. М.А. Сокольской. Москва: Терра-Книжный клуб, 1998. 400 с. [Ссылка на этот источник приведена в основном тексте при обсуждении кризиса III века: 9. С. 87 – 112.
10. Саевич В.В. Роль исторической науки в процессе формирования идеологии государства // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. 2020. № 2. С. 119 – 124.
11. Смирнов В.А. Исторические аспекты генезиса идеологии как инструмента политической легитимации // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 5 (30). С. 1 – 6.
12. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 5 – 23.
13. Мангейм К. Идеология и утопия: пер. с нем. М.И. Левиной. Москва: Юрист, 1994. 304 с.
14. Шмитт К. Понятие политического: пер. с нем. Москва: Наука, 2016. 567 с.
15. Белл Д. Конец идеологии: пер. с англ. Москва: АСТ, 2019. 576 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ, of March 14, 2020 No. 1-FKZ). Moscow: INFRA-M, 2026. 70 p.
2. Aristotle Politics: translated from the ancient Greek by S.A. Zhebelev. Moscow: AST, 2018. 416 p.
3. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: in 7 volumes: translated from English by V.N. Nevedomsky. Moscow: Kuchkovo Pole, 2021.
4. Goshulyak V.V. The Ideology of Conservatism in the Updated Constitution of the Russian Federation. Actual Problems of Russian Law. 2025. No. 6. P. 9 – 17.
5. Marx K., Engels F. The German Ideology: translated from German. Moscow: Politizdat, 1956. 184 p.
6. Political and Legal Doctrines in Russia: A Textbook and Methodological Manual. Moscow: Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, 2015. 88 p. URL: <http://distance.rpa-mu.ru/files/books/ippy/thm/tsm20.html> (date of access: 06.04.2026)
7. Sinitsyna N.V. The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th-16th Centuries). Moscow: Indrik, 1998. 416 p.
8. Rawls J. A Theory of Justice: trans. from English. Moscow: Novosibirsk University Publishing House, 1995. 536 p.
9. Grant M. Roman Emperors: A Biographical Directory of the Rulers of the Roman Empire: trans. from English by M.A. Sokolskaya. Moscow: Terra-Book Club, 1998. 400 p. [A reference to this source is given in the main text during the discussion of the crisis of the 3rd century: 9. P. 87 – 112.
10. Saevich V.V. The Role of Historical Science in the Process of Formation of State Ideology. Vesnik Belarusian State Historical Research. 2020. No. 2. P. 119 – 124.

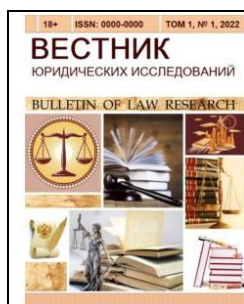
11. Smirnov V.A. Historical Aspects of the Genesis of Ideology as an Instrument of Political Legitimation. Scientific Notes of Novgorod State University. 2020. No. 5 (30). P. 1 – 6.
12. Soloviev A.I. Political Ideology: the Logic of Historical Evolution. Polis. Political Studies. 2001. No. 2. P. 5 – 23.
13. Mannheim K. Ideology and Utopia: translated from German by M.I. Levina. Moscow: Jurist, 1994. 304 p.
14. Schmitt K. The Concept of the Political: translated from German by M.I. Levina. Moscow: Nauka, 2016. 567 p.
15. Bell D. The End of Ideology: translated from English by M.I. Levina. Moscow: AST, 2019. 576 p.

Информация об авторах

Стабровская Е.А., кандидат юридических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Кабанец А.А., Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

© Стабровская Е.А., Кабанец А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 328.185:351

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-54-58

Институциональные механизмы противодействия коррупции в системе публичного управления: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта

¹ Ибрагимов М.А., ¹ Магомедов Г.Б.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье на основе сравнительного анализа исследуются институциональные механизмы противодействия коррупции в системе публичного управления России и ряда зарубежных государств. Рассматриваются структурные элементы национальных антикоррупционных систем, включая специализированные антикоррупционные органы, инструменты предотвращения и выявления коррупции, механизмы гражданского контроля и правовые меры ответственности. Предлагаются рекомендации по совершенствованию национальной антикоррупционной системы с учётом адаптации передового зарубежного опыта к российским правовым и административным условиям.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, публичное управление, институциональные механизмы, антикоррупционный орган, конфликт интересов, декларирование доходов, гражданский контроль, прозрачность, подотчётность

Для цитирования: Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б. Институциональные механизмы противодействия коррупции в системе публичного управления: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 54 – 58. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-54-58

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Institutional mechanisms for countering corruption in the public administration system: a comparative analysis of Russian and foreign experience

¹ Ibragimov M.A., ¹ Magomedov G.B.,

¹ North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: based on a comparative analysis, the article examines the institutional mechanisms for combating corruption in the public administration system of Russia and a number of foreign states. The structural elements of national anti-corruption systems are considered, including specialized anti-corruption bodies, tools for preventing and detecting corruption, mechanisms of civil control and legal liability measures. The strengths and systemic gaps of Russian anti-corruption legislation and institutional infrastructure are identified. Recommendations are proposed for improving the national anti-corruption system, taking into account the adaptation of advanced foreign experience to Russian legal and administrative conditions.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, public administration, institutional mechanisms, anti-corruption body, conflict of interest, income declaration, civil control, transparency, accountability, compliance

For citation: Ibragimov M.A., Magomedov G.B. Institutional mechanisms for countering corruption in the public administration system: a comparative analysis of Russian and foreign experience. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 54 – 58. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-54-58

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Коррупция остаётся одной из ключевых угроз эффективности публичного управления и устойчивому социально-экономическому развитию государства. По оценкам Transparency International, индекс восприятия коррупции (CPI) за последние годы фиксирует сохранение системных коррупционных рисков в большинстве постсоветских государств, включая Россию. По данным международных организаций, экономический ущерб от коррупции ежегодно составляет, по различным оценкам, от 1 до 3,5% ВВП страны, что обуславливает высокую социально-экономическую и политическую значимость антикоррупционной тематики.

Российское антикоррупционное законодательство за последние полтора десятилетия претерпело существенное развитие: принят Федеральный закон «О противодействии коррупции» (2008), сформирована система деклараций о доходах, расходах и имуществе публичных должностных лиц, введён институт урегулирования конфликта интересов, созданы специализированные подразделения по профилактике коррупционных правонарушений. Тем не менее практическая эффективность ряда механизмов побуждает к поиску оптимальных институциональных решений на основе системного сравнительного анализа зарубежного опыта.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ институциональных механизмов противодействия коррупции в системе публичного управления России и зарубежных государств и на его основе сформулировать рекомендации по совершенствованию отечественной антикоррупционной системы.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и институциональный подходы. Применяется метод сравнительного анализа национальных антикоррупционных систем с использованием критериев институциональной независимости, нормативной полноты, правоприменительной практики и степени вовлечённости институтов гражданского общества. Используются методы системного и структурно-функционального анализа для выявления взаимосвязей между отдельными элементами антикоррупционных систем.

Источниковую базу составляют: международные конвенции и рекомендации в сфере противодействия коррупции (Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом); национальное антикоррупционное законодательство России и зарубежных государств; доклады международных организаций (Transparency International, GRECO, UNODC, FATF); индексы восприятия коррупции; научные публикации отечественных и зарубежных учёных за 2020-2025 гг.

Результаты и обсуждения

В научной литературе выделяют несколько базовых типов институциональных механизмов противодействия коррупции. А.Ф. Ноздрачев систематизирует правовые механизмы и практику правоприменения, разграничивая превентивные, выявительные и карательные инструменты, и показывает, что в наиболее эффективных антикоррупционных системах все три группы функционируют как взаимодополняющие элементы единого механизма [13]. В.В. Астанин, анализируя российский и зарубежный опыт, предлагает рассматривать антикоррупционную систему как многоуровневую, включающую законодательный, исполнительный, контрольный и гражданский уровни [1]. А.М. Цирин характеризует комплексные меры противодействия коррупции через призму их органичного сочетания в рамках целостной национальной системы, указывая на принципиальную значимость баланса между репрессивными и профилактическими мерами [16].

А.В. Куракин детально анализирует административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы и рассматривает их как фундаментальный, системообразующий элемент антикоррупционной архитектуры [10]. Исследователь указывает на тесную взаимосвязь между качеством государственно-служебных отношений, уровнем кадровой политики и коррупционными рисками в органах публичной власти. И.Я. Богданов и А.П. Калинин в системном исследовании социально-экономических и правовых аспектов коррупции прослеживают связь между уровнем коррупции, состоянием правовых ин-

ституты и качеством экономического роста, обосновывая приоритет институциональной реформы над чисто репрессивными мерами [2].

Одной из ключевых институциональных инноваций в мировой практике является создание специализированных независимых антикоррупционных органов. С.А. Егоров в сравнительном исследовании таких органов анализирует опыт Сингапура (Бюро по расследованию случаев коррупции – СРИБ), Гонконга (Независимая комиссия по борьбе с коррупцией – ICAC), Южной Кореи (Комиссия по борьбе с коррупцией и защите прав граждан – ACRC) и ряда европейских стран [7]. Исследователь убедительно показывает, что эффективность подобных органов определяется прежде всего их реальной институциональной независимостью от политического давления, достаточностью ресурсного обеспечения и широтой охватываемых полномочий – от профилактики до расследования.

В.И. Дзодзиев, проводя сравнительный анализ антикоррупционного законодательства России и стран ОЭСР, констатирует, что принципиальным отличием государств с высокими показателями антикоррупционной эффективности является наличие единого институционально независимого органа с интегрированными полномочиями в сфере расследования, надзора и профилактики [6]. В России аналогичные функции распределены между прокуратурой, Следственным комитетом, ФСБ, Министерством юстиции и президентскими структурами (Управление Президента по вопросам противодействия коррупции), что объективно порождает координационные дефициты и зоны институциональной неопределённости.

Система декларирования доходов, расходов и имущества публичных должностных лиц является важнейшим профилактическим инструментом. П.А. Кабанов на основе систематического мониторинга антикоррупционной политики выявляет ряд системных слабостей российской декларационной практики: формализм при заполнении деклараций, недостаточную верификацию представляемых сведений, ограниченность применения в практике механизма контроля соответствия расходов должностных лиц задекларированным доходам [9]. Э.В. Талапина, исследуя возможности применения цифровых технологий для повышения прозрачности декларирования, приходит к выводу о перспективности автоматизированной межведомственной верификации сведений с использованием данных налоговых органов, Росреестра и банковского сектора [15].

М.В. Паршин исследует антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов как самостоятельный превентивный механизм и указывает, что расширение круга субъектов, уполномоченных и мотивированных проводить независимую антикоррупционную экспертизу, может существенно повысить качество правового регулирования и снизить число коррупциогенных норм [14]. М.С. Журавлев анализирует инструменты антикоррупционного комплаенса в публичном управлении и показывает, что международный опыт свидетельствует об устойчивой эффективности комплаенс-программ при условии их встроенности в систему управления операционными рисками организации [8].

Л.П. Гончаренко развивает концепцию риск-ориентированного подхода применительно к антикоррупционной деятельности органов публичной власти, доказывая, что при таком подходе превентивные меры обретают системный, планомерный, а не эпизодический и реактивный характер [4]. Данная методология активно применяется в Финляндии, Нидерландах и Канаде, где картографирование коррупционных рисков встроено в стандартные управленческие процессы. И.А. Вотченко исследует антикоррупционные механизмы в системе государственной службы и предлагает интегрированное использование кадровых, организационных и правовых инструментов, подчёркивая, что результативность каждого из них существенно возрастает в системном сочетании с остальными [3].

Международный опыт убедительно свидетельствует: системы противодействия коррупции, лишённые действенного гражданского контроля и независимой прессы, демонстрируют устойчивую неэффективность. А.Н. Данилов и М.С. Журавлев исследуют институциональные основы антикоррупционной политики в современной России и подчёркивают значимость независимых гражданских институтов как элемента системы сдержек и противовесов, способного выполнять функции внешнего мониторинга [5]. Ю.И. Литвинова обосновывает, что цифровизация открывает принципиально новые возможности для гражданского антикоррупционного контроля через инструменты открытых данных, систему электронных закупок, механизмы цифровой обратной связи и платформы антикоррупционного сообщения [11].

С.В. Максимов в комплексном монографическом исследовании обосновывает необходимость формирования многоуровневой системы юридической ответственности, органично сочетающей уголовно-правовые, административные и дисциплинарные меры и обеспечивающей неотвратимость наступления последствий при документированных коррупционных правонарушениях [12].

Выводы

Сравнительный анализ показывает, что наиболее эффективные национальные антикоррупционные системы (Сингапур, Финляндия, Южная Корея) характеризуются единством следующих ключевых элементов: институционально независимые антикоррупционные органы широкого профиля; жёсткие, последовательно и неотвратно применяемые санкции; высокоэффективная верифицированная система декларирования; прозрачные процедуры государственных закупок; устойчивый действенный гражданский контроль при реальной свободе СМИ.

Российская система противодействия коррупции располагает развитой нормативной базой, однако демонстрирует институциональные дефициты в части: отсутствия единого координирующего органа с гарантированной независимостью; недостаточной реальной верификации деклараций публичных должностных лиц; слабости института защиты заявителей о коррупции; ограниченного реального вовлечения институтов гражданского общества в антикоррупционный мониторинг.

В числе первоочередных мер по совершенствованию антикоррупционной системы России предлагается: создание единого координирующего антикоррупционного органа с расширенными и законодательно закреплёнными полномочиями в сфере профилактики, мониторинга и координации расследований; введение полноценного, юридически обеспеченного института защиты заявителей о коррупции (whistleblowing); расширение применения цифровых технологий и межведомственного обмена данными для автоматизированной верификации декларационных сведений; совершенствование института антикоррупционной экспертизы с привлечением независимых экспертов и организаций гражданского общества.

Адаптация зарубежного антикоррупционного опыта должна опираться на глубокое понимание специфики российских правовых, административных и социокультурных условий. Механический перенос институциональных моделей без учёта национального контекста, как убедительно демонстрирует международная практика, не обеспечивает ожидаемых результатов. Необходима выработка самостоятельных российских институциональных решений, органично включающих апробированные зарубежные практики.

Список источников

1. Астанин В.В. Противодействие коррупции в системе государственного управления: российский и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 89 – 103.
2. Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. М.: ИСП РАН, 2022. 312 с.
3. Вотченко И.А. Антикоррупционные механизмы в системе государственной службы: организационно-правовой аспект // Государство и право. 2023. № 2. С. 44 – 58.
4. Гончаренко Л.П. Риск-ориентированный подход в антикоррупционной деятельности органов публичной власти // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 134 – 151.
5. Данилов А.Н., Журавлев М.С. Институциональные основы антикоррупционной политики в современной России // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 67 – 80.
6. Дзодзиев В.И. Сравнительный анализ антикоррупционного законодательства России и стран ОЭСР // Государство и право. 2022. № 6. С. 120 – 133.
7. Егоров С.А. Независимые антикоррупционные органы: зарубежный опыт и возможности имплементации в России // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 138 – 152.
8. Журавлев М.С. Антикоррупционный комплаенс в публичном управлении: международный опыт и российская практика // Власть. 2022. Т. 30. № 4. С. 90 – 99.
9. Кабанов П.А. Мониторинг антикоррупционной политики как инструмент оценки эффективности противодействия коррупции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2021. Т. 15. № 2. С. 186 – 196.
10. Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации. М.: Юрист, 2022. 256 с.
11. Литвинова Ю.И. Цифровизация как инструмент противодействия коррупции в системе публичного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 112 – 128.
12. Максимов С.В. Коррупция, закон, ответственность. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮрИнфоР, 2021. 304 с.
13. Ноздрачев А.Ф. Противодействие коррупции: правовые механизмы и практика правоприменения // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 14 – 29.
14. Паршин М.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: состояние и перспективы развития // Государство и право. 2021. № 11. С. 78 – 90.

15. Талапина Э.В. Цифровые технологии как инструмент повышения прозрачности декларирования доходов публичных должностных лиц // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5 – 18.

16. Цирин А.М. Комплексные меры противодействия коррупции: российский и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 75 – 89.

References

1. Astanin V.V. Anti-corruption in the public administration system: Russian and foreign experience. Journal of Russian Law. 2021. No. 4. P. 89 – 103.

2. Bogdanov I.Ya., Kalinin A.P. Corruption in Russia: socio-economic and legal aspects. Moscow: ISP RAS, 2022. 312 p.

3. Votchenko I.A. Anti-corruption mechanisms in the civil service system: organizational and legal aspect. State and Law. 2023. No. 2. P. 44 – 58.

4. Goncharenko L.P. Risk-iented approach to anti-corruption activities of public authorities. Issues of public and municipal administration. 2022. No. 3. P. 134 – 151.

5. Danilov A.N., Zhuravlev M.S. Institutional Foundations of Anti-Corruption Policy in Modern Russia. Sociological Studies. 2021. No. 9. P. 67 – 80.

6. Dzodziev V.I. Comparative Analysis of Anti-Corruption Legislation of Russia and OECD Countries. State and Law. 2022. No. 6. P. 120 – 133.

7. Egorov S.A. Independent Anti-Corruption Bodies: Foreign Experience and Possibilities of Implementation in Russia. Journal of Russian Law. 2023. No. 1. P. 138 – 152.

8. Zhuravlev M.S. Anti-Corruption Compliance in Public Administration: International Experience and Russian Practice. Vlast. 2022. Vol. 30. No. 4. P. 90 – 99.

9. Kabanov P.A. Monitoring Anti-Corruption Policy as a Tool for Assessing the Effectiveness of Combating Corruption. Criminological Journal of Baikal State University. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 186 – 196.

10. Kurakin A.V. Administrative and Legal Means of Combating Corruption in the Civil Service System of the Russian Federation. Moscow: Yurist, 2022. 256 p.

11. Litvinova Yu.I. Digitalization as a Tool for Combating Corruption in the Public Administration System. Issues of State and Municipal Administration. 2023. No. 1. P. 112 – 128.

12. Maksimov S.V. Corruption, Law, Responsibility. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: YurInfoR, 2021. 304 p.

13. Nozdrachev A.F. Anti-corruption: Legal Mechanisms and Law Enforcement Practice. Journal of Russian Law. 2022. No. 3. P. 14 – 29.

14. Parshin M.V. Anti-corruption Expertise of Regulatory Legal Acts: Status and Development Prospects. State and Law. 2021. No. 11. P. 78 – 90.

15. Talapina E.V. Digital Technologies as a Tool for Increasing the Transparency of Income Declarations of Public Officials. Journal of Russian Law. 2023. No. 2. P. 5 – 18.

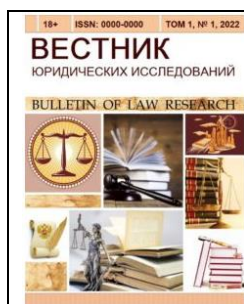
16. Tsirin A.M. Comprehensive anti-corruption measures: Russian and foreign experience. Journal of Russian Law. 2022. No. 5. P. 75 – 89.

Информация об авторах

Ибрагимов М.А., кандидат политических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, доцент, директор, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Ибрагимов М.А., Магомедов Г.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.52:352

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-59-69

Формы и методы координации деятельности законодательных органов субъекта РФ и представительных органов местного самоуправления

¹ Зенин Д.А.,

¹ Сибирский институт управления, филиал Российской академии
наордного хозяйства и государственной службы

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований. Анализируются существующие формы и методы координации, выявляются проблемы их практической реализации в условиях современной системы публичной власти. Особое внимание уделяется институциональным механизмам согласования позиций, правотворческому сотрудничеству и контрольной деятельности. Представлены результаты исследования эффективности различных моделей взаимодействия, применяемых в российских регионах. Обоснована необходимость совершенствования координационных механизмов для обеспечения единства системы публичной власти и повышения качества представительной деятельности на всех уровнях власти.

Ключевые слова: законодательные органы субъектов РФ, местное самоуправление, координация деятельности, взаимодействие органов власти, представительные органы, публичная власть, правотворчество

Для цитирования: Зенин Д.А. Формы и методы координации деятельности законодательных органов субъекта РФ и представительных органов местного самоуправления // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 59 – 69. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-59-69

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Forms and methods of coordinating the activities of legislative bodies of a constituent entity of the Russian Federation and representative bodies of local self-government

¹ Zenin D.A.,

¹ Siberian Institute of Management – branch of Russian
Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article examines current issues of interaction between legislative bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation and representative bodies of municipalities. The existing forms and methods of coordination are analyzed, and problems of their practical implementation in the conditions of the modern system of public authority are identified. Special attention is paid to institutional mechanisms for coordinating positions, law-making cooperation and control activities. The results of a study on the effectiveness of various interaction models used in Russian regions are presented. The necessity of improving coordination mechanisms to ensure the unity of the public authority system and improve the quality of representative activities at all levels of government is substantiated.

Keywords: legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation, local self-government, coordination of activities, interaction of authorities, representative bodies, public authority, law-making

For citation: Zenin D.A. Forms and methods of coordinating the activities of legislative bodies of a constituent entity of the Russian Federation and representative bodies of local self-government. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 59 – 69. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-59-69

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Проведённая в 2020 году конституционная реформа, закрепившая модель единой системы публичной власти, существенно усилила значение согласованного функционирования различных уровней публичного управления [5]. В результате взаимодействие между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления стало рассматриваться не как факультативный элемент межуровневых отношений, а как необходимое условие эффективного осуществления публичной власти. В новых правовых условиях законодательные органы субъектов РФ и муниципальные представительные органы должны осуществлять свою деятельность в рамках взаимосвязанной и координируемой системы, основанной на согласовании интересов и совместном решении публично значимых задач.

Особое значение подобное взаимодействие приобретает в сфере нормотворчества. Именно законотворческая деятельность требует выработки единых подходов к регулированию общественных отношений, поскольку несогласованность регионального и муниципального регулирования способна негативно влиять на устойчивость правовой системы и эффективность реализации публичных функций. В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что качество функционирования публичной власти во многом определяется уровнем взаимодействия между различными институтами представительной демократии [7]. Вместе с тем существующая практика свидетельствует о том, что механизмы координации между региональными законодательными органами и представительными органами муниципальных образований до настоящего времени остаются недостаточно системными и нуждаются в дальнейшем развитии.

Нормативные основы такого взаимодействия формируются прежде всего на федеральном уровне. Законодательство, регулирующее организацию публичной власти в субъектах Российской Федерации, закрепляет общие принципы функционирования региональных органов государственной власти, а также предусматривает необходимость их взаимодействия с муниципальным уровнем управления [2]. Одновременно федеральное регулирование, посвящённое организации местного самоуправления в условиях единой системы публичной власти, определяет статус и полномочия представительных органов муниципальных образований [1].

Действующее законодательство фактически ориентирует субъекты Российской Федерации на формирование механизмов взаимодействия между различными уровнями публичной власти. При этом принцип самостоятельности местного самоуправления сохраняет своё значение: муниципальные образования осуществляют свои полномочия самостоятельно, а отношения административного подчинения между муниципальными образованиями не допускаются. Вследствие этого правовое регулирование координации строится преимущественно на основе сотрудничества, согласования интересов и организационного взаимодействия.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие организацию и функционирование единой системы публичной власти, включая положения Конституции Российской Федерации, федеральное законодательство о принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации и общих принципах организации местного самоуправления, а также законы и иные нормативные правовые акты ряда субъектов Российской Федерации, определяющие формы и механизмы взаимодействия законодательных органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований. Дополнительно использованы регламенты законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, положения о консультативно-совещательных структурах, соглашения о сотрудничестве между региональными и муниципальными органами, а также материалы правоприменительной практики и научные публикации по вопросам публичного управления и муниципального права. Методологическую основу исследования составил системный и институциональный подход, позволяющий рассматривать взаимодействие регионального и муниципального уровней как элемент единой системы публичной власти. В работе применялись формально-юридический метод для анализа нормативного регулирования координационных механизмов, сравнительно-правовой

метод для выявления различий в моделях взаимодействия в субъектах Российской Федерации, а также системно-структурный и функциональный методы, позволившие определить место и роль различных форм координации в обеспечении согласованного функционирования органов законодательной власти и местного самоуправления. Использование указанных методов обеспечило комплексный анализ нормативных и организационных механизмов взаимодействия и позволило выявить их общие закономерности и региональные особенности.

Результаты и обсуждения

Соответствующее регулирование в субъектах Российской Федерации осуществляется различными способами. В одних случаях вопросы взаимодействия закрепляются непосредственно в конституциях и уставах субъектов, в других – регулируются специальными законами либо нормативными актами, определяющими статус органов государственной власти. В ряде регионов приняты отдельные нормативные акты, посвящённые взаимодействию органов государственной власти и местного самоуправления. Так, в Иркутской области на уровне уставного регулирования закреплены принципы сотрудничества, взаимной ответственности и согласования интересов между областью и муниципальными образованиями. Законодательство Карачаево-Черкесской Республики относит координацию деятельности органов местного самоуправления к полномочиям республиканского Правительства. В Кабардино-Балкарской Республике нормативно закреплена обязанность парламента содействовать развитию местного самоуправления, тогда как в Ставропольском крае аналогичные функции возложены на губернатора субъекта [3].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в большинстве субъектов Российской Федерации сформированы определённые правовые механизмы взаимодействия регионального и муниципального уровней публичной власти. Вместе с тем анализ регионального законодательства показывает отсутствие единообразного подхода к регулированию подобных отношений. Содержание полномочий, формы взаимодействия и степень участия органов государственной власти субъектов РФ в координации муниципальной деятельности существенно различаются в зависимости от конкретного региона.

На практике взаимодействие законодательных органов субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований нередко обеспечивается посредством соглашений о сотрудничестве, консультативно-совещательных структур и иных организационных механизмов, закрепляемых подзаконными актами. Использование подобных инструментов позволяет координировать нормотворческую деятельность, обеспечивать обмен правовой информацией, формировать единое правовое пространство и совместно решать вопросы местного значения.

Так, в Пермском крае при Законодательном Собрании действует Совет представительных органов муниципальных образований, функционирование которого определяется специальным положением. Кроме того, между законодательным собранием и представительными органами муниципальных районов и городских округов заключаются соглашения о сотрудничестве, предусматривающие организационно-методическую поддержку, подготовку депутатского корпуса и обеспечение деятельности совещательных органов [10].

Сходный механизм применяется в Приморском крае, где при Законодательном Собрании функционирует Совет председателей представительных органов муниципальных районов, муниципальных и городских округов. Указанный орган выполняет координационно-консультативные функции и обеспечивает взаимодействие регионального парламента с муниципальными образованиями [4].

В Кемеровской области вопросы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления непосредственно урегулированы положениями регионального устава. В частности, закрепляются гарантии самостоятельности местного самоуправления, принципы содействия его развитию, а также запрет на принятие нормативных актов, ограничивающих права муниципальных образований [6].

В отдельных субъектах Российской Федерации используются и иные организационные формы взаимодействия. Например, в Нижегородской области при Законодательном Собрании создана Ассоциация представительных органов муниципальных районов и городских округов [3]. В Новгородской области действует Совет по местному самоуправлению при областной Думе, деятельность которого также регламентируется региональными нормативными актами [9].

В целом проведённый анализ регионального законодательства свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода к правовому регулированию механизмов координации между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. В различных регионах используются отличающиеся модели нормативного закрепления подобных отношений.

Так, в одних субъектах Российской Федерации взаимодействие между региональными и муниципальными органами публичной власти регулируется специальными законами, посвящёнными вопросам координации и сотрудничества. В других регионах соответствующие положения включаются непосредственно в регламенты законодательных органов либо в акты, определяющие порядок их деятельности. Часть субъектов РФ ограничивается подзаконным регулированием, используя соглашения о сотрудничестве, положения о консультативных органах и иные организационно-правовые механизмы. Одновременно сохраняются регионы, в которых системное регулирование координационных процессов фактически отсутствует, а взаимодействие осуществляется преимущественно ситуативно.

Сложившаяся практика показывает, что содержание и формы координации во многом определяются особенностями конкретного субъекта Российской Федерации, уровнем социально-экономического развития территории, а также спецификой региональной системы публичной власти. Вследствие этого даже сходные по своей правовой природе механизмы взаимодействия могут существенно различаться по объёму полномочий, степени институционализации и фактической эффективности их применения.

Институциональная система координации между законодательными органами субъектов РФ и представительными органами муниципальных образований включает несколько основных элементов. Одним из наиболее распространённых механизмов являются консультативно-совещательные структуры, создаваемые при региональных парламентах. К ним относятся советы по вопросам местного самоуправления, рабочие группы, экспертные комиссии и иные коллегиальные органы, предназначенные для обсуждения вопросов муниципального развития и согласования правотворческой деятельности.

Важное значение имеет также участие представителей муниципальных образований в деятельности консультативных структур при законодательных органах субъектов Российской Федерации. Подобная форма взаимодействия позволяет учитывать позицию муниципального уровня при подготовке региональных нормативных правовых актов и способствует согласованию интересов различных уровней публичной власти.

Дополнительным инструментом координации выступают совместные мероприятия, экспертные площадки, совещания, круглые столы и иные формы профессионального обсуждения законодательных инициатив [13]. Использование подобных механизмов способствует обмену правоприменительным опытом, выработке единых подходов к регулированию общественных отношений и повышению качества нормотворческой деятельности.

Вместе с тем существенной проблемой остаётся формальный характер функционирования многих координационных структур. На практике отдельные консультативные и совещательные органы существуют преимущественно номинально, осуществляя деятельность эпизодически и не оказывая существенного влияния на процесс принятия решений. Нередко их заседания проводятся нерегулярно, а вырабатываемые рекомендации не обладают обязательным характером и фактически не учитываются при осуществлении правотворческой деятельности.

Следует учитывать, что координация между региональными и муниципальными представительными органами реализуется не только в сфере законотворчества, но также в рамках контрольной и организационной деятельности. Основные формы такой координации и соответствующие им цели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные формы координации законодательных органов субъекта РФ и представительных органов местного самоуправления и их цели.

Table 1

The main forms of coordination between legislative bodies of a constituent entity of the Russian Federation and representative bodies of local self-government and their goals.

Формы координации		Цели
Советы и координационные органы	Создание советов, координационных, консультационных или совещательных органов при законодательных органах субъекта РФ (например, Совет председателей представительных органов муниципальных районов при Законодательном Собрании Приморского края).	Обеспечение взаимодействия между законодательным органом субъекта и муниципальными органами, создание условий для согласования позиций, обсуждение актуальных вопросов развития местного самоуправления, выработка консолидированных решений. Такие органы могут заниматься анализом состояния местного самоуправления, разработкой предложений по реализации законодательства, методическим обеспечением.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

«Дни депутата» или «дни Законодательного Собрания» в муниципальном образовании	Проведение мероприятий, когда депутаты законодательного органа субъекта РФ посещают муниципальные образования, знакомятся с их работой, обсуждают проблемы и перспективы развития	Укрепление связей между уровнями власти, повышение прозрачности деятельности органов власти, выявление проблем на местном уровне и поиск путей их решения, обмен опытом.
Консультации, семинары, стажировки	Выездные обучающие семинары, консультации с участием депутатов и служащих законодательных органов, стажировки для муниципальных служащих	Повышение квалификации муниципальных кадров, распространение лучших практик, разъяснение изменений в законодательстве, содействие в освоении новых методов работы.
Круглые столы и собрания	Организация круглых столов, собраний и съездов депутатов.	Обсуждение актуальных проблем местного самоуправления, выработка совместных решений, обмен опытом между муниципальными образованиями и региональными властями.
Информационно-методическое взаимодействие	Предоставление информационных материалов, методических рекомендаций, организация интернет-порталов, видеотрансляция заседаний законодательного органа.	Обеспечение муниципалитетов необходимой информацией, содействие в реализации полномочий, повышение информированности депутатов и служащих муниципальных органов.
Право законодательной инициативы	Представительные органы местного самоуправления используют право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта РФ.	Учет интересов муниципалитетов при формировании регионального законодательства, возможность влиять на нормативную базу, касающуюся местного самоуправления.
Программы развития	Разработка и реализация программ социально-культурного развития, инвестиционной поддержки, методической помощи органам местного самоуправления.	Комплексное развитие муниципальных образований, решение приоритетных задач, координация усилий государства и местного самоуправления в рамках общих целей.
Дистанционные формы взаимодействия	Дистанционные консультации, использование интернет-порталов, видеоконференций.	Повышение доступности взаимодействия, экономия времени и ресурсов, расширение возможностей для обмена информацией.
Конкурсы на лучшую организацию работы	Проведение конкурсов среди представительных органов муниципальных образований (например, в Самарской области и Приморском крае).	Стимулирование повышения качества работы муниципальных органов, выявление и распространение лучших практик.

Одной из наиболее распространённых форм взаимодействия между законодательными органами субъектов Российской Федерации и представительными органами муниципальных образований является проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов. В случаях, когда разрабатываемые законопроекты затрагивают интересы местного самоуправления, региональные парламенты направляют их в муниципальные представительные органы для подготовки заключений, замечаний и предложений.

Результативность подобной экспертной работы зависит от целого ряда обстоятельств. Существенное значение имеет своевременность направления законопроектов на рассмотрение муниципального уровня, поскольку недостаток времени существенно снижает качество подготовки заключений. Не менее важным фактором выступает наличие у муниципальных депутатов необходимых профессиональных компетенций, а также организационных и кадровых ресурсов, позволяющих проводить полноценный правовой анализ проектов нормативных актов. Эффективность координации также определяется тем, в какой степени замечания и предложения муниципальных органов учитываются при последующей доработке законопроекта. Важную роль играет и наличие устойчивой обратной связи между региональным законодателем и муниципальным уровнем, позволяющей обеспечивать неформальное обсуждение возникающих вопросов.

Самостоятельным направлением координации выступает реализация права законодательной инициативы представительными органами муниципальных образований. Несмотря на то что соответствующие полномочия предоставлены представительным органам муниципальных районов и городских округов, на практике использование данного механизма остаётся ограниченным. Низкая активность муниципального уровня в сфере законодательной инициативы обусловлена совокупностью организационных и правовых факторов.

К числу основных причин относятся недостаточный уровень правовой подготовки части муниципальных депутатов, отсутствие в небольших муниципальных образованиях специализированных юридических подразделений, способных обеспечивать разработку качественных законопроектов, а также сложность самих процедур подготовки, согласования и сопровождения законодательных инициатив. Дополнительные трудности связаны с ограниченностью финансовых и кадровых ресурсов, необходимых для подготовки финансово-экономических обоснований и иных обязательных материалов [11; 12].

В качестве одной из наиболее перспективных форм координации рассматривается механизм согласования нормативных правовых актов. Его сущность заключается в необходимости предварительного обсуждения с органами местного самоуправления проектов решений, непосредственно затрагивающих муниципальные интересы. Подобная практика постепенно получает развитие в вопросах разграничения полномочий между уровнями публичной власти, передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления, а также установления требований к оказанию муниципальных услуг.

Согласование проектов нормативных актов ещё на стадии их подготовки способствует повышению качества принимаемых решений и снижению вероятности возникновения правовых коллизий. Вместе с тем дальнейшее развитие данного механизма требует более детальной законодательной регламентации, включая установление обязательных процедур согласования, определение сроков подготовки заключений и правовых последствий отсутствия согласованной позиции.

Значительную роль в обеспечении взаимодействия между региональным и муниципальным уровнями играют совместные рабочие группы и комиссии, создаваемые для подготовки законопроектов. Подобные структуры позволяют представителям муниципальных образований непосредственно участвовать в региональном законотворческом процессе. Как правило, такие комиссии формируются при разработке нормативных актов, затрагивающих основы организации местного самоуправления, вопросы межбюджетных отношений, распределения полномочий либо территориального устройства муниципальных образований.

Координация деятельности представительных органов не ограничивается исключительно сферой законотворчества. Существенное значение она приобретает также в организационной и контрольной деятельности, где используются специальные формы взаимодействия, направленные на обмен практическим опытом, выработку единых подходов к осуществлению депутатских полномочий и повышение профессионального уровня представителей муниципального и регионального уровней публичной власти.

Традиционной площадкой взаимодействия выступают конференции, форумы, совещания и круглые столы, проводимые с участием депутатов различных уровней. В субъектах Российской Федерации ежегодно организуется значительное количество подобных мероприятий, посвящённых вопросам бюджетной политики, социально-экономического развития территорий, совершенствования законодательства и практики его применения [8]. Подобные формы коммуникации позволяют муниципальным депутатам обозначать существующие проблемы на местах, а представителям региональных парламентов – разъяснять цели и содержание принимаемых решений.

Практическая ценность таких мероприятий во многом определяется их содержательным наполнением. Наиболее востребованными направлениями являются обсуждение законопроектов на ранних стадиях подготовки, анализ практики применения действующего законодательства, обмен успешным муниципальным опытом, а также подготовка предложений по совершенствованию нормативного регулирования.

Важную координационную функцию выполняют образовательные программы, семинары и иные формы профессиональной подготовки муниципальных депутатов, организуемые законодательными органами субъектов Российской Федерации. Подобная деятельность способствует формированию единообразного понимания законодательства, развитию общих подходов к правоприменению и повышению уровня профессионализации депутатского корпуса. Во многих регионах такая работа осуществляется системно и охватывает широкий круг вопросов, включая бюджетный процесс, организацию контрольной деятельности, регламентную практику и реализацию представительских полномочий.

Особую значимость координация приобретает в сфере парламентского контроля. Расширение контрольных полномочий представительных органов на региональном и муниципальном уровнях обуславливает необходимость согласования соответствующих мероприятий. Органы представительной власти участвуют

в контроле за исполнением бюджетов, реализацией государственных и муниципальных программ, а также соблюдением законодательства органами исполнительной власти. Согласованное проведение контрольных мероприятий позволяет избежать дублирования функций, повысить эффективность проверочной деятельности и обеспечить более комплексную оценку результатов реализации публичной политики.

Координационное взаимодействие между представительными органами различных уровней публичной власти основывается на принципах сотрудничества, согласования интересов и совместной выработки решений по вопросам развития территорий. Его назначение заключается не только в обеспечении текущего взаимодействия между региональным и муниципальным уровнями, но и в формировании единого подхода к реализации задач государственной и муниципальной политики. Координационные механизмы применяются как в нормотворческой деятельности, так и в контрольной, организационной и информационной сферах.

В рамках контрольной деятельности взаимодействие представительных органов может осуществляться посредством различных форм совместной работы, среди которых:

- согласование планов контрольных мероприятий между региональными парламентами и муниципальными представительными органами;
- проведение совместных проверок, мониторингов и обследований по вопросам, затрагивающим интересы нескольких уровней публичной власти;
- обмен информацией о результатах контрольной деятельности и выявленных нарушениях;
- разработка единых методических подходов и стандартов осуществления контрольных процедур.

Существенную роль в обеспечении координации играет информационное взаимодействие. Оно выражается в систематическом обмене аналитическими материалами, правовыми обзорами, данными о практике применения законодательства и результатах правоприменительной деятельности. Во многих субъектах Российской Федерации законодательные органы формируют электронные информационные ресурсы и специализированные базы данных, доступ к которым предоставляется органам местного самоуправления. Подобные механизмы способствуют повышению прозрачности деятельности представительных органов и создают условия для более обоснованного принятия решений на региональном и муниципальном уровнях.

Развитие цифровых технологий существенно расширило возможности координационного взаимодействия. Использование электронного документооборота, систем дистанционного участия, видеоконференцсвязи и цифровых платформ для обсуждения проектов нормативных правовых актов позволяет ускорить согласование позиций и снизить организационные издержки. Особое значение такие механизмы приобрели в период распространения COVID-19, когда многие субъекты Российской Федерации были вынуждены перейти к дистанционным форматам взаимодействия. Практика показала, что подобные инструменты способны обеспечить устойчивость координационных процессов даже при ограничении очных форм работы.

В качестве одного из инструментов согласования интересов территорий может рассматриваться и институт наказов избирателей. Реализация значительной части наказов требует участия нескольких уровней публичной власти, поскольку их исполнение связано с финансированием, нормативным регулированием либо распределением полномочий между субъектом Российской Федерации и муниципальными образованиями. В связи с этим возникает необходимость постоянного взаимодействия депутатов регионального и муниципального уровней при определении приоритетов и механизмов реализации соответствующих инициатив.

Отдельное значение имеет координация в сфере межмуниципального сотрудничества. Муниципальные образования нередко нуждаются в организационной и правовой поддержке при создании совместных структур, ассоциаций и иных форм взаимодействия, направленных на решение общих вопросов местного значения. В подобных случаях законодательные органы субъектов Российской Федерации выполняют координирующую функцию, содействуя развитию горизонтальных связей между муниципальными образованиями и обеспечивая нормативные условия для реализации совместных проектов.

Несмотря на наличие разнообразных форм взаимодействия, современная практика демонстрирует существование ряда системных проблем, затрудняющих эффективную координацию между региональными и муниципальными представительными органами.

Одной из ключевых проблем выступает недостаточная определенность координационных процедур. Во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют детально урегулированные механизмы согласования позиций, не установлены обязательные сроки рассмотрения обращений органов местного самоуправления, а также отсутствуют правовые последствия игнорирования их предложений и замечаний. Подобная неопределенность способствует формализации взаимодействия и снижает практическую значимость координационных механизмов.

Серьезным ограничивающим фактором остается и недостаточность ресурсного обеспечения муниципальных представительных органов. Ограниченная численность депутатского корпуса, нехватка квалифицированного аппарата, отсутствие специализированной экспертной поддержки и ограниченные финансовые возможности существенно снижают способность муниципального уровня полноценно участвовать в законопроектной и экспертной деятельности [11]. В результате участие муниципальных образований в координационных процедурах нередко носит формальный характер.

Определенные сложности порождает и асимметрия статуса региональных и муниципальных представительных органов. На практике законодательный орган субъекта Российской Федерации зачастую воспринимается как доминирующий участник взаимодействия, тогда как муниципальный уровень фактически оказывается в зависимом положении. Подобная модель противоречит самой идее партнерского взаимодействия в рамках единой системы публичной власти и затрудняет формирование полноценного диалога между уровнями представительной демократии.

Дополнительной проблемой является слабая институциональная устойчивость координационных структур. Создаваемые советы, комиссии и рабочие группы во многих случаях функционируют эпизодически, не обладают постоянным аппаратом и необходимыми организационными ресурсами. Их решения, как правило, имеют лишь рекомендательный характер, что существенно ограничивает влияние таких структур на реальные процессы согласования позиций.

Отсутствие системы оценки результативности координационной деятельности также препятствует развитию эффективных механизмов взаимодействия. В настоящее время практически не выработаны единые критерии, позволяющие определить качество и эффективность координационных процессов, не осуществляется системный мониторинг практики взаимодействия между представительными органами различных уровней.

Преодоление указанных проблем требует комплексного совершенствования существующих механизмов координации. Одним из направлений может стать нормативное закрепление обязательных процедур согласования проектов региональных нормативных правовых актов с представительными органами муниципальных образований в случаях, когда такие акты затрагивают вопросы местного значения. Представляется целесообразным установить конкретные сроки подготовки заключений, а также обязанность мотивированного рассмотрения поступивших предложений и замечаний.

Не менее важным является институциональное укрепление координационных органов. Повышению эффективности взаимодействия могло бы способствовать придание таким структурам постоянного статуса, закрепление их полномочий в региональном законодательстве и обеспечение необходимыми организационными ресурсами. Перспективным представляется формирование постоянно действующих советов по вопросам местного самоуправления при законодательных органах субъектов Российской Федерации с участием представителей различных типов муниципальных образований.

Существенное значение имеет и расширение ресурсной поддержки муниципальных представительных органов. Речь может идти о создании консультационных и экспертных центров при региональных парламентах, финансовом обеспечении подготовки экспертных заключений, а также компенсации расходов, связанных с участием муниципальных депутатов в координационных мероприятиях.

Отдельным направлением развития координации является внедрение современных цифровых инструментов взаимодействия. Создание единых информационных платформ, электронных систем обсуждения законопроектов и дистанционного участия в совещательных процедурах способно существенно повысить оперативность взаимодействия и обеспечить более широкий доступ муниципальных образований к процессам регионального законотворчества.

Важное значение имеет и формирование устойчивой культуры координационного взаимодействия. Это могут способствовать образовательные программы, обмен практическим опытом, распространение успешных моделей сотрудничества, а также систематическое обучение депутатов навыкам ведения переговоров и согласования позиций.

Дополнительно представляется необходимым создание системы мониторинга эффективности координационных механизмов. В качестве критериев оценки могут использоваться показатели учета предложений муниципальных органов при доработке законопроектов, интенсивность совместной деятельности, результативность контрольных мероприятий и степень вовлеченности муниципального уровня в процессы регионального нормотворчества.

Перспективным направлением развития взаимодействия выступает и применение проектного подхода, предполагающего формирование временных межуровневых команд для решения конкретных задач. Участие в подобных структурах депутатов регионального и муниципального уровней, представителей эксперт-

ного сообщества и институтов гражданского общества позволяет обеспечить концентрацию ресурсов и более эффективную реализацию совместных инициатив.

Выводы

Таким образом, координация деятельности законодательных органов субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований представляет собой необходимый элемент функционирования единой системы публичной власти. Современная практика демонстрирует наличие разнообразных форм взаимодействия в законотворческой, организационной и контрольной сферах, однако эффективность таких механизмов во многом ограничивается правовой неопределенностью процедур, недостаточным ресурсным обеспечением муниципального уровня и слабой институционализацией координационных структур. Совершенствование координационных механизмов требует комплексного подхода, сочетающего развитие нормативной базы, укрепление организационных форм взаимодействия, внедрение цифровых технологий и формирование устойчивых практик партнерского взаимодействия между уровнями публичной власти.

Список источников

1. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2026)
2. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.03.2026)
3. Калянова Ю.Г. Модели реализации органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий в области организации местного самоуправления как инструмент эффективного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в системе публичной власти // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 35 – 44.
4. Кузьменко С.А., Медведева Н.В. Взаимодействие органов законодательной власти субъекта Российской Федерации с представительными органами муниципальных образований (на примере Приморского края) [Электронный ресурс] // StudNet. 2021. № 1. 11 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-organov-zakonodatelnoy-vlasti-subekta-rossiyskoy-federatsii-s-predstavitelnyimi-organami-munitsipalnyh-obrazovaniy-na> (дата обращения: 11.03.2026)
5. Лебедев В.А. Конституционная реформа в Российской Федерации и ее влияние на систему органов публичной власти // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 9 (133). С. 97 – 102.
6. Мижарева Н.В. Конституционно-правовые основы взаимодействия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований в сфере регионального законотворчества: монография // Чебоксары: ИД «Среда». 2022. 176 с.
7. Наумова Н.В., Пузанова О.А. Влияние эффективности взаимодействия различных уровней публичной власти на механизм реализации основных прав и свобод граждан // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 106 – 112.
8. Сборник материалов основных мероприятий, проведенных Комитетом по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления в Государственной Думе седьмого созыва. Часть 2. М.: Издание Государственной Думы, 2021. 320 с.
9. Совет по местному самоуправлению при Новгородской областной Думе [Электронный ресурс]. URL: <https://novoblduma.ru/duma/msu/> (дата обращения: 11.03.2026)
10. Совет представительных органов муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msu.zsperm.ru/s6/Sovet-predstavitelnyh-organov-munitsipalnyh-obrazovaniy-Permskogo-kraya/> (дата обращения: 11.03.2026)
11. Стрекаловская Е.В. Проблемы процесса взаимодействия регионального парламента с органами местного самоуправления и пути их решения на примере Архангельской области // Сборник статей IV Научно-практической конференции «Современные аспекты научных исследований». AUS PUBLISHERS. 2022. С. 205 – 212.

12. Фомичева О.А. Право на участие органов местного самоуправления в законотворческом процессе как форма реализации конституционного права граждан на управление делами государства // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2021. № 18 (18). С. 135 – 142.

13. Шугрина Е.С. Взаимодействие представительных органов муниципальных образований: форма межмуниципального сотрудничества или повышение роли представительной демократии? [Электронный ресурс]. URL: https://cmokhv.ru/media/cms_page_media/2025/7/4/ШугринавзаимодействпредстОМСУ.pdf (дата обращения: 11.03.2026)

References

1. Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2026)

2. Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ (as amended on December 28, 2025) "On the General Principles of Organizing Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 11.03.2026)

3. Kalyanova Yu.G. Models for the Implementation of Powers in the Field of Local Self-Government by State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation as a Tool for Effective Interaction between State Authorities and Local Self-Government Bodies in the Public Authority System. Bulletin of the Russian Law Academy. 2020. No. 4. P. 35 – 44.

4. Kuzmenko S.A., Medvedeva N.V. Interaction of Legislative Bodies of a Subject of the Russian Federation with Representative Bodies of Municipalities (using Primorsky Krai as an Example) [Electronic Resource]. Stud-Net. 2021. No. 1. 11 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-organov-zakonodatelnoy-vlasti-subekta-rossiyskoy-federatsii-s-predstavitelnyimi-organami-munitsipalnyh-obrazovaniy-na> (date of access: 11.03.2026)

5. Lebedev V.A. Constitutional Reform in the Russian Federation and Its Impact on the System of Public Authorities. Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2025. No. 9 (133). P. 97 – 102.

6. Mizareva N.V. Constitutional and Legal Foundations of Interaction between Legislative (Representative) Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation and Representative Bodies of Municipalities in the Sphere of Regional Lawmaking: Monograph. Cheboksary: Publishing House "Sreda". 2022. 176 p.

7. Naumova N.V., Puzyanova O.A. The Impact of the Effectiveness of Interaction between Various Levels of Public Authority on the Mechanism for Implementing the Fundamental Rights and Freedoms of Citizens. Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 2. P. 106 – 112.

8. Collection of Materials from the Main Events Held by the Committee on Federal Structure and Local Self-Government in the State Duma of the Seventh Convocation. Part 2. Moscow: State Duma Publication, 2021. 320 p.

9. Local Government Council under the Novgorod Regional Duma [Electronic resource]. URL: <https://novoblduma.ru/duma/msu/> (date of access: 11.03.2026)

10. Council of Representative Bodies of Municipalities [Electronic resource]. URL: <https://www.msu.zsperm.ru/s6/Sovet-predstavitelnyh-organov-munitsipalnyh-obrazovaniy-Permskogo-kraya/> (date of access: 11.03.2026)

11. Strekalovskaya E.V. Problems of Interaction between the Regional Parliament and Local Government Bodies and Ways to Address Them: The Case of the Arkhangelsk Region. Collection of Articles from the IV Scientific and Practical Conference "Modern Aspects of Scientific Research". AUS PUBLISHERS. 2022. P. 205 – 212.

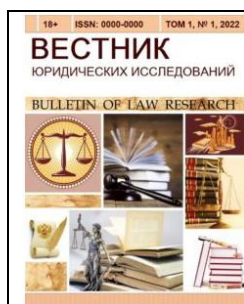
12. Fomicheva O.A. The Right of Local Self-Government Bodies to Participate in the Legislative Process as a Form of Realizing the Constitutional Right of Citizens to Manage State Affairs. Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy. 2021. No. 18 (18). P. 135 – 142.

13. Shugrina E.S. Interaction of Representative Bodies of Municipalities: A Form of Inter-Municipal Cooperation or an Enhanced Role of Representative Democracy? [Electronic resource]. URL: https://cmokhv.ru/media/cms_page_media/2025/7/4/ШугринавзаимодействиестОМСУ.pdf (date of access: 11.03.2026)

Информация об авторе

Зенин Д.А., Сибирский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, nigk@list.ru

© Зенин Д.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 351.72

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-70-75

Интегральный метод анализа межбюджетных трансфертов как инструмент государственного управления: концептуализация и возможности применения

¹ Шаблинский В.И.,

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: в статье предлагается и концептуализируется интегральный метод анализа распределения межбюджетных трансфертов – оригинальный методологический инструмент науки о государственном управлении, объединяющий в единой аналитической рамке экономические, федеральные электоральные и региональные административные факторы. Обосновывается, что существующие монодисциплинарные подходы – нормативная экономика бюджетного федерализма, электоральная политическая экономия и административный анализ – дают принципиально неполное и смещённое объяснение наблюдаемой вариации трансфертного распределения в условиях, когда все три типа факторов действуют одновременно. Описана трёхуровневая структура метода: теоретический уровень (концепция многоуровневого управления, теория принципал-агент, электоральная политэкономия), операциональный (совместная операционализация трёх блоков переменных с диагностикой мультиколлинеарности) и эмпирический (последовательность: описательная статистика → корреляционный анализ → регрессия с тремя спецификациями зависимой переменной). Метод апробирован на верифицированной панели данных по 84 субъектам Российской Федерации за 2007-2022 гг. (1 326 наблюдений). Установлено, что доля голосов за «Единую Россию» является устойчивым положительным предиктором дискреционных трансфертов ($\beta = +0,150$; $t = 9,09$; $p < 0,001$), тогда как региональные административные факторы утрачивают значимость при контроле за электоральным предиктором. Показана универсальность метода: его логика воспроизводима в любой федеративной системе, предполагающей дискреционный компонент трансфертного распределения.

Ключевые слова: государственное управление, межбюджетные трансферты, бюджетный федерализм, интегральный метод, принципал-агент, многоуровневое управление, дискреционные трансферты, регрессионный анализ

Для цитирования: Шаблинский В.И. Интегральный метод анализа межбюджетных трансфертов как инструмент государственного управления: концептуализация и возможности применения // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 70 – 75. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-70-75

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Integral method of analysis of inter-budget transfers as a tool of public administration: conceptualization and application possibilities

¹ Shablinsky V.I.,

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article proposes and conceptualizes an integral method for analyzing the distribution of inter – budget transfers, an original methodological tool of public administration science that combines economic, federal electoral and regional administrative factors in a single analytical framework. It is proved that the existing mono-

disciplinary approaches – the normative economics of fiscal federalism, electoral political economy and administrative analysis – provide a fundamentally incomplete and biased explanation of the observed variation in transfer distribution in conditions when all three types of factors act simultaneously. The three-level structure of the method is described: theoretical level (the concept of multilevel management, principal-agent theory, electoral political economy), operational (joint operationalization of three blocks of variables with diagnosis of multicollinearity) and empirical (sequence: descriptive statistics → correlation analysis → regression with three specifications of the dependent variable). The method was tested on a verified data panel for 84 subjects of the Russian Federation for 2007-2022 (1,326 observations). It was found that the share of votes for United Russia is a stable positive predictor of discretionary transfers ($\beta = +0.150$; $t = 9.09$; $p < 0.001$), while regional administrative factors lose importance when controlling for the electoral predictor. The universality of the method is shown: its logic is reproducible in any federal system assuming a discretionary component of transfer distribution.

Keywords: public administration; inter-budget transfers; fiscal federalism; integral method; principal-agent; multilevel management; discretionary transfers; regression analysis

For citation: Shablinsky V.I. Integral method of analysis of inter-budget transfers as a tool of public administration: conceptualization and application possibilities. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 70 – 75. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-70-75

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Распределение межбюджетных трансфертов в федеративном государстве является принципиально многомерным феноменом, не поддающимся исчерпывающему описанию ни в рамках одной дисциплинарной традиции. Нормативная экономика бюджетного федерализма, восходящая к работам У. Оатса и Б. Вейнга-ста, объясняет, каким должно быть оптимальное распределение с точки зрения общественного благососто-яния [12; 14]. Электоральная политическая экономия фиксирует систематические политически обусловлен-ные отклонения от этого оптимума [6; 7]. Теория государственного управления добавляет к картине орга-низационно-управленческое измерение: бюрократические стимулы, агентские проблемы, административ-ный потенциал региональных руководителей [11]. Каждый из этих подходов в отдельности высвечивает лишь часть объясняемой вариации – и именно это ограничение порождает необходимость методологиче-ской интеграции.

Актуальность разработки интегрального метода определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, рас-тущим запросом на сопоставимые эмпирические исследования трансфертного распределения в различных федеративных системах: без единой операциональной рамки результаты несопоставимы, а накапливаемые данные не суммируются в связную теоретическую картину. Во-вторых, спецификой российского контек-ста: нарастающая административная централизация 2000-х – 2020-х годов создала институциональную конфигурацию, при которой все три типа факторов – экономические, электоральные и административные – действуют одновременно и в значительной мере взаимообусловлены, что делает их изолированное рас-смотрение особенно проблематичным [18].

Цель настоящей статьи – формализовать логику интегрального метода анализа, выделить его структур-ные компоненты, показать их теоретические основания и продемонстрировать применение метода на эмпи-рических данных.

Материалы и методы исследований

Теория бюджетного федерализма первого поколения ставила вопрос о нормативно оптимальном разгра-ничении функций между уровнями государственного управления. В её рамках межбюджетные трансферты рассматривались прежде всего, как инструмент горизонтального выравнивания: передачи ресурсов от бога-тых юрисдикций к бедным с целью обеспечения равного доступа граждан к базовым общественным благам вне зависимости от места проживания [12]. Второе поколение теории, активно развивавшееся Вейнгалом и Оатсом, сделало шаг к учёту политических стимулов: были показаны условия, при которых децентрализа-ция создаёт у региональных властей стимулы к экономическому развитию ("market-preserving federalism"), и условия, при которых она порождает рентоориентированное поведение и "мягкие бюджетные ограниче-ния" [14].

Тем не менее оба поколения теории бюджетного федерализма сохраняют принципиальный изъян с точки зрения понимания реального распределения: они описывают институциональные условия и стимулы, но не объясняют, как конкретные политические и административные акторы ведут себя внутри этих условий. Нормативный вопрос ("как должно быть?") остаётся отделённым от позитивного ("как есть и почему?").

Политологические исследования трансфертного распределения сосредоточены именно на этом позитивном вопросе. Традиция электоральной политической экономии, представленная, в частности, Г. Кокс и М. Маккабинс, анализирует трансферты как инструмент формирования и поддержания электоральных коалиций. Г. Кокс и М. Маккабинс показали, что правительства могут использовать государственные расходы для вознаграждения лояльных групп избирателей ("core voter hypothesis"), тогда как А. Диксит и Дж. Лонд-реган обосновали альтернативную стратегию привлечения голосов неопределившихся избирателей ("swing voter hypothesis") [6; 7]. В российском контексте Р.Ф. Туровский и Ю.О. Гайворонский зафиксировали устойчивую положительную связь между долей голосов за партию власти и объёмом нецелевых трансфертов в регион [16].

Проблема исключительно политологического подхода состоит в риске омиттедной переменной: если не контролировать за объективными бюджетными потребностями регионов (ВРП, уровень зарплат), часть эффекта "электорального фактора" в действительности отражает более простую закономерность – бедные регионы голосуют иначе, чем богатые, и одновременно нуждаются в большей поддержке. Без включения экономических переменных политический эффект оказывается завышен. Именно это смещение устраняет интегральный метод через совместное включение обоих блоков предикторов.

Третья линия исследований – административная – акцентирует роль управленческого потенциала региональных руководителей. Г. Шарафутдинова и Р.Ф. Туровский, А.В. Стародубцев показали, что губернаторский лоббизм, способность региональных администраций выстраивать коалиции в федеральном центре, а также формальный административный ресурс руководителя оказывают значимое влияние на объём привлекаемых трансфертов [4; 19]. Вместе с тем данные исследования, как правило, не включают электоральные предикторы, что не позволяет разграничить "лоббистский" и "электоральный" каналы.

Совокупность изложенных ограничений образует методологическую лакуну, которую призван заполнить интегральный метод: он требует одновременного включения экономических, электоральных и административных предикторов в единую модель, что впервые позволяет оценить их относительный вклад при взаимном контроле.

Интегральный метод анализа межбюджетных трансфертов включает три взаимосвязанных уровня. Их логика строится по принципу "сверху вниз": теоретический уровень задаёт концептуальную рамку, операциональный переводит её в язык измеримых переменных, эмпирический задаёт последовательность статистических процедур.

На теоретическом уровне метод опирается на три концептуальных основания. Первое – концепция многоуровневого управления Г. Маркса и Л. Хуге: она объясняет, почему в многоуровневой системе распределение ресурсов между уровнями неизбежно определяется переговорной силой акторов, а не только нормативными правилами [10]. Второе – теория принципал-агент: она обосновывает, почему федеральный центр (принципал) использует дискреционные трансферты как инструмент управления поведением регионов (агентов) в условиях информационной асимметрии [9; 11]. Третье – электоральная политическая экономия: она предсказывает систематическую связь между трансфертами и электоральными характеристиками регионов [6; 7].

Институционализм рационального выбора, выступающий методологической рамкой для настоящего исследования, связывает все три теоретических основания: рациональные акторы – федеральный центр и регионы – максимизируют свои целевые функции (сохранение власти, привлечение ресурсов) в условиях институциональных ограничений, создаваемых системой бюджетного федерализма, электоральными правилами и механизмами назначения губернаторов.

На операциональном уровне метод предполагает выделение трёх блоков переменных и их совместное включение в регрессионные модели. Блок I – экономические факторы (ВРП на душу населения, средняя заработная плата) – отражает нормативную логику выравнивания. Блок II – федеральные электоральные факторы (доля голосов за "Единую Россию", дамки года федеральных выборов) – отражает электоральную логику. Блок III – региональные административные факторы (рейтинг политической выживаемости губернатора, дамки "варяг"/"местный") – отражает лоббистскую логику.

Обязательным предварительным шагом является диагностика мультиколлинеарности между предикторами внутри и между блоками. Её игнорирование приводит к смещённым оценкам. Переменные с высокой

взаимной корреляцией включаются в альтернативные, а не в одну спецификацию (в данных ВРП и зарплата дают $r = 0,665$).

На эмпирическом уровне метод предписывает строгую последовательность аналитических шагов: (1) описательная статистика с анализом распределений и выбросов; (2) корреляционный анализ (матрица Пирсона) – предварительная проверка гипотез о знаке и силе связей; (3) регрессионный анализ с использованием нескольких спецификаций зависимой переменной: абсолютный объём трансфертов (*transfers_real*), подушевой показатель (*transfers_pc*), доля в общем объёме (*transfers_share*). Наличие трёх спецификаций позволяет проверить устойчивость результатов к способу измерения зависимой переменной и избежать "подгонки" под наиболее удобный результат [2; 9].

Эмпирическая база: источники данных и операционализация

Метод апробирован на несбалансированной панели данных по 84 субъектам Российской Федерации за 2007-2022 гг. (1 326 наблюдений). В качестве зависимых переменных используются три спецификации дискреционных трансфертов, к которым отнесены субсидии бюджетам субъектов РФ и иные дотации (прежде всего дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов) – то есть те виды трансфертов, при распределении которых федеральный центр обладает существенной свободой усмотрения. Выравнивающие дотации ФФПР и субвенции в данную категорию не включаются ввиду их формульного характера [1].

Финансовые данные получены из отчётов Федерального казначейства России об исполнении федерального бюджета. Экономические данные (ВРП, зарплата, население) – из баз данных Росстата. Электоральные данные – из протоколов Центральной избирательной комиссии. Рейтинги политической выживаемости губернаторов – из ежегодных докладов Минченко Консалтинг совместно с Фондом «Петербургская политика». Принадлежность губернатора к «варягам» (1) или к местным элитам (0) кодировалась вручную на основе биографических данных.

Чукотский автономный округ исключён из базовых моделей как аномальное наблюдение: при численности населения менее 50 тыс. чел. регион демонстрирует подушевые трансферты в 15-20 раз выше среднего, что создаёт экстремальное рычажное наблюдение, искажающее регрессионные оценки. Данное решение воспроизводит подход, применённый в предшествующих исследованиях. Республика Крым и г. Севастополь включены с 2015 г., когда впервые стали доступны сопоставимые бюджетные данные.

Результаты и обсуждения

Результаты корреляционного анализа в целом подтверждают предварительные теоретические ожидания. Доля голосов за «Единую Россию» положительно и значимо коррелирует с подушевыми трансфертами ($r = +0,229$, $p < 0,01$) и с абсолютным объёмом ($r = +0,197$, $p < 0,01$). ВРП отрицательно коррелирует с трансфертами ($r = -0,160$, $p < 0,01$), что соответствует логике выравнивания. Принадлежность к «варягам» отрицательно связана с трансфертами ($r = -0,107$, $p < 0,01$). Рейтинг губернатора практически не коррелирует с зависимой переменной ($r = -0,006$).

Ключевым результатом регрессионного анализа является следующее. В модели, включающей только экономические и региональные административные предикторы, переменная «Варяг» значима на 5%-ном уровне с отрицательным знаком ($\beta = -799$, $t = -2,34$): регионы с губернаторами-«варягами» получают в среднем на 799 млн руб. меньше дискреционных трансфертов. При добавлении электорального предиктора в полную модель «Варяг» теряет значимость: его эффект поглощается переменной «Голоса за ЕР», с которой он коррелирует на уровне $r = -0,285$. Интерпретация: «варяги» чаще назначаются в оппозиционные регионы, а именно низкая поддержка ЕР и определяет меньший объём трансфертов – не принадлежность к «варягам» сама по себе.

Переменная «Голоса за ЕР» значима на 1%-ном уровне во всех трёх спецификациях зависимой переменной ($\beta = +0,150$ для подушевых трансфертов; $t = 9,09$; $p < 0,001$). Данный результат устойчив к включению дополнительных контрольных переменных и воспроизводится в обоих подпериодах (2007-2015 и 2016–2022). Рейтинг губернатора в полной спецификации приобретает значимый отрицательный знак ($\beta = -0,72$; $t = -2,06$; $p < 0,05$), что интерпретируется как прокси экономической самодостаточности: губернаторы с высоким рейтингом стабильности руководят, как правило, более развитыми регионами, нуждающимися в меньшей поддержке.

Общий R^2 в диапазоне 0,084-0,160 соответствует нормам для межрегиональных панельных исследований и воспроизводит показатели предшествующих работ Туровского и Гайворонского [16], Стародубцева [4] Значительная необъяснённая вариация, по всей видимости, обусловлена неформальными механизмами

– персональными связями, неформальным лоббированием, – принципиально не поддающимися операционализации в рамках количественного анализа.

Выводы

Интегральный метод анализа межбюджетных трансфертов, разработанный и апробированный в настоящей статье, предлагает воспроизводимую аналитическую рамку для изучения распределения государственных ресурсов в многоуровневых системах управления. Его ключевое преимущество перед монодисциплинарными подходами состоит в способности идентифицировать уникальный вклад каждого типа факторов при контроле за остальными.

Результаты апробации метода на данных по 84 субъектам Российской Федерации за 2007-2022 годы позволяют сформулировать три вывода. Во-первых, федеральный электоральный фактор (доля голосов за «Единую Россию») является устойчивым и экономически значимым предиктором дискреционных трансфертов, что согласуется с логикой *core voter hypothesis*. Во-вторых, региональные административные факторы (рейтинг губернатора, «варяг») теряют самостоятельное объяснительное значение при контроле за электоральными предикторами, хотя «варяг» влияет через свою связь с электоральными результатами региона. В-третьих, экономические факторы значимы, но их стандартизированный эффект уступает электоральному предиктору.

Предложенный метод применим не только к российскому случаю: его логика обобщаема на любую федеративную систему, в которой существует дискреционный компонент трансфертного распределения. Ограничения метода, в первую очередь проблема эндогенности и относительно низкий R^2 , обозначают направления для дальнейших исследований с применением метода инструментальных переменных и природных экспериментов.

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Martinez-Vazquez J., Searle B. Fiscal Equalization: Challenges in the Design of Intergovernmental Transfers. New York: Springer, 2007. 520 p.
3. Shah A. A Practitioner's Guide to Intergovernmental Fiscal Transfers. Washington: World Bank, 2007. 51 p.
4. Стародубцев А.В. Federalism and Regional Policy in Contemporary Russia. New York: Routledge, 2018. 196 p.
5. Шириков А.С. Анатомия бездействия: политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.
6. Cox G.W., McCubbins M.D. Electoral Politics as a Redistributive Game // The Journal of Politics. 1986. Vol. 48. No. 2. P. 370 – 389.
7. Dixit A., Londregan J. The Determinants of Success of Special Interests in Redistributive Politics // The Journal of Politics. 1996. Vol. 58. No. 4. P. 1132 – 1155.
8. Fisher R.C. State and Local Public Finance. 4th ed. New York: Routledge, 2016. 672 p.
9. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. No. 4. P. 305 – 360.
10. Marks G., Hooghe L. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 2. P. 233 – 243.
11. Moe T.M. The New Economics of Organization // American Journal of Political Science. 1984. Vol. 28. No. 4. P. 739 – 777.
12. Oates W.E. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism // International Tax and Public Finance. 2005. Vol. 12. No. 4. P. 349 – 373.
13. Vartapetov K. Fiscal Federalism under Stress // Journal of Comparative Economics. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 547 – 563.
14. Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions // Journal of Law, Economics, and Organization. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 1 – 31.
15. Zhuravskaya E.V. Incentives to Provide Local Public Goods // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. No. 3. P. 337 – 368.
16. Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О. Регионы России как победители и проигравшие // Политические исследования (ПОЛИС). 2017. № 2. С. 103 – 122.

17. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Пандемия COVID-19 как проверка субнациональной государственности в России // *Полития*. 2021. № 2. С. 6 – 28.
18. Шарафутдинова Г., Туровский Р.Ф. Региональное лоббирование и федеральные трансферты в России // *Сравнительная политика и политология*. 2017. № 1. С. 67 – 88.
19. Яковлев А.А. Эволюция взаимоотношений бизнеса и государства в России // *Российский журнал менеджмента*. 2006. Т. 4. № 1. С. 37 – 60.

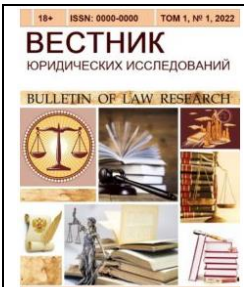
References

1. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on December 25, 2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3823.
2. Martinez-Vazquez J., Searle B. Fiscal Equalization: Challenges in the Design of Intergovernmental Transfers. New York: Springer, 2007. 520 p.
3. Shah A. A Practitioner's Guide to Intergovernmental Fiscal Transfers. Washington: World Bank, 2007. 51 p.
4. Starodubtsev A.V. Federalism and Regional Policy in Contemporary Russia. New York: Routledge, 2018. 196 p.
5. Shirikov A.S. Anatomy of Inaction: Political Institutions and Conflicts in the Budget Process of Russia's Regions. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2010. 276 p.
6. Cox G.W., McCubbins M.D. Electoral Politics as a Redistributive Game. *The Journal of Politics*. 1986. Vol. 48. No. 2. P. 370 – 389.
7. Dixit A., Londregan J. The Determinants of Success of Special Interests in Redistributive Politics. *The Journal of Politics*. 1996. Vol. 58. No. 4. P. 1132 – 1155.
8. Fisher R.C. State and Local Public Finance. 4th ed. New York: Routledge, 2016. 672 p.
9. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*. 1976. Vol. 3. No. 4. P. 305 – 360.
10. Marks G., Hooghe L. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance. *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 2. P. 233 – 243.
11. Moe T.M. The New Economics of Organization. *American Journal of Political Science*. 1984. Vol. 28. No. 4. P. 739 – 777.
12. Oates W.E. Toward a Second-Generation Theory of Fiscal Federalism. *International Tax and Public Finance*. 2005. Vol. 12. No. 4. P. 349 – 373.
13. Vartapetov K. Fiscal Federalism under Stress. *Journal of Comparative Economics*. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 547 – 563.
14. Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions. *Journal of Law, Economics, and Organization*. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 1 – 31.
15. Zhuravskaya E.V. Incentives to Provide Local Public Goods. *Journal of Public Economics*. 2000. Vol. 76. No. 3. P. 337 – 368.
16. Turovsky R.F., Gaivoronsky Yu.O. Regions of Russia as Winners and Losers. *Political Studies (POLIS)*. 2017. No. 2. P. 103 – 122.
17. Turovsky R.F., Sukhova M.S. The COVID-19 Pandemic as a Test of Subnational Statehood in Russia. *Polity*. 2021. No. 2. P. 6 – 28.
18. Sharafutdinova G., Turovsky R.F. Regional Lobbying and Federal Transfers in Russia. *Comparative Politics and Political Science*. 2017. No. 1. P. 67 – 88.
19. Yakovlev A.A. Evolution of Business-Government Relations in Russia. *Russian Journal of Management*. 2006. Vol. 4. No. 1. P. 37 – 60.

Информация об авторе

Шаблинский В.И., аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, vishablinskiy@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

	Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 342.9 DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-76-84
--	---

Правовая регламентация использования искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях

¹ Куликова Я.А.,

¹ Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: в настоящее время технологии искусственного интеллекта за рубежом активно внедряются в публичную сферу, в том числе в производство по делам об административных правонарушениях, в этой связи отечественное правовое регулирование не должно отставать от международной практики. Правовая регламентация данных отношений крайне важна, поскольку интеграция искусственного интеллекта в публичную сферу способна значительно повысить эффективность производства по делам об административных правонарушениях, но, однако в то же время на законодательном уровне должны быть предусмотрены определенные правовые гарантии для недопущения нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также для возможности их защиты, когда они уже были нарушены.

Цель исследования заключается в определении возможности применения положений законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» в качестве правовой основы производства по делам об административных правонарушениях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– исследовать требование раскрытия информации об использовании искусственного интеллекта в решениях и действиях органа публичной власти в производстве по делам об административных правонарушениях;

– изучить право на оспаривание решений и действий органов публичной власти при применении ими технологий искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, производство по делам об административных правонарушениях, публичная власть, цифровизация, алгоритмы

Для цитирования: Куликова Я.А. Правовая регламентация использования искусственного интеллекта в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 76 – 84. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-76-84

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Legal regulation of the use of artificial intelligence in administrative proceedings

¹ Kulikova Ya.A.,

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: artificial intelligence are now being widely adopted abroad in the public sphere, including in administrative offenses proceedings, and domestic regulation should not be left behind by its foreign counterparts. The legal regulation of these relationships is crucial, as the integration of artificial intelligence into this field can significantly increase the efficiency and speed of proceedings in administrative offenses cases. At the same time, certain legal guarantees must be provided at the legislative level to prevent violations of human rights and freedoms, as well as to enable their protection when they have already been violated.

The aim of the study is to determine whether the provisions of the draft law «On the grounds of state regulation in the field of application of artificial intelligence technologies in the Russian Federation» can be applied as a legal basis for proceedings in cases of administrative offenses.

To achieve the goal, the following tasks must be accomplished:

- investigate the requirement of disclosure of information on the use of artificial intelligence in decisions and actions of a public authority in proceedings for administrative offenses;
- examine the right to challenge the decisions and actions of public authorities when they use artificial intelligence technologies in proceedings against administrative offenses.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, proceedings in administrative offense cases, public authority, digitalization, algorithms

For citation: Kulikova Ya.A. Legal regulation of the use of artificial intelligence in administrative proceedings. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 76 – 84. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-76-84

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

17 марта 2026 г. на веб-сайте <https://regulation.gov.ru> был опубликован законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1] (далее – законопроект). Возникновение проекта данного закона представляет собой крайне важный шаг законодателя на пути формирования правового каркаса технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ)

Однако анализ предмета действия данного законопроекта в первой статье уже демонстрирует определенную несогласованность с другими положениями законопроекта.

Так, в п. 3 ст. 1 установлено, что «действие настоящего Федерального закона распространяется на физических и юридических лиц, осуществляющих деятельность в области разработки, применения, внедрения технологий искусственного интеллекта на территории Российской Федерации». То есть из числа адресатов необоснованно исключены органы публичной власти, однако сам законопроект все же свидетельствует о том, что технологии ИИ могут применяться в публичной сфере, в частности в ст. 6 законопроекта, где перечисляются субъекты отношений в сфере искусственного интеллекта, названы в том числе и «органы государственной власти в пределах их полномочий», также в ст. 8 законопроекта закреплена возможность использования в государственных информационных системах моделей ИИ, которые включены в определенный реестр. Следовательно, положения данного законопроекта также ориентированы и на публичную сферу.

Однако стоит обратить внимание на положения п. 4 ст. 1 законопроекта, так как они существенно ограничивают действие рассматриваемого законопроекта, в частности его положения не применяются к отношениям, связанным с охраной правопорядка. Такое решение представляется критичным, поскольку в настоящее время технологии ИИ за рубежом активно используются в правоохранительной деятельности, в том числе и в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В этой связи соответствующее указание подлежит исключению из п. 4 ст. 1 законопроекта, а дальнейшее исследование законопроекта будет рассматриваться как возможная правовая основа для регламентации ИИ в отечественном производстве по делам об административных правонарушениях.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основано на анализе законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», действующих отечественных и зарубежных нормативных актов, посвящённых регулированию технологий ИИ в производстве по делам об административных правонарушениях, зарубежной судебной практике по вопросам раскрытия программного кода технологий ИИ, а также научной отечественной и зарубежной доктрины.

Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы. Посредством методов анализа и синтеза изучалась возможность применения положений законопроекта к производству по делам об административных правонарушениях. На основе структурно-функционального и формально-юридического методов было исследовано правовое регулирование технологий ИИ в публичной сфере, были выявлены существующие недостатки и предложены способы по их устранению. В исследовании активно был задействован компаративистский метод: были проанализированы нормативные акты, регламентирующие отношения по использованию ИИ в зарубежных странах, а также практика их правоприменения, что позволило выявить как достоинства, так и недостатки.

Результаты и обсуждения

В п. 2 ст. 9 исследуемого законопроекта устанавливается обязанность для лица, использующего технологии ИИ с целью принятия автономных решений, затрагивающих права, обязанности, свободы и законные интересы гражданина, уведомлять об этом соответствующего гражданина. В данном случае использование термина «лица» создает правовую неопределённость относительно того, что имеются в виду лишь частноправовые субъекты, а потому нами предлагается исключить упоминание данного термина, чтобы однозначно распространить действие данной нормы и на органы публичной власти, так как органы государственной власти также могут использовать технологии ИИ при принятии автоматизированных решений, в том числе в производстве по делам об административных правонарушениях, что способно влиять на права и свободы граждан.

Помимо прочего, буквальное толкование нормы п. 2 ст. 9 законопроекта свидетельствует о том, что обязанность по уведомлению возникает лишь тогда, когда решения ИИ принимаются автоматически, однако в производстве по делам об административных правонарушениях соответствующие технологии могут применяться в качестве инструментов вспомогательного характера, которые лишь осуществляют содействие в анализе доказательств, сборе информации, подготовке процессуальных документов и т.д. Несмотря на это, технологии ИИ способны оказывать существенное влияние на права и интересы граждан, а потому граждане имеют право знать, что в отношении них при производстве по делам об административных правонарушениях применяются технологии ИИ, в связи с чем предлагается внести соответствующие изменения в данную норму законопроекта.

Примечательно также отметить и опыт зарубежных стран в данном вопросе. К примеру, в п. 1 арт. 50 Регламент ЕС 2024/1689 (AI Act) установлено, что технологии ИИ должны быть разработаны таким образом, чтобы физические лица были проинформированы о том, что они взаимодействуют с системой ИИ за исключением случаев, когда это «очевидно» [2].

В п. 1 арт. 86 данного Регламента устанавливается право лица при наличии определенных условий получить информацию о «роли системы ИИ в процессе принятия решений и основных элементах принятого решения».

Во Франции правовая регламентация технологий ИИ в публичном секторе находит свое отражение в Кодексе взаимоотношений между общественностью и администрацией («Code des relations entre le public et l'administration») (Далее – Кодекс взаимоотношений Франции) [3].

Так, из арт. L311-1 Кодекса взаимоотношений Франции следует, что орган публичной власти, принимающий индивидуальное решение на основе алгоритмической обработки данных, должен уведомить об этом заинтересованное лицо. Такому лицу должны быть также сообщены правила обработки и основные характеристики ее осуществления.

В арт. R311-3-1-2 Кодекса взаимоотношений Франции перечисляются четыре блока информации, который должен предоставить публичный орган власти при поступлении соответствующего запроса от лица:

- степень и метод влияния алгоритмической обработки на процесс принятия решений;
- обрабатываемые данные и их источники;
- параметры обработки;
- операции, выполняемые в процессе обработки данных.

Таким образом, лицо должно знать не только сам факт использования технологий ИИ в отношении него, но и минимальный объем сведений о характеристиках его применения. Однако вопрос определения такого объема весьма дискуссионный, так как здесь важно соблюсти баланс частных и публичных интересов. Дело в том, что использование технологий ИИ должно строиться на принципах прозрачности и проверяемости сведений и в исследуемом законопроекте можно найти нормы опосредованного характера, которые указывают на данные принципы, например, в пп. «в» п. 1 ст. 10 накладывают на разработчика ИИ обязанность «документировать архитектуру, логику функционирования и ограничения применяемых моделей искусственного интеллекта в объеме, необходимом для ее проверки на соответствие нормативному правовому регулированию». Также в п. 4 ст. 9 законопроекта гражданину предоставлено право на досудебное обжалование решений и действий (бездействия) органов публичной власти, которые были приняты или совершены с использованием ИИ.

Стоит признать, что если у лица будет отсутствовать информация о характере используемых технологий ИИ в отношении него, то реализация его права на защиту будет крайне затруднена и применительно в производстве об административных правонарушениях, это будет вступать в противоречие с положениями ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ.

В этой связи некоторые исследователи весьма категорически высказываются за полное раскрытие алгоритмов, которые применяются в технологиях ИИ в публичном секторе. К примеру, В. Hannah пишет, что «автоматизированное управление в публичном секторе усиливает потребность в раскрытии ключевых сведений о том, каким именно образом оно функционирует, а также как такие принимаются решения» [4, с. 1271].

В аналитическом документе организации Public Law Project отмечается, что орган власти должен заблаговременно и четко информировать о наличии ИИ или автоматизации на любом этапе принятия решений. Особо подчеркивается, что раскрытие информации об ИИ должно осуществляться заранее и по инициативе самого государства [5].

В отечественной правовой доктрине также отмечают, что прозрачность в регламентации применения технологий ИИ начинается с момента, когда человек знает о том, что в отношении него применяются алгоритмы [6, с. 9].

П.П. Кабытов и Н.А. Назаров, анализируя прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений, рассматривают также возможность раскрытия программного кода и (или) модели искусственного интеллекта, так как это создает возможность общественного контроля для выявления неисправностей. Однако авторы справедливо отмечают как законодательные, так и политические ограничения, которые делают невозможным полное публичное раскрытие программного кода технологий ИИ, используемых в публичном секторе [7, с. 46].

Дело в том, что программный код технологий ИИ является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ), он также может охраняться как информация, составляющая коммерческую тайну организации-владельца сервиса искусственного интеллекта.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к анализу зарубежной правоприменительной практики, которая не является такой однозначной. К примеру, в Испании в одном деле [8] Верховный суд обязал центральную государственную администрацию Испании, которая функционирует под руководством Правительства Испании, предоставить фонду Cívio программный код приложения BOSCO, которое на основе технологий ИИ определяет, соответствует ли заявитель установленным условиям для признания его в качестве «потребителя в уязвимом положении» для предоставления ему социальной льготы по оплате электроэнергии.

Суд в своем решении опирался на право граждан на доступ к общественной информации, подчеркивая, что такое право имеет особое значение с учетом рисков, связанных с использованием новых технологий при осуществлении государством своих полномочий. В подобных случаях возникает требование прозрачности применяемых информационных технологий и в отдельных ситуациях это может обуславливать раскрытие исходного кода («lo que puede requerir, en ocasiones, el acceso a su código fuente») для того, чтобы произвести проверку на соответствие алгоритмов требованиям права.

Во Франции весьма примечателен судебный прецедент с автоматизированной платформой Parcoursup [9]. Данная платформа применяется в рамках процедуры при поступлении абитуриентов в высшее учебное заведение, а точнее обеспечивает обработку заявок от абитуриентов. Так, Национальный союз студентов Франции обратился с требованием к Университету Вест-Индии предоставить информацию о применяемых алгоритмах, а также соответствующие исходные коды данной технологии. То есть заявители требовали не просто получения общей информации о работе алгоритмов, они также желали ознакомиться с технической

информацией работы данной платформы. Изначально суд первой инстанции вынес решение в пользу истца и указал предоставить запрошенные документы в течение одного месяца под угрозой штрафа в размере 100 евро за каждый день просрочки, однако позже Государственный совет Франции (Conseil d'État) отменил данное решение. В качестве обоснования было отмечено, что в отношении Parcoursup действует специальный правовой режим доступа к информации и такой особый режим отступает от общего порядка доступа к административным документам. Таким образом, французский суд не признал право на общий доступ к программному коду информационной технологии, которая используется в публичной сфере.

Также внутри самих стран наблюдается неоднородная практика. К примеру, ранее в Италии суды высказывались за прозрачность применяемых в государственном секторе алгоритмов, суды указывали, что необходимо иметь полное представление о компьютерной программе и реализация данного права может быть осуществлена только путем раскрытия соответствующего исходного кода («di avere piena contezza anche del programma informatico che può aversi solo con l'acquisizione del relativo linguaggio sorgente») [10].

В другом судебном деле [11] суд Италии отмечает необходимость гарантии прозрачности компьютерного алгоритма, так как это необходимо для проверки результатов роботизированной процедуры («procedimento robotizzato») требованиям, которые установлены законодательством и как следствие возможности обжалования таких решений.

В этой связи суд, когда анализирует автоматизированное административное решение, должен произвести оценку по всем стадиям: от момента написания компьютерного кода и включения в программу соответствующих данных до момента применения такой технологии.

Однако в свежей судебной практике можно обнаружить формирование отрицательной позиции относительно раскрытия исходного кода применяемых автоматизированных информационных систем в публичном секторе.

К примеру, в деле по поводу платформы e-procurement [12] истцу было отказано в предоставлении исходного кода по той причине, что сама платформа была квалифицирована не как система, автоматически принимающая решения, а как система вспомогательного характера, самое же решение в конечном итоге принимал судья. То есть суд провел демаркацию между алгоритмическим административным решением («decisione amministrativa algoritmica») и алгоритмом простой поддержки («lgoritmo di mero supporto»). Суд указал, что режим повышенной прозрачности должен применяться лишь в первом случае («decisione amministrativa algoritmica»), добавив также то, что программный код информационной технологии подпадает под защиту прав интеллектуальной собственности.

В то же время есть прецеденты, когда заявители добивались не полного раскрытия кода, а раскрытия архитектуры и логики функционирования технологий ИИ, например, как это было в США в деле *State v. Loomis* [13].

Так, в США во многих штатах, в том числе и в штате Висконсин, где и произошел судебный спор, используется такая технология ИИ, как «Исправительное управление правонарушителем, профилированное для альтернативных санкций» (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – COMPAS) от компании Equivant. Данная технология на основе встроенного в нее вопросника изучает криминальную историю обвиняемого, как им соблюдались условия испытательного срока, личность обвиняемого, отношения, связанные с работой, другие прочие условия и в результате выдает заключение о склонности лица к рецидиву и, как следствие, это влияет на решение суда о виде и размере наказания.

Данную программу не раз упрекали в дискриминации, так как у цветных людей уровень рецидива всегда был повышен и, скорее всего, это объясняется тем, что технология обучалась на предыдущих прецедентах судебной системы США, в период, когда дискриминационные практики имели широкое распространение.

В этой связи в Верховный суд Висконсина поступил иск с требованием раскрыть логику алгоритма принятия решения. Верховный суд отметил, что конфиденциальный характер технологии COMPAS мешает оспаривать произведенную оценку, однако подчеркнул, что данная технология не принимает решения, именно судья анализирует всю информацию по делу и может всегда отклониться от заключения, выданного ИИ, или же согласиться с ним, а потому заявитель может добиваться защиты своих прав путем оспаривания именно решения суда.

Анализ научной доктрины, а также зарубежной практики правоприменения позволяет нам прийти к выводу, что требовать полного публичного раскрытия программного кода используемой технологии ИИ будет неправильно, так как такое раскрытие нарушает права интеллектуальной собственности, коммерческую тайну и создает угрозу безопасности, поскольку лица могут начать искать уязвимые места системы с целью ее обхода и обмана. В то же время нельзя просто ограничиться фактом доведения до лица информации, что технология ИИ в рамках принятия государственного решения была применена в отношении него, так как

это будет являться лишь фиктивным соблюдением принципа прозрачности, следовательно, нами предлагается документировать каждый случай применения ИИ в государственном секторе с отображением определенной информации.

То есть рекомендуется закрепить, чтобы каждый раз, когда должностное лицо принимает свое решение на основе технологий ИИ, оно должно составить соответствующий протокол и отобразить в нем информацию, характеризующую архитектуру, логику технологии, механизм формирования результата.

Так, можно закрепить, что протокол должен обязательно включать в себя следующую информацию:

- цель применения технологий ИИ;
- дата и время применения ИИ;
- основания использования ИИ;
- должностное лицо, применившее такую технологию или ответственное за ее применение;
- модель ИИ;
- какие данные были обработаны;
- какой результат был получен в силу обработки ИИ;
- как этот результат был проверен должностным лицом, то есть что им было сделано, чтобы убедиться в корректности вывода технологии ИИ;
- обоснованный вывод должностного лица о согласии или несогласии с результатом ИИ.

Необходимость фиксации каждого случая применения технологий ИИ в рамках производства по делам об административных правонарушениях обусловлена положениями ст. 24.1 КоАП РФ, где задачами производства названы: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела.

В случае если бы должностное лицо использовало технологии ИИ, однако процессуально не оформляло их, то получилось бы, что существует информация, которая в значительной степени влияет на убеждения правоприменителя, однако она остается вне процессуальной формы, а потому не может быть проверена на предмет относимости, допустимости и достоверности.

Тогда как ст. 25.11 КоАП РФ закрепляет, что оценка доказательств происходит на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Помимо прочего положения ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ предоставляют лицу, в отношении которого ведется производство, право ознакомиться с материалами дела. Следовательно, такое лицо должно иметь возможность ознакомиться со сведениями об использовании в отношении него в рамках производства по делам об административных правонарушениях технологий ИИ, чтобы иметь возможность полноценным образом реализовать свое право на защиту.

Так, если органы публичной власти используют технологии ИИ в своих решениях, то лицо должно иметь право на юрисдикционные способы защиты своих прав. В этой связи стоит обратить внимание на положения п. 4 ст. 9 исследуемого законопроекта, которые предоставляют гражданину право на досудебное обжалование решений, действий органов публичной власти, которые были приняты или совершены с использованием технологий ИИ.

Во-первых, непонятно, почему только «граждане», почему юридические лица не обладают правом на досудебную защиту, ведь по правилам ч. 1 ст. 218 КАС РФ такое право в равной степени есть и у них.

Во-вторых, само стремление законодателя защитить права посредством установления специальной гарантии является верным решением, однако почему защита прав в данном случае не включает в себя обращение в суд? Дело в том, что на практике технологии ИИ могут быть применены также судьями, а потому здесь указывать только на внесудебных способах защиты прав.

Так, в ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ устанавливается, что постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное судьей, может быть обжаловано в вышестоящий суд. Иными словами, действующее отечественное регулирование исходит из сочетания досудебных и судебных способов защиты нарушенных прав и конкретный способ защиты определяется тем, какой именно субъект допустил нарушение прав.

Таким образом, положения ч. 4 ст. 9 исследуемого законопроекта нуждаются в корректировке и один из вариантов исправления существующего недостатка заключается в том, чтобы исключить слово «досудебный» в данной норме.

Не менее важным является определение самого содержания права на обжалование, а точнее установление тех оснований, в силу которых лицо вправе оспаривать решения или действия органа публичной власти в связи с использованием ИИ.

Так, одним из оснований должна выступать незаконность применения ИИ. Ранее уже было предложено, что для применения ИИ в протоколе необходимо указывать основание, цель, должностное лицо и т.д. Следовательно, применение ИИ без оснований или с некорректным основанием, без цели, без правомочия должностного лица применять такую технологию приведет к признанию применения технологий ИИ незаконным.

Другим основанием может послужить нарушение порядка применения технологий ИИ. То есть речь идет про нарушение правил по составлению протокола о применении технологий ИИ, нарушение требований об уведомлении лица.

Третьим основанием могут выступать выводы, сделанные ИИ, а точнее их недостоверность или же непроверяемость. Например, речь идет о некорректной работе программного кода, ввиду наличия сбоев или ошибок, неправильной обработки исходных данных, отсутствие прозрачной логики работы данной технологии, а потому непонятно на основании чего получается то или иное решение, невозможно достоверно проверить результат. Так, если лицо не согласно с результатами, которые получены с использованием ИИ, то оно может заявить ходатайство о проведении соответствующей экспертизы в рамках правил ст. 26.4 КоАП РФ. Следовательно, не заявителю будет предоставлен программный код, а эксперту для получения ответов на поставленные перед ним вопросы: корректность работы ИИ, корректность обработки данных, наличие ошибок и т.д. Такое положение видится нам наиболее оптимальным, так как сохраняется коммерческая тайна и в то же время есть возможность защиты прав лица, в отношении которого ведется производство по делам об административных правонарушениях.

Последнее основание – это отсутствие надлежащей проверки результатов ИИ или же их неправильная оценка должностным лицом. То есть должностное лицо всегда должно проводить проверку результатов ИИ, а не относиться к таким выводам как к аксиоме. Также должностное лицо может неверно интерпретировать результат, выданный ИИ, а потому это также должно являться основанием для обжалования. То есть недопустимо, чтобы должностное лицо подменяло собственную оценку выводами, сделанными технологиями ИИ, так как это явно будет противоречить правилам оценки доказательств по смыслу ст. 26.11 КоАП РФ, где закрепляется «оценка доказательств по своему внутреннему убеждению».

Выводы

Таким образом, по итогу проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Законопроект Министерства цифровизации РФ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» может послужить правовой основой для внедрения технологий ИИ в производство по делам об административных правонарушениях, однако для этого потребуются внести корректировки. В п. 3 ст. 1 законопроекта необходимо в число лиц включить публично-правовые образования. Из п. 4 ст. 1 законопроекта необходимо исключить упоминание «охрану правопорядка».

В п. 2 ст. 9 исследуемого законопроекта отражена обязанность по уведомлению лица, когда в отношении него применяется технология ИИ, затрагивающая его права и свободы. То есть уведомление должно происходить даже тогда, когда решение не является автоматическим, а ИИ лишь оказывает содействие. Более того, недопустимо ограничиваться лишь обычным фактом уведомления, каждый случай применения технологий ИИ органом публичной власти должен документироваться путем составления протокола и предоставлять лицу для ознакомления. В исследовании был предложен минимальный набор информации, который необходимо отражать в протоколе.

В п. 4 ст. 9 законопроекта предлагается закрепить как судебное, так и досудебное оспаривание решения органа публичной власти, основанного на ИИ. В качестве оснований для оспаривания могут выступать: незаконность применения ИИ, нарушение порядка применения технологий ИИ, неправильные выводы, сделанные ИИ, отсутствие надлежащей проверки результатов ИИ или их неправильная оценка должностным лицом.

Список источников

1. Законопроект Министерства цифровизации РФ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 11.03.2026)

2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-PL/TXT/?from=PL&uri=CELEXA32024R1689> (дата обращения: 11.03.2026)

3. Code des relations entre le public et l'administration [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350/2026-04-11 (дата обращения: 11.03.2026)
4. Bloch-Wehba H. Access to Algorithms // Fordham Law Review. 2020. Vol. 88. P. 1265 – 1314.
5. Public Law Project response to the AI White Paper consultation [Электронный ресурс]. URL: <https://publiclawproject.org.uk/content/uploads/2023/06/Public-Law-Project-AI-white-paper-consultation-response.pdf> (дата обращения: 20.03.2026)
6. Эльвира Т.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 4 – 27.
7. Кабытов П.П., Назаров Н.А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 28 – 55.
8. Tribunal Supremo (Sala de lo Contencioso-Administrativo, Sección Tercera). Sentencia núm. 1119/2025, de 11 de septiembre de 2025, STS 3826/2025 – ECLI:ES:TS:2025:3826 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/> (дата обращения: 17.03.2026)
9. Conseil d'État. Décision n° 427916 du 12 juin 2019, ECLI:FR:CECHR:2019:427916.20190612 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2019-06-12/427916> (дата обращения: 16.03.2026)
10. TAR Lazio (Sezione Terza Bis). Sentenza 22 marzo 2017, № 3769 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studiolegalestefanelli.it/Media/Sentenze/tar-lazio-2017-3769.pdf> (дата обращения: 11.03.2026)
11. Consiglio di Stato (Sezione Sesta). Sentenza 8 aprile 2019, № 2270, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medialaws.eu/wp-content/uploads/2019/11/Consiglio-di-Stato-sez.-VI-8-aprile-2019-n.-2270.pdf> (дата обращения: 23.03.2026)
12. Consiglio di Stato (Sezione Quarta). Sentenza 4 giugno 2025, № 4857 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studiolegalemescia.com/wp-content/uploads/2025/06/Consiglio-di-Stato-Sezione-Quarta-Sentenza-4-giugno-2025-n.-4857.pdf> (дата обращения: 08.03.2026)
13. State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing [Электронный ресурс]. URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/> (дата обращения: 11.03.2026)

References

1. Bill of the Ministry of Digitalization of the Russian Federation "On the Fundamentals of State Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (date of access: 11.03.2026)
2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-PL/TXT/?from=PL&uri=CELEXA32024R1689> (date of access: 11.03.2026)
3. Code des relations entre le public et l'administration [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350/2026-04-11 (date of access: 11.03.2026)
4. Bloch-Wehba H. Access to Algorithms. Fordham Law Review. 2020. Vol. 88. P. 1265 – 1314.
5. Public Law Project response to the AI White Paper consultation [Electronic resource]. URL: <https://publiclawproject.org.uk/content/uploads/2023/06/Public-Law-Project-AI-white-paper-consultation-response.pdf> (date of access: 20.03.2026)
6. Elvira T.V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. P. 4 – 27.
7. Kabitov P.P., Nazarov N.A. Transparency of Public Administration in the Context of Automated Decision-Making. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. P. 28 – 55.
8. Supreme Court (Content-Administrative Court, Tercera Section). Sentence núm. 1119/2025, dated September 11, 2025, STS 3826/2025 – ECLI:ES:TS:2025:3826 [Electronic resource]. URL: <https://www.poderjudicial.es/search/openDocument/> (date of access: 17.03.2026)
9. Conseil d'État. Decision no. 427916 of 12 June 2019, ECLI:FR:CECHR:2019:427916.20190612 [Electronic resource]. URL: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2019-06-12/427916> (date of access: 16.03.2026)
10. TAR Lazio (Sezione Terza Bis). Sentenza 22 March 2017, No. 3769 [Electronic resource]. URL: <https://www.studiolegalestefanelli.it/Media/Sentenze/tar-lazio-2017-3769.pdf> (date of access: 11.03.2026)

11. Consiglio di Stato (Sezione Sesta). Sentenza 8 April 2019, No. 2270, [Electronic resource]. URL: <https://www.medialaws.eu/wp-content/uploads/2019/11/Consiglio-di-Stato-sez.-VI-8-aprile-2019-n.-2270.pdf> (date of access: 23.03.2026)

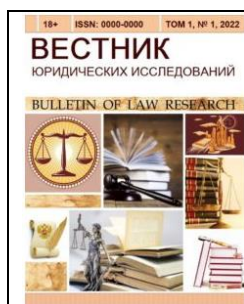
12. Consiglio di Stato (Sezione Quarta). Sentenza 4 giugno 2025, No. 4857 [Electronic resource]. URL: <https://www.studiolegalemescia.com/wp-content/uploads/2025/06/Consiglio-di-Stato-Sezione-Quarta-Sentenza-4-giugno-2025-n.-4857.pdf> (date of access: 08.03.2026)

13. State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing [Electronic resource]. URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/> (date of access: 11.03.2026)

Информация об авторе

Куликова Я.А., аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

© Куликова Я.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.821

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-85-91

Правовые основы и организационные подходы в сфере совершенствования государственной безопасности РСФСР и СССР посредством усиления паспортного режима в период с 1917 по 1940 год (историко-правовой аспект)

¹ Кобец П.Н., ² Кириченко Ю.Н.,

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,

² Московский государственный университет спорта и туризма

Аннотация: целесообразность проведения изучения обозначенных вопросов определяется предпринимаемыми в настоящее время из-за рубежа попытками искажения прошлых успехов и достижений нашей страны и сведения к минимуму ее значимости на международной арене. Именно по этой причине целью данной работы стал анализ развития законодательных основ и раскрытие особенностей организационных подходов органов исполнительной власти, направленных на усиление паспортного режима в стране. В результате в соответствии с изучением архивных и иных исторических материалов, авторским коллективом обосновывается важность развития паспортного режима для совершенствования государственной безопасности страны в рассматриваемый исторический период. Элементом научной новизны проведенного исследования можно считать авторский вывод относительно того, что рассмотренный временной отрезок был важнейшим из исторических этапов развития законодательных основ и организационных подходов в формировании паспортной системы СССР. В том числе данная деятельность весьма положительно сказалась на развитии государственной безопасности страны.

Ключевые слова: паспортизация населения, миграционная политика, совершенствование законодательства, государственное реформирование, законодательные основы, советский строй, паспортный контроль

Для цитирования: Кобец П.Н., Кириченко Ю.Н. Правовые основы и организационные подходы в сфере совершенствования государственной безопасности РСФСР и СССР посредством усиления паспортного режима в период с 1917 по 1940 год (историко-правовой аспект) // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 85 – 91. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-85-91

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Legal foundations and organizational approaches in the sphere of improving the state security of the RSFSR and the USSR by strengthening the passport regime in the period from 1917 to 1940 (historical and legal aspect)

¹ Kobets P.N., ² Kirichenko Yu.N.,

¹ National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,

² Moscow State University of Sports and Tourism

Abstract: the advisability of studying the identified issues is determined by current attempts from abroad to distort the past successes and achievements of our country, and to minimize its significance in the international arena. It is for this reason that the purpose of this work was to analyze the development of legislative frameworks and re-

veal the features of the organizational approaches of executive authorities aimed at strengthening the passport regime in the country. As a result, in accordance with the study of archival and other historical materials, the authors substantiate the importance of developing the passport regime for ensuring the country's national security in the historical period under consideration. An element of the scientific novelty of the conducted study can be considered the author's conclusion that the time period under consideration was the most important of the historical stages in the development of the legislative framework and organizational approaches in the formation of the passport system of the USSR. In particular, this activity had a very positive impact on the development of national security of the country.

Keywords: population passportization; migration policy; improvement of legislation; state reform; legislative framework; Soviet system; passport control

For citation: Kobets P.N., Kirichenko Yu.N. Legal foundations and organizational approaches in the sphere of improving state security of the RSFSR and the USSR by strengthening the passport regime in the period from 1917 to 1940 (historical and legal aspect). Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 85 – 91. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-85-91

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 13, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Богатая правоохранительная практика Советского Союза в сфере совершенствования государственной безопасности посредством развития и усиления паспортного режима в стране представляет не только большой практический интерес, но и вызывает у современных исследователей потребность в детальной научной проработке обозначенных вопросов. Отечественный положительный опыт, складывающийся в СССР в рассматриваемой сфере, как показывает практика был накоплен во времена непростых для государства периодов его развития, именно когда стране было чрезвычайно важно мобилизовать все необходимые ресурсы для построения новой государственности, а также по большей части во время военных лишений и трудностей, и послевоенного восстановления страны. Именно по этой причине авторским коллективом была предпринята попытка анализ развития законодательных основ и раскрытие особенностей организационных подходов органов исполнительной власти направленных на усиление паспортного режима в РСФСР и СССР. В представленной научной работе авторским коллективом были обсуждены и рассмотрены основы правового регулирования и базовые предпосылки развития организационных подходов по становлению паспортного режима с момента возникновения Советской России и до начала 1941 г.

Материалы и методы исследований

В процессе настоящего исследования применялись методы познания, в том числе поиск, логический анализ, а также сбор статистических данных, системный подход, систематизация и обработка информационных данных. Для изучения обозначенных проблемных вопросов был проведен анализ ряда законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в сфере регулирования паспортного режима, а также устанавливающих основы единой государственной паспортной системы страны. В том числе часть сведений и иных информационных данных авторским коллективом была получена и взята из научных публикаций. Ими были проанализированы исследования отечественных ученых по рассматриваемым вопросам, выступившие в качестве теоретической основы данной научной работы. В том числе были использованы материалы 1930-1940-х гг., характеризующие и отражающие процессы и результаты введения паспортизации в стране.

Результаты и обсуждения

Возникновение новой государственности послужило отправным моментом в построении советской паспортной системы. Октябрьская революция 1917 г. признала недействительной прежде существовавшую в Российской империи регистрационную систему, при этом упразднив все ранее имевшиеся ограничения по передвижению населения, которые были связаны с национальностью граждан, их родом занятий, а также имущественным цензом. В некотором роде происходящие события стали свидетельством реализации революционных программных документов, предусматривающих ликвидацию всех ограничений для угнетенных российских народных масс. Кроме того, в рассматриваемый период молодым советским

правительством предпринимались все необходимые усилия для отмены всевозможных ограничений, относящихся к передвижению населения. В результате уже «11 ноября 1917 г. был принят Декрет Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [1].

Октябрьские события 1917 г. стали источником многочисленных перемен не только в целом для российской государственно-правовой системы, но в том числе и для паспортной системы. Происходящие изменения незамедлительно привели к перемещению огромного количества людей, с которым прежде существовавшая паспортная система не имела возможности эффективно справляться, так как в действительности она переставала работать. В данной ситуации высшим коллегиальным органом исполнительной и распорядительной власти нового Советского государства – Советом Народных Комиссаров (далее – СНК) «11 ноября 1917 г. подписывается Декрет Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [2]. Именно таким законодательным решением произошла фиксация единого для населения всей страны гражданства, а также были созданы предпосылки для организации и дальнейшего развития нового государственного механизма, связанного с регистрацией граждан.

В сложившихся условиях перед руководством Советской республики также возникает необходимость организовать всеобщую трудовую повинность, а для этого следовало закрепить население по месту жительства, введя необходимые меры по контролю за его передвижением. При таких обстоятельствах «5 октября 1918 г. СНК РСФСР принимает Декрет О трудовых книжках для нетрудящихся, в статье первой которого говорится о введении трудовых книжек взамен прежних удостоверений личности, паспортов и прочего» [3 с. 159]. Тем не менее предпринимаемых мероприятий и усилий было недостаточно для успешной реализации всех намеченных задач, именно по этим причинам в 1919 г. «был принят Декрет ВЦИК РСФСР, в соответствии с которым было регламентировано внедрение трудовых книжек в г. Москве и Петрограде, вместо документов, удостоверяющих личность, вводились трудовые книжки» [4].

Право получения данных документов было закреплено именно за трудящимися гражданами не младше 16-ти лет. Данные документы свидетельствовали о том, что их владельцы вовлечены в трудовые процессы. В том числе введение данных документов в существенной мере упрощало процессы контролирования выполнения трудовых обязанностей и внутренних миграционных процессов населения. По ним также предоставлялось и полагаемое различным категориям граждан социальное обеспечение. Также подобный подход позволил сформировать новые учеты населения в различной местности и провести унификацию документов, удостоверяющих личность.

Несмотря на положительный эффект при введении трудовых книжек, необходимо отметить, что они вводились не повсеместно, а только в ряде губерний, что, в свою очередь, не могло не сказываться на усложнении контроля по передвижению населения. Также нельзя не сказать и о том, что в первые годы после прекращения существования Российской империи продолжалось действие старых документов, что, в свою очередь, обуславливало необходимость ввести единый документ, удостоверяющий личность. Поэтому возникает необходимость единого документирования граждан молодого Советского государства, в результате чего разрабатывается и «1 ноября 1920 г. вступает в силу Инструкция о порядке выдачи паспортов и временных свидетельств, данный правовой акт возрождает государственную регистрационную систему» [5 с. 755].

В паспортах, выдаваемых с 1920 г., в отличие от тех, которые являлись документом, удостоверяющим личность в Российской империи, были сведения, указывающие на служебное, общественное и семейное положение их владельцев. А на основании ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. лица, лишённые избирательных прав, должны были иметь в своих паспортах отметку, подтверждающую данный факт. При этом важно отметить, что поскольку на тот момент молодая Советская республика испытывала серьезные экономические и политические сложности, она не могла себе позволить введение данного документа для всего населения страны, поэтому получение паспорта не являлось обязательным условием для граждан, и он выдавался только тем лицам, которые желали им обладать.

Дальнейшее эффективное развитие страны было невозможно без реформирования паспортной системы, перед которой ставилась задача оказывать содействие при перемещении граждан и в то же время его контролировать. Вскоре принятый в январе 1922 г. «Декрет ВЦИК РСФСР № 106 предписал предоставлять населению право на беспрепятственное передвижение по всей территории страны, что потребовало введения документа единого образца» [6]. Поэтому «декабрьский Декрет СНК РСФСР 1922 г. устанавливал обязанность для всех ведомств разработать единую форму постоянных личных удостоверений» [7 с. 116]. Именно в силу данных причин «июньский Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1923 г. аннулировал ранее действовавшие удостоверения личности» [8 с. 441]. Важно отметить, что «4 мая 1923 г. НКВД РСФСР было утверждено положение "Об адресных бюро и адресных столах в РСФСР"» [9 с. 39]. В данном

ведомственном нормативно-правовом акте отмечалось, что созданные подразделения были организованы при городских управлениях милиции в целях проведения работы, связанной с регистрацией и учетом граждан. 31 августа 1923 г. «было утверждено положение об организации работы по учету и контролю пребывания советских и иностранных граждан отделами милиции ЦАУ НКВД РСФСР» [10 с. 12].

Уже с начала 1924 г. начали действовать новые документы, удостоверяющие личность, сроки действия которых не превышали три года. Получение данного удостоверения не являлось обязанностью, а было правом граждан, а его отсутствие не могло повлечь серьезные правовые последствия. Прибывшие в страну из-за рубежа лица получали удостоверения при наличии паспорта, который им был выдан полномочным представителем РСФСР в соответствующем иностранном государстве. Данный законодательный акт юридически закрепил объявленный еще в первые дни возникновения нового Советского государства курс, связанный с отказом от характерных для существовавших в Российской империи многочисленных стеснений по передвижению граждан.

Развивая и дополняя данный законодательный акт, «28 апреля 1925 г. СНК РСФСР принимает Декрет О прописке граждан в городских поселениях, который ввел государственную систему по учету и перемещению людей в простонародье называемую пропиской, он послужил началом организационных мер, относящихся к учету городского населения» [11]. В этой связи каждым без исключения лицом, прибывающим в города на более трехдневный срок, следовало доводить данную информацию персоналу домоуправлений, гостиниц и иных организаций, в которых останавливались граждане. Для проведения процедуры прописки граждане обязаны были предъявлять какой-то один из своих документов, удостоверяющих их личность. В этом же году, 5 июня 1925 г., принимается «Положение о въезде в СССР и о выезде из СССР» [12] – первый законодательный акт Советского Союза, регламентировавший въезд и выезд из страны в масштабах Советского Союза. Однако такой подход никоим образом не мог предоставить государственным органам Советского Союза реальную картину по учету населения страны, который был чрезвычайно важен при плановом развитии всего народно-хозяйственного комплекса, поскольку регулирование динамики по перемещению населения государства возможно было осуществлять на основе оперативных и достоверных учетов.

Уже в начале 1930-х гг. чрезвычайно важно было разрешить вопрос по контролю и координации перемещения населения из одного региона страны в другой. И, конечно же, было не менее важно применить более результативные и единообразные способы документации миграционных процессов в стране. И власти приступили к решению задачи по оптимизации паспортного контроля и улучшения его результативности подписав в конце 1932 г. Постановление "Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов" [13]. Таким образом, за весьма короткий временной промежуток законодатели смогли подготовить необходимый нормативно-правовой фундамент, позволивший в кратчайшие сроки организовать эффективную работу всесоюзной паспортной системы. Данный правовой акт послужил основой введения в Советском Союзе единой системы учета паспортов, паспортной регистрации и идентификации личности. Примечательным фактом также является и то, что вводимая в СССР паспортная служба коренным образом отличалась от всех имевшихся на тот момент зарубежных [14, с. 81]. Первые паспорта работниками милиции стали выдаваться в конце января 1933 г. жителям г. Москвы и г. Ленинграда, а в февраль 1933 г. – жителям г. Харькова. Как следовало из Инструкции 1933 г., принятой в целях реализации положений паспортной системы, законодателями был определен весьма немалый и обширный перечень нарушений в рассматриваемой сфере, которые предусматривали различные виды административных наказаний.

В начале 1930-х гг. в том числе претерпели изменения правила, которые касались паспортизации иностранцев. Данную работу поручили «иностранным отделам и столам местных исполкомов, которыми согласовывалась выдача вида на жительство» [15, с. 75]. В конце 1930-х гг. стала серьезно осложняться международная обстановка в Европе, и в связи с этим Советский Союз серьезно волновали проблемы выстраивания взаимоотношений с появляющимся на европейском континенте рядом фашистских государств. В сложившейся ситуации важнейшее значение стало отводиться укреплению отечественной паспортной системы, а также режиму ее соблюдения. Становилось очевидно, что ряд правовых норм, связанных с паспортизацией, из-за изменяющихся внутренних и внешних условий необходимо уточнять и дополнять. 26 февраля 1940 г. ГУ РКМ НКВД СССР преобразовали в Главное управление милиции (далее – ГУМ) НКВД СССР. Именно в силу этих причин 10 сентября 1940 г. принимается Постановление СНК СССР № 1667, утверждающее Положение о паспортах. И с этого момента «единственным документом, которым удостоверялась личность в СССР, стал паспорт, изготавливающийся по единому образцу для всех граждан Советского Союза» [16, с. 11]. Важно отметить, что с этого момента были установлены паспорта трех видов:

«бессрочный, пятилетний и временное удостоверение до трех месяцев. Кроме того, именно с этого момента получение паспортов превратилось в почетную обязанность для большей части советских граждан, которые достигли шестнадцати лет. Вместе с тем необходимо отметить, что в том числе принятым нормативно-правовым актом также вводился перечень категорий граждан, не обладавших правом получения рассматриваемого документа. К ним были отнесены: военнотружущие, которые получали документы, удостоверяющие личность, от командования частей, в которых они проходили службу; лица, не достигшие возраста шестнадцати лет, информационные данные о которых фиксировались в документах их родителей; умалишенные граждане; представители колхозов и единоличных хозяйств, которые трудились на временных работах.

Выводы

Таким образом, необходимость усиления государственного контроля во всех сферах жизнедеятельности страны на этапе 1920-1930-х гг. обусловила стремление властных государственных структур к обеспечению надлежащего государственного надзора за миграционными потоками и иным перемещением граждан внутри страны. Обозначенные выше процессы стали причиной и в дальнейшем обусловили возрождение функционирования ранее эффективно функционирующих механизмов по организации и ведению паспортного контроля в стране. В результате хорошо организованных руководством страны законодательных и организованных процессов были созданы все необходимые условия для того, чтобы работа паспортных аппаратов ГУ РКМ НКВД СССР была эффективной. В период выполнения поставленных задач руководством страны и осуществления своего функционала работниками паспортной службы ГУ РКМ НКВД СССР осуществлялся детальный и исчерпывающий учет жителей городского населения, а также граждан, проживающих в других населенных пунктах, районах и территориях огромной советской страны, где население имело паспорта. В середине 1930-х гг. в пределах территории всего Советского Союза был не только хорошо отлажен, но в том числе великолепно структурирован и систематизирован контроль и учет всех миграционных процессов в стране и перемещения населения из одной территории либо местности в другую. Подобный государственный организационный подход по совершенствованию функционирования паспортной системы способствовал повышению эффективности и совершенствованию оптимизации качества работы, связанной с учетом всех имевшихся в стране трудовых ресурсов. В том числе обозначенные позитивные процессы имели огромный положительный эффект и привели к положительным результатам в совершенствовании плановой организации и контроля экономической системы. Также хорошо отлаженная работа паспортного аппарата НКВД СССР способствовала усилению контроля в сфере охраны правопорядка, повышая результативность работы всей правоохранительной системы страны и ее государственной безопасности.

Список источников

1. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.11.1917 "Об уничтожении сословий и гражданских чинов". СПС «КонсультантПлюс».
2. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.11.1917 "Об уничтожении сословий и гражданских чинов". СПС «КонсультантПлюс».
3. Семенов Е.А. Правовые основы становления паспортной системы советской милиции // Молодежь и XXI век – 2016: Материалы VI Международной молодежной научной конференции: в 4-х т. Курск, 25-26 февраля 2016 года. Т. 2. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2016. С. 157 – 161.
4. Безик Д.О., Устинов В.Д. Историко-правовые предпосылки паспортизации населения в СССР // Актуальные вопросы развития современного общества: сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Курск, 22 апреля 2016 года. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2016. С. 37 – 40.
5. Прокофьева Т.М. Правовые основы становления паспортной системы в России // Актуальные вопросы публичного права: Сборник трудов конференции XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 31 октября – 01 ноября 2019 года. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2019. С. 752 – 756.
6. Декрет ВЦИК от 24.01.1922 № 106 "О предоставлении всем гражданам права беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР". СПС «КонсультантПлюс».

7. Фатихов Д.Р. История правового регулирования Российской паспортной системы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 114 – 122.
8. Родкина К.Д. Паспортная система России: основные этапы формирования // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник тезисов выступлений участников международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 13 декабря 2018 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 437 – 441.
9. Карлос А.Б.К. Становление паспортной службы советской милиции // Будущее науки-2016: Сборник научных статей 4-й Международной молодежной научной конференции: в 4-х т. Курск, 14-15 апреля 2016 года. Т. 2. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2016. С. 202 – 206.
10. Паспортной службе 65 лет. М.: Изд. ПУ ГУВД г. Москвы, 1997. 12 с.
11. Декрет СНК РСФСР от 28.04.1925 "О прописке граждан в городских поселениях". СПС. «КонсультантПлюс».
12. Постановление Президиума ЦИК от 05.06.1925 г. // СЗ и Р РКП СССР. 1925. № 37. Ст. 276.
13. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.12.1932 № 1917 "Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов". СПС. «КонсультантПлюс».
14. Кобец П.Н. Становление и совершенствовании законодательных основ паспортной системы СССР в период 1930-х гг // От СССР к Российской Федерации: история, события, факты (к 100-летию образования СССР): Материалы всероссийской научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 08 декабря 2022 года / Сост. А.Л. Бредихин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 76 – 84.
15. Кузьминых А.Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934-1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71 – 78.
16. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 3 – 13.

References

1. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of November 10, 1917, "On the Abolition of Estates and Civil Ranks." SPS "ConsultantPlus".
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of November 10, 1917, "On the Abolition of Estates and Civil Ranks." SPS "ConsultantPlus".
3. Semenov E.A. Legal Foundations for the Development of the Passport System of the Soviet Militia. Youth and the 21st Century – 2016: Proceedings of the VI International Youth Scientific Conference: in 4 volumes. Kursk, February 25-26, 2016. Vol. 2. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2016. P. 157 – 161.
4. Bezik D.O., Ustinov V.D. Historical and legal prerequisites for the issuance of passports to the population in the USSR. Current issues in the development of modern societies: a collection of scientific articles from the VI International scientific and practical conference, Kursk, April 22, 2016. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2016. P. 37 – 40.
5. Prokofieva T.M. Legal foundations for the formation of the passport system in Russia. Current issues in public law: a collection of conference papers of the XVIII All-Russian scientific conference of young scientists and students, Yekaterinburg, October 31 – 01 November 2019. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2019. P. 752 – 756.
6. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of January 24, 1922 No. 106 "On granting all citizens the right to free movement throughout the territory of the RSFSR". SPS "ConsultantPlus".
7. Fatikhov D.R. History of Legal Regulation of the Russian Passport System. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2013. No. 3 (25). P. 114 – 122.
8. Rodkina K.D. The Passport System of Russia: Main Stages of Formation. Security of the Individual, Society, and State: Theoretical and Legal Aspects: Collection of Abstracts of Presentations by Participants of the International Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, December 13, 2018. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 437 – 441.
9. Carlos A.B.K. Formation of the Passport Service of the Soviet Militia. The Future of Science 2016: Collection of Scientific Articles of the 4th International Youth Scientific Conference: in 4 volumes. Kursk, April 14–15, 2016. Vol. 2. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2016. P. 202 – 206.
10. The Passport Service is 65 years old. Moscow: Publishing House of the Main Directorate of Internal Affairs of Moscow, 1997. 12 p.

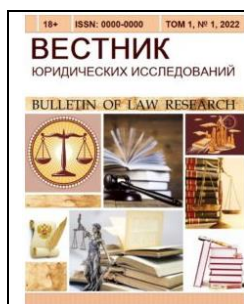
11. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 28, 1925 "On the Registration of Citizens in Urban Settlements". Union of Right Forces. ConsultantPlus.
12. Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of June 5, 1925. Collected Legislation and Regulations of the RCP USSR. 1925. No. 37. Art. 276.
13. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of 27.12.1932 No. 1917 "On the Establishment of a Unified Passport System for the USSR and Mandatory Registration of Passports". SPS. "ConsultantPlus".
14. Kobets P.N. Formation and Improvement of the Legislative Foundations of the USSR Passport System in the 1930s. From the USSR to the Russian Federation: History, Events, Facts (on the 100th Anniversary of the Formation of the USSR): Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, December 8, 2022. Comp. A.L. Bredikhin. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 76 – 84.
15. Kuzminykh A.L. Evolution of the NKVD-MVD System of the USSR (1934-1956). Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2010. No. 10. P. 71 – 78.
16. Popov V.P. Passport System in the USSR (1932-1976). Sociological Research. 1995. No. 9. P. 3 – 13.

Информация об авторах

Кобец П.Н., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>, Researcher ID: 0-4240-2017, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 121069, г. Москва, ул. Поворская, д. 25, pkobets37@rambler.ru

Кириченко Ю.Н., кандидат юридических наук, доцент, преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6309-1067>, Институт среднего профессионального образования, Московский государственный университет спорта и туризма, 125171, г. Москва, ул. Кировоградская, д. 21, ju.kirichenko@rambler.ru

© Кобец П.Н., Кириченко Ю.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.12

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-92-100

Высшее юридическое образование в России в первой половине XIX века

¹ Платонов А.В., ² Билашенко Е.В., ³ Бруевич М.Ю., ^{4,2,5} Зуев А.В.,

¹ Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,

² Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,

³ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени
Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,

⁴ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,

⁵ Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Аннотация: актуальность изучения процесса институционализации высшего юридического образования в первой половине XIX века связана с необходимостью понимания неразрывной взаимосвязи государства и юридического сообщества. В современной России существует иллюзия, что юристы независимы от государства, а иногда даже напротив, как будто могут противостоять ему. Но право представляет собой инструмент установления рамок, внутри которых могут реализовываться правоотношения, что одновременно является средством защиты и установления комфортной и предсказуемой среды. В этом смысле юристы всегда являются неотъемлемой частью государственной системы безопасности государства и общества. В связи со сказанным необходимо научное теоретическое осмысление сущности и роли высшего юридического образования в процессе воспроизводства правовой культуры государства и общества, которое является основанием для решения основополагающих задач, стоящих перед нашей страной. Высшее юридическое образование в рассматриваемый период (первая половина XIX в.) стало одним из важнейших механизмов воспроизводства правовой культуры государства и общества, позволяющим аккумулировать исторические достижения российской юриспруденции, которые затем могли стать фундаментом для становления последующих поколений юристов, передачи им правовых ценностей и идеалов.

Целью настоящего исследования является воссоздание историко-правового механизма государственной политики России в сфере высшего юридического образования в контексте формирования профессионального сообщества, тесно связанного с обеспечением безопасности и устойчивого развития государства и общества. Это позволит выявить закономерности и случайности в его развитии и указать пути преодоления негативных процессов и явлений.

Используемые методы – сравнительный метод, историко-правовой, формально-юридический.

Ключевые слова: государство, высшее юридическое образование, юридическая наука, институционализация правовой науки, государственно-правовая система, юридические факультеты, юриспруденция, учебные заведения

Для цитирования: Платонов А.В., Билашенко Е.В., Бруевич М.Ю., Зуев А.В. Высшее юридическое образование в России в первой половине XIX века // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 92 – 100. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-92-100

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Higher legal education in Russia in the first half of the 19th century

¹ Platonov A.V., ² Bilashenko E.V., ³ Bruevich M.Yu., ^{4, 2, 5} Zuev A.V.,

¹ Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

² Herzen State Pedagogical University of Russia,

³ St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia,

⁴ Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,

⁵ Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

Abstract: the relevance of studying the institutionalization of higher legal education in the first half of the 19th century stems from the need to understand the inextricable relationship between the state and the legal community. In modern Russia, there is an illusion that lawyers are independent of the state, and sometimes even, to the contrary, as if they can oppose it. However, law is an instrument for establishing a framework within which legal relations can be realized, which simultaneously serves as a means of protection and the establishment of a comfortable and predictable environment. In this sense, lawyers have always been an integral part of the state security system of the state and society. Therefore, a scientific theoretical understanding of the nature and role of higher legal education in the process of reproducing the legal culture of the state and society is necessary, as this provides the foundation for addressing the fundamental challenges facing our country. Higher legal education during the period under review (the first half of the 19th century) became one of the most important mechanisms for reproducing the legal culture of the state and society, enabling the accumulation of the historical achievements of Russian jurisprudence, which could then serve as the foundation for the development of subsequent generations of lawyers and the transmission of legal values and ideals.

The purpose of this study is to reconstruct the historical and legal mechanism of Russian state policy in the field of higher legal education in the context of the formation of a professional community closely linked to ensuring the security and sustainable development of the state and society. This will allow us to identify patterns and contingencies in its development and identify ways to overcome negative processes and phenomena.

The methods used are comparative, historical-legal, and formal-legal.

Keywords: government, higher legal education, legal science, institutionalization of legal science, state legal system, law faculties, jurisprudence, educational institutions

For citation: Platonov A.V., Bilashenko E.V., Bruevich M.Yu., Zuev A.V. Higher legal education in Russia in the first half of the 19th century. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 92 – 100. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-92-100

The article was submitted: April 16, 2026; Approved after reviewing: May 14, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Развитие высшего юридического образования в России XIX в. тесно связано с развитием государственно-правовой системы. Государственная политика вышла на новый виток развития, когда в XVIII в. самодержавная власть достигла наивысшей точки развития, после которой неизбежно должны были произойти существенные трансформации на пути к становлению государства современного типа. В первой четверти XIX в. в России происходили интенсивные преобразования, что вызвало потребность в обсуждении путей развития нашей страны на всех уровнях. Постнаполеоновская Европа обновлялась, необходимость замены устаревшего и тормозившего общественное развитие Старого режима стимулировала развитие социальных наук. Понимание того, что государство и право – не данные Богом феномены, а продукты общественного развития, – стимулировало и правовую мысль. Россия была важной частью этого процесса, играла существенную роль в становлении «новой Европы».

В первой половине XIX в. происходило формирование новой политики, хотя пока в контексте самодержавной власти, оформлялись новые государственно-правовые институты. Этот период логически делится на два хронологических отрезка: правление Александра I и Николая I, разные по содержанию, но при этом логически ведущие к одному результату: институционализации правовой науки, в том числе, посредством юридического образования.

Эпоха Александра I ознаменовалась либерализацией внутренней политики, началом конституционных преобразований и модернизацией государственного аппарата. Формирование новой структуры органов

власти и соответствующей нормативной базы нуждалось в большом количестве профессионалов – государственных служащих, юристов и правоведов. Именно поэтому юридическое образование приобрело особую ценность. Хотя уже сам Александр в конце своего правления отошёл от исповедуемых им либеральных принципов, и наметился переход к консервативному развороту, а Николай I и вовсе усилил консервативные начала в регулировании общественных отношений, это не могло изменить самого факта развития юридической науки и, соответственно, образования. Напротив, бюрократизирующийся государственно-правовой механизм нуждался в большом числе хорошо образованных чиновников, а грандиозная работа над систематизацией законодательства требовала высокого уровня правового сознания и юридического знания. Оба, казалось бы, такие разные периоды «органически объединяло последовательное стремление власти к усовершенствованию государственно-правовой системы страны, созданию эффективных механизмов государственного управления и правового регулирования, повышению уровня профессионализма и правосознания чиновников, развитию отечественного правоведения» [1, с. 6]. Особенно важно и то, что государству была необходима уже не заимствованная и более или менее адаптированная система высшего юридического образования, а национальная система, основанная на укоренившихся идеях и представлениях, создавших государственно-правовую систему.

Всё сказанное определяет актуальность изучения процесса институционализации высшего юридического образования в первой половине XIX века в связи с необходимостью понимания неразрывной взаимосвязи государства и юридического сообщества. В современной России существует иллюзия, что юристы независимы от государства, а иногда даже напротив, как будто могут противостоять ему. Но право представляет собой инструмент установления рамок, внутри которых могут реализовываться правоотношения, что одновременно является средством защиты и установления комфортной и предсказуемой среды. В этом смысле юристы всегда являются неотъемлемой частью государственной системы безопасности государства и общества. В связи со сказанным, актуальность статьи определяется потребностью в научном теоретическом осмыслении сущности и роли высшего юридического образования в процессе воспроизводства правовой культуры государства и общества, которая является основанием для решения основополагающих задач, стоящих перед нашей страной.

Материалы и методы исследований

Целью настоящего исследования является воссоздание историко-правового механизма государственной политики России в сфере высшего юридического образования в контексте формирования профессионального сообщества, тесно связанного с обеспечением безопасности и устойчивого развития государства и общества. Это позволит выявить закономерности и случайности в его развитии и указать пути преодоления негативных процессов и явлений. В связи с поставленной целью необходимо рассмотреть три взаимосвязанных вопроса в хронологических рамках первой половины XIX в. (1801-1855 гг.): во-первых, определить процесс институционализации высшего юридического образования как часть механизма взаимоотношений государства и общества; во-вторых, рассмотреть высшее юридическое образование во взаимосвязи с наукой; в-третьих, выявить связи высшего юридического образования с юридической практикой рассматриваемой эпохи.

Используемые методы – сравнительный метод, историко-правовой, формально-юридический.

Результаты и обсуждения

Начальный этап становления высшего юридического образования и его институционализация

Высшее юридическое образование является частью образовательной системы, а потому обладает характеристиками целого, как с точки зрения формы, так и содержания. Оно с необходимостью регулируется государством посредством формулирования тезисов образовательной политики, а также реализуется «специализированными социальными институтами – высшими учебными заведениями. В этом смысле высшее юридическое образование институционализировано и подчиняется закономерностям функционирования и развития системы образования» [2, с. 9].

Начальный этап становления высшего юридического образования в России связан с XVIII в., который заложил его первоосновы, характеризовался созданием единой образовательной системы, подчиненной общероссийскому законодательству и призванной готовить кадры для усложняющегося государственного аппарата. В указанный период были заложены основы для формирования системы высшего юридического образования в России. Это ознаменовалось принятием ключевых нормативных документов, таких как Указ 1724 года об учреждении Академии наук, включавшей правоведческие кафедры, и Академический регла-

мент 1747 года. Важным шагом стало учреждение Московского университета в 1755 году, а также принятие других сопутствующих актов.

В XIX веке этот процесс продолжился, приведя к становлению централизованной системы подготовки юристов на уровне высшего образования. Сложилась государственная система юридического образования. Это обусловило интенсификацию нормативно-правовой активности, ведущей к созданию базы профессиональной подготовки юристов высшей квалификации.

Большую роль в этом процессе сыграли университетские уставы 1804, 1835, 1863, 1885 гг., которые определили правовой статус всех участников образовательного процесса. Помимо этого были созданы акты более низкого уровня, но сыгравшие значимую роль в становлении и развитии высшего юридического образования в России. Сложились и различные типы учебных заведений по подготовке юристов, которые определялись практическими потребностями государства и общества в правоведах (факультеты в разных университетах, подготавливающие юристов-универсалов, ведомственные учебные заведения, обеспечивающие формирование грамотных государственных чиновников с высоким уровнем правовой культуры и обширными знаниями, а также средние учебные заведения, выпускающие специалистов для хозяйственной жизни страны.

Первая половина XIX века стала эпохой становления и структурирования высшего юридического образования в Российской империи. Это было обусловлено растущей ролью законодательства и законности в управлении государством. Усложнение государственного аппарата, необходимость регулирования различных сфер жизни и развитие юридической практики породили острую потребность в подготовке высококвалифицированных юристов – "опытных законоведов". Таким образом, развитие юридического образования в России было тесно связано с политикой самодержавия в сфере законодательства, от его формирования до практического воплощения [13, с. 20].

Университеты, несомненно, сыграли важнейшую роль в становлении юридического образования, что во многом было связано с деятельностью Александра I. Его обширная реформаторская деятельность и инновационные для своего времени задумки (в том числе на европейском уровне) требовали наличия специалистов высокого уровня. Идея о том, что занимать юридические должности могут только те лица, которые закончили соответствующий курс в специальном учреждении, училище или университете, не только повысила интерес к получению юридического образования, но и привела к увеличению числа образовательных учреждений.

Основной задачей и конечным результатом данного исторического этапа стало развитие российской правовой науки и системы юридического образования. Это развитие обеспечивалось путем формирования корпуса отечественных ученых и профессоров, обладающих высоким уровнем профессионализма. К середине XIX века (к 1850-м годам) в стране уже функционировало значительное количество высших юридических учреждений – 11, в том числе 7 юридических факультетов в крупнейших образовательных центрах (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Киев, Харьков и другие), а также училище правоведения и три лицея. Важным показателем прогресса стало то, что свыше 80 юристов успешно защитили диссертации на соискание ученых степеней магистра и доктора права. Кроме того, был разработан ряд фундаментальных учебников и методических пособий [3, с. 22-34]. Если в XVIII в. развитие российской науки во многом зависело от зарубежных преподавателей и учёных, изучения европейских идей, то с начала XIX в. гораздо более значимым как для теории, так и для практики стало изучать собственное право и создавать систему национального законодательства. Государственные деятели понимали, что построить собственную траекторию развития в русле европейского, но самостоятельную и независимую, требовалось глубоко осмыслить и описать специфические черты русского права и законодательства. Право стало основой для понимания собственного прошлого, реализации настоящего и подготовки будущего. В начале XIX в. стали активно открываться новые российские университеты, однако они не всегда оказывались привлекательными для российских дворян. Для занятия государственных должностей до этого в целом достаточно было классического лицейского образования.

Правовое регулирование юридического образования

Ключевыми вехами процесса становления российской правовой науки и юридического образования стали принятие Устава учебных заведений 1804 г. и, особенно, Университетского устава 1835 г., которые сформировали устойчивую модель подготовки юристов, сочетавшую теоретическую фундаментальность с практической направленностью.

Согласно Уставу 1804 г., университеты получили значительную автономию и стали центрами образовательных округов. Юридические факультеты были обязательным структурным подразделением каждого университета (Московского, Харьковского, Казанского, позже Санкт-Петербургского). Именно на них воз-

лагалась задача подготовки будущих чиновников для судебной и административной службы. Уставом предписывалось изучение широкого круга дисциплин: правоведение естественное, римское, народное, гражданское, уголовное, а также история права и теория законов [4]. Однако, как отмечает И.Ю. Алексеева, «университетское образование первой четверти XIX века носило во многом умозрительный, теоретический характер» и часто отрывалось от реалий российского законодательства [5]. Это порождало проблему недостаточной практической подготовки выпускников.

Ситуация кардинально изменилась с принятием Устава 1835 г., ознаменовавшего наступление «золотого века» для юридических факультетов. Новый устав усилил государственный контроль над университетами. Данный Устав лишил университеты самоуправления и некоторых привилегий: правомочия университетских советов урезывались, «управление университетами фактически было передано в руки назначаемых попечителей учебных округов» [6, с. 59]. При этом Устав, одновременно, укрепил их материальную базу юридических факультетов и повысил их статус.

Для юридического образования его главным нововведением стало обязательное изучение российского законодательства как самостоятельной и центральной дисциплины. Были введены курсы «российское государственное право», «гражданские и уголовные российские законы» [7, с. 70]. Это напрямую было связано с завершением работы М.М. Сперанского по систематизации законодательства и изданием в 1832 году «Полного собрания законов Российской империи» и в 1833 году «Свода законов Российской империи» [8]. «Свод» стал главным учебным пособием и настольной книгой для всех студентов-правоведов, что кардинально повысило прикладную ценность их образования [9, с. 51-64].

Во второй половине XIX века стало очевидно, что российская система образования нуждается в кардинальных изменениях. Увеличение числа законов привело к законодательному хаосу, который можно было преодолеть только путем радикальной реорганизации правовой системы или ее структурирования по отраслям и институтам. Решить эту проблему, опираясь исключительно на прикладную юриспруденцию, было невозможно. Требовалось развитие теоретических основ права и подготовка большого числа квалифицированных юристов [9, с. 51-64].

Реформы 1860-х годов, хотя и не привели к созданию новых юридических вузов, существенно повысили качество юридического образования и расширили подготовку специалистов в различных правовых областях, отвечая растущим потребностям государства. Утвержденный в 1863 году университетский Устав закрепил сложившуюся ранее учебную программу. Помимо обязательного богословия, она охватывала 13 юридических дисциплин, сгруппированных в три основных направления: общетеоретические основы для будущих законодателей, углубленное изучение истории права и освоение российского законодательства. Дополнительно студенты изучали политическую экономию и статистику. Особое внимание уделялось практической подготовке, включая освоение делопроизводства и работу в судебных органах. Именно к этому периоду относится зарождение в России аспирантуры как ступени к профессорскому званию, в том числе на юридических факультетах. В то же время, на юридических факультетах активно формировались научные общества и запускались издания, призванные объединить усилия ученых-правоведов и юристов-практиков для решения актуальных научных и прикладных задач [6, с. 61-62].

Параллельно с университетской системой развивалось и специальное ведомственное юридическое образование. Наиболее значимым учреждением в этой сфере стало Училище правоведения, открытое в 1835 году в Санкт-Петербурге. По инициативе племянника императора, принца Петра Ольденбургского, и при поддержке М.М. Сперанского, с целью формирования корпуса юридически грамотных кадров для административной и судебной сфер, указом Николая I, вышедший в 1835 году, было учреждено Императорское училище правоведения при Министерстве юстиции. Это было элитарное закрытое заведение, созданное по образцу немецких правовых школ и предназначенное для подготовки потомственных дворян к высшим юридическим должностям [6, с. 62]. Учреждение Императорского училища правоведения стало частью масштабных реформ, которые проводились в России в XIX в. с целью модернизации государственного управления. Это учебное заведение было важным звеном в процессе улучшения работы судебной системы. Обучение здесь носило ярко выраженный практический характер и было тесно связано с деятельностью Сената и других высших государственных учреждений. Выпускники Училища, среди которых был, например, будущий великий композитор П.И. Чайковский, составляли костяк наиболее квалифицированной и просвещенной части российского чиновничества и судейского корпуса [5].

Интересным примером учреждения, дававшего юридическое образование стала Юридическая Александровская военная академия. В XVIII и начале XIX вв. в России делопроизводство по военно-судебным делам вели аудиторы, набиравшиеся из низших чинов, писарей и канцеляристов, которые получали необходимые навыки непосредственно на службе. До 1867 года деятельность военно-судебного органа базирова-

лась преимущественно на принципах, заложенных в «Воинском уставе» 1716 года [10]. Существующие изъяны в организации правосудия и судебном процессе усугублялись дефицитом специалистов с надлежащим юридическим образованием, способных выполнять судебские функции. В результате ключевую роль в военном суде фактически взял на себя аудитор. В 1832 году при Санкт-петербургском батальоне кантонистов была создана аудиторская школа. В 1846 г. школа была преобразована в аудиторское училище, а в 1867 г. – в Военно-Юридическую Академию. Все эти учебные заведения были закрытого типа и давали общее и специальное юридическое образование, после которого выпускники поступали на службу в аудиаторское ведомство в качестве гражданских чиновников.

Кадровое обеспечение юридических факультетов

С ростом числа университетов в России возникла острая потребность в квалифицированных преподавателях для юридических факультетов. Это привело к изменению цели обучения российских студентов за рубежом: теперь их готовили не только как практикующих юристов, но и как будущих ученых-преподавателей для новых вузов. Государство полностью финансировало такое обучение. По возвращении выпускники проходили аттестацию, получали российские научные степени и занимали преподавательские должности. При этом приоритет отдавался отечественным специалистам, обладающим необходимыми знаниями и качествами. Идея подготовки российских профессоров на родном языке звучала еще в XVIII веке. В 1827 году император Николай I, обеспокоенный нехваткой отечественных профессоров и отсутствием преемственности, поддержал предложение о форсированной подготовке кадров. Талантливых студентов и выпускников отправляли в Берлин и Париж под обязательство не менее двенадцати лет служить в российских вузах по возвращении. Перед отъездом они два года обучались в Дерптском университете, где функционировал специальный Профессорский институт. Его целью была тщательная языковая подготовка (латынь, греческий, немецкий), необходимая для зарубежного образования. Конкурс в этот институт осуществлялся по результатам вступительных испытаний в Петербургской академии наук, однако для последующей учебы за границей требовались не только знания, но и врожденные способности, искренняя увлеченность науками и безупречная нравственность [11].

Первыми юристами, прошедшими этот путь и получившими образование в Берлине, стали П.Г. Редкий и П.Д. Калмыков. Выпускники других учебных заведений, например, Главного педагогического института, также направлялись в Дерпт, среди них были будущие известные правоведы. Со временем командировки выпускников в западные университеты, особенно немецкие, перестали быть просто образовательными поездками, как это было в XVIII веке.

Однако к концу второго десятилетия XIX века поездки студентов для обучения в некоторые немецкие университеты стали ограничиваться. Это было связано с возросшей политической активностью студенческих объединений, что привело к выводу, будто за границей студенты перенимают "дурные привычки". Тем не менее, эти ограничения оказались недолгими и были вызваны политической обстановкой в раздробленной Германии того времени [11].

В период с 1815 по 1849 год Берлинский университет посетили 208 студентов из России, среди которых 23 человека впоследствии избрали карьеру юристов. В следующее десятилетие поток этих молодых людей значительно сократился: их количество не превышало пятерки, однако именно в этот период здесь обучались будущие выдающиеся профессора, такие как Д.И. Каченовский и В.А. Забывовский. Факт подготовки примерно тридцати квалифицированных юристов за сорок лет, даже в условиях неидеальной обстановки в Германии, говорит о высокой активности российской научной элиты того времени. Одной из причин этого явления стал высокий академический уровень Берлинского университета. Под руководством В. фон Гумбольдта он стал эталоном научной организации и педагогической системы, получившим признание не только в России, но и во всей Европе.

После успешного прохождения обучения в Берлине и получения рекомендаций, подтверждающих их педагогические способности, молодые юристы получили значительные льготы. Им обеспечивался упрощенный порядок сдачи экзаменов и защиты диссертаций, посвященных историческим и философским аспектам правовой науки. В 1840-е годы прибытие таких специалистов стало особо ценным для Московского, Петербургского, Киевского, Казанского, Харьковского и Дерптского университетов. Более того, с приходом этих ученых связывались надежды на создание «науки о праве», которая должна была стать гордостью русской интеллектуальной мысли.

В связи с ужесточением ограничений на научные командировки в немецкие университеты в конце 1820-х годов, российские университеты стали активнее развивать собственные "подготовительно-преподавательские" ресурсы. В 1828 году Петербургский университет инициировал специальную программу по подготовке профессоров правоведения. Шесть наиболее перспективных студентов из Московской и

Петербургской духовных академий были зачислены в Петербургский университет с целью последующего обучения и прохождения стажировок за рубежом, после чего они должны были занять должности профессоров на юридическом факультете. Разработанная программа, нацеленная на обеспечение корректного преподавания российского законодательства, включала как теоретическую, так и практическую подготовку обучающихся в области юриспруденции. Контроль за ходом целевого обучения осуществлял М.А. Балугьянский, возглавлявший II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Содержанием учебного процесса на юридических факультетах в этот период руководили выдающиеся ученые-правоведы, заложившие основы отечественной юридической науки. В Московском университете блистали такие профессора, как С.Е. Десницкий (хотя его основная деятельность пришлась на XVIII век, его идеи продолжали оказывать влияние), Н.Н. Сандунов, Л.А. Цветаев, который читал курс российских гражданских законов [7, с. 70]. В Казанском университете работал Г.И. Солнцев, разрабатывавший вопросы государственного права [12]. Их усилиями происходил переход от компиляции западноевропейских учений к критическому осмыслению и научному изучению национального права [6, с.62].

Развитие юридического образования в России в XIX веке можно охарактеризовать как период последовательного совершенствования как теоретических, так и практических аспектов юриспруденции. Этот век отмечен двумя главными векторами развития: повышением статуса юристов в обществе и становлением самобытной российской юридической науки. Реформы затронули не столько число вузов, готовящих юристов, сколько глубину и актуальность самих учебных курсов. К XIX столетию в России была окончательно сформирована четкая система подготовки правоведов, включавшая как классические университеты, так и профильные ведомственные школы. Во второй половине века именно университеты стали кузницей нового поколения ученых-юристов, чьи исследования обогатили не только отечественную, но и мировую юридическую науку.

Выводы

Подводя итоги, можно констатировать, что первая половина XIX века стала временем окончательного оформления системы высшего юридического образования в России. Были достигнуты значительные успехи: создана разветвлённая сеть университетских факультетов, возникли элитные специализированные учебные заведения (Училище правоведения), а главное – произошёл содержательный переворот в определении сущности юридического образования. В частности, сложилась такая система, которая не только позволяла воспроизводить кадры, обладающими высочайшим теоретическим уровнем подготовки, но и были готовы к реализации полученных знаний, ориентировались в законодательстве и правоприменительной практике. Однако система сохраняла и определенные недостатки, такие как сословные ограничения (особенно в Училище правоведения), жёсткая государственная регламентация образовательного процесса и сохранявшийся разрыв между теорией и судебной практикой в провинции. Тем не менее, именно выпускники университетов и Училища правоведения первой половины XIX века составили кадровый потенциал, который оказался востребован в эпоху Великих реформ 1860-х годов.

Изучение становления и развития высшего юридического образования в России – междисциплинарная тема, включающая осмысление процесса с педагогической, исторической, правовой сторон. Без использования междисциплинарного методологического подхода довольно сложно выявить механизмы взаимосвязи системы государственного управления и формирования юридического профессионального сообщества, а также становления механизма воспроизводства правовой культуры и коллективного правосознания посредством создания образовательной среды. Ретроспективный анализ педагогических идей и государственно-правовых установок, определивших генезис и эволюцию системы высшего юридического образования позволяет целостно и непротиворечиво осмыслить соответствующий исторический опыт, определяемый как высокими достижениями российской научной мысли и практики, так и определёнными неудачами, неизбежными и необходимыми для качественного развития профессионального юридического сообщества. Это позволит эффективно и успешно прогнозировать риски модернизации высшего юридического образования в нашей стране.

Высшее юридическое образование в рассматриваемый период (первая половина XIX в.) стало одним из важнейших механизмов воспроизводства правовой культуры государства и общества, позволяющим аккумулировать исторические достижения российской юриспруденции, которые затем могли стать фундаментом для становления последующих поколений юристов, передачи им правовых ценностей и идеалов. Так было отмечено особое влияние социокультурных факторов на становление и развитие высшего юридического образования, что позволило говорить о том, что в стране формировалось профессиональное правосознание, то есть складывалась профессиональная юридическая корпорация. Высшее юридическое образова-

ние представляет собой один из наиболее значимых институтов, играющих огромную роль в жизни государства и общества, поскольку реализует миссию воспроизводства правовой культуры и правосознания не только в профессиональной среде, но среди всех, кто проживает в России, что, несомненно, содействует устойчивому развитию нашей страны.

Список источников

1. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства: 1800-1850-е гг.: автореф. дис. д.ю.н. Екатеринбург, 2004. 60 с.
2. Горбатова М.К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 28 с.
3. Шанкина Л.Н., Изутина С.В. Проблемы и этапы развития юридической науки и образования в России // Право и экономика: Монография. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. С. 22 – 34.
4. Становление юридического образования в России в 18-19 веках // [Электронный ресурс]. URL: <https://sibadvokat.ru/magazine/stanovlenie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossii-v-18-19-vekah?ysclid=mj0zvf5y9g803784934> (дата обращения: 23.03.2026)
5. Алексеева И.Ю. Развитие юридического образования в России в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... канд. историч. наук. СПб. 2000. 22 с.
6. Васильева Л.Е. К вопросу об особенностях развития юридического образования в России в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2008. Т. 8. № 1. С. 59 – 62.
7. Корнев А.В., Борисов А.В. Правовая мысль в дореволюционной России. Москва: ЭКСМО, 2005. 284 с.
8. Сморгунова В.Ю., Рукинов В.А. Правовая модель Российской империи в трудах // Образование и право. 2023. № 3. С. 324 – 328. DOI 10.24412/2076-1503-2023-3-324-328
9. Томсинов В.А. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1992. С. 51 – 64.
10. Епифанов П.П. Военные уставы Петра Великого / Под ред. проф. Н.Л. Рубинштейна; Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В.И. Ленина. Отд. рукописей. Москва: тип. Б-ки им. Ленина, 1946. 80 с.
11. Юртаева Е.А. Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России // Журнал российского права. 2008. № 7 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-professionalnoy-podgotovki-yuristov-v-dorevolutsionnoy-rossii> (дата обращения: 11.03.2026)
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349 Оп. 3 Д. 2110. Формулярные списки: Солнцев Г.И. Соловский Е.Н.
13. Рассохин А. В. Юридическое образование в пореформенной России: Вторая половина XIX – начало XX вв. дис. ... канд. юрид. наук. 252 с.

References

1. Kodan S.V. Legal Policy of the Russian State: 1800-1850s: Abstract of a PhD thesis. Ekaterinburg, 2004. 60 p.
2. Gorbatova M.K. Higher Legal Education in Modern Russia: Theoretical and Legal Aspects of Development: Abstract of a PhD thesis. Nizhny Novgorod, 2007. 28 p.
3. Shchankina L.N., Izutina S.V. Problems and Stages of Development of Legal Science and Education in Russia. Law and Economics: Monograph. Cheboksary: Sreda Publishing House, 2020. P. 22 – 34.
4. Formation of Legal Education in Russia in the 18th-19th Centuries. [Electronic resource]. URL: <https://sibadvokat.ru/magazine/stanovlenie-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossii-v-18-19-vekah?ysclid=mj0zvf5y9g803784934> (date of access: 23.03.2026)
5. Alekseeva I.Yu. Development of Legal Education in Russia in the 18th – Early 20th Centuries: Abstract of Cand. Sci. (History). St. Petersburg. 2000. 22 p.
6. Vasilyeva L.E. On the Issue of the Peculiarities of the Development of Legal Education in Russia in the 19th Century. Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2008. Vol. 8. No. 1. P. 59 – 62.
7. Kornev A.V., Borisov A.V. Legal Thought in Pre-Revolutionary Russia. Moscow: EKSMO, 2005. 284 p.
8. Smorgunova V.Yu., Rukinov V.A. Legal Model of the Russian Empire in His Works. Obrazovanie i Pravo. 2023. No. 3. P. 324 – 328. DOI 10.24412/2076-1503-2023-3-324-328
9. Tomsinov V.A. Development of Russian Law in the Second Half of the 17th–18th Centuries. Moscow: Nauka, 1992. P. 51 – 64.

10. Epifanov P.P. Military Regulations of Peter the Great. Ed. by prof. N.L. Rubinstein; State Order of Lenin Library of the USSR named after V.I. Lenin. Manuscript Department. Moscow: type. L-ki im. Lenin, 1946. 80 p.
11. Yurtaeva E.A. Organization of Professional Training of Lawyers in Pre-Revolutionary Russia. Journal of Russian Law. 2008. No. 7 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-professionalnoy-podgotovki-yuristov-v-dorevolucionnoy-rossii> (date of access: 11.03.2026)
12. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1349 Op. 3 D. 2110. Official lists: Solntsev G.I. Solovskii E.N.
13. Rassokhin A.V. Legal Education in Post-Reform Russia: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Diss. ... Cand. of Law. 252 p.

Информация об авторах

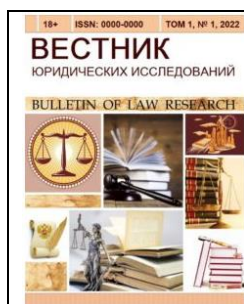
Платонов А.В., кандидат философских наук, доцент, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, kaf.seigd.lof@mail.ru

Билашенко Е.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7594-3404>, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, katbil2008@yandex.ru

Бруевич М.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, bruevich1709@mail.ru

Зуев А.В., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3730-5559>, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова; доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), univerandrey@mail.ru

© Платонов А.В., Билашенко Е.В., Бруевич М.Ю., Зуев А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34.02

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-101-108

Особенности градостроительного и полицейского законодательства в области градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв.

¹ Дудин В.Ю.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия градостроительного и полицейского законодательства Российской империи в сфере градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв.

Показано, что регулирование городской застройки в рассматриваемый период не сводилось к нормам о планировке территории и строительной технике. Оно развивалось как комплекс правовых предписаний, объединявших задачи пространственной организации города, пожарной безопасности, санитарного надзора, охраны общественного порядка, контроля за частной застройкой и административного наблюдения.

На материалах петровских указов, екатерининской градостроительной реформы, Устава благочиния 1782 г., Строительного устава в редакциях XIX – начала XX вв., а также городских положений раскрыта эволюция механизмов государственного вмешательства в формирование городского пространства. Обосновано, что полицейское законодательство долгое время выполняло не вспомогательную, а системообразующую функцию: через него обеспечивались соблюдение планов, состояние улиц, мостов и площадей, противопожарные разрывы, санитарный режим и пресечение самовольного строительства.

Сделан вывод, что к началу XX в. имперская модель регулирования стала более сложной и дифференцированной, однако сохранила высокую степень централизации и надзорной зависимости от администрации и полиции.

Ключевые слова: градостроительное законодательство, полицейское законодательство, градостроительная деятельность, Строительный устав, Устав благочиния, Российская империя, городское благоустройство, строительный надзор, регулярный город, городское самоуправление

Для цитирования: Дудин В.Ю. Особенности градостроительного и полицейского законодательства в области градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв. // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 101 – 108. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-101-108

Поступила в редакцию: 17 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Features of urban planning and police legislation in the field of urban development in the XVIII – early XX centuries

¹ Dudin V. Yu.,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: the article is devoted to the study of the peculiarities of the interaction of urban planning and police legislation of the Russian Empire in the field of urban development in the XVIII - early XX centuries.

It is shown that the regulation of urban development in the period under review was not limited to the rules on the layout of the territory and construction equipment. It developed as a set of legal regulations that combined the

tasks of spatial organization of the city, fire safety, sanitary supervision, public order protection, control over private buildings and administrative supervision.

Based on the materials of Peter the Great's decrees, the Catherine urban planning reform, the Charter of the Deanery of 1782, the Building Charter in the editions of the XIX - early XX centuries, as well as city regulations, the evolution of the mechanisms of state intervention in the formation of urban space is revealed. It is proved that for a long time the police legislation performed not an auxiliary, but a system-forming function: through it, compliance with plans, the condition of streets, bridges and squares, fire breaks, sanitary conditions and the suppression of unauthorized construction were ensured.

It is concluded that by the beginning of the 20th century, the imperial regulatory model had become more complex and differentiated, but retained a high degree of centralization and supervisory dependence on the administration and the police.

Keywords: urban planning legislation, police legislation, urban planning activities, Building regulations, Deanery Regulations, Russian Empire, urban improvement, construction supervision, regular city, urban self-government

For citation: Dudin V.Yu. Features of urban planning and police legislation in the field of urban development in the XVIII – early XX centuries. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 101 – 108. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-101-108

The article was submitted: April 17, 2026; Approved after reviewing: May 15, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Обращение к истории градостроительного и полицейского законодательства в России имеет не только историко-правовое, но и методологическое значение. Современное право склонно разводить вопросы территориального планирования, строительного регулирования, благоустройства, санитарного контроля и охраны общественного порядка по разным нормативным блокам. Для имперского периода такая дифференциация не была характерна. Город рассматривался государством как одновременно хозяйственное, репрезентативное, оборонительное и дисциплинарное пространство. По этой причине нормы о планах, улицах, фасадах, мостах, рынках, противопожарных разрывах и чистоте городской среды формировались в единой системе, где архитектурно-строительные предписания тесно переплетались с полицейскими мерами.

Историческая специфика заключалась в том, что градостроительная деятельность мыслилась прежде всего, как область публичного управления, а не как сфера автономного частного усмотрения. Высочайше утвержденный план города обладал обязательной силой, отступление от него рассматривалось не просто как техническая ошибка, а как нарушение установленного порядка. Исполнение этих требований обеспечивалось губернаторами, полицией, архитекторами, строительными комиссиями и позднее строительными отделениями губернских правлений. Следовательно, полицейское законодательство не только охраняло уже сложившийся городской порядок, но и участвовало в его конструировании, определяя допустимые формы застройки, правила повседневного пользования улицами и порядок реакции власти на нарушения.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей градостроительного и полицейского законодательства в области градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв., а также в определении механизмов их взаимодействия.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывавшиеся при планировке городов, возведении общественных и частных построек, благоустройстве улиц и осуществлении государственного надзора.

Предметом исследования являются нормативные предписания и институциональные формы, посредством которых государство регулировало городское строительство.

Основная исследовательская гипотеза заключается в том, что полицейский элемент в рассматриваемый период был не внешним дополнением к градостроительному праву, а одним из его базовых механизмов практического действия.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования образуют нормативные акты и связанные с ними управленческие механизмы Российской империи, регулирующие городскую планировку, строительство, благоустройство и полицейский надзор.

Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Историко-правовой подход дал возможность рассмотреть нормы в контексте административных реформ и урбанизационных процессов.

Формально-юридический анализ использован для выявления предмета регулирования, распределения компетенции и правовых последствий нарушения строительных предписаний.

Сравнительно-правовой подход позволил сопоставить различные этапы развития законодательства, включая докодификационный и кодификационный периоды.

Системный метод был необходим для объяснения того, каким образом градостроительные и полицейские нормы образовывали единую управленческую конструкцию.

Хронологические рамки исследования начинаются с учреждения регулярной полиции и ранних петровских мер по пространственному упорядочению новой столицы и завершаются началом XX в., когда имперская модель регулирования достигла наибольшей сложности.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ показывает, что развитие градостроительного и полицейского законодательства в России происходило не по линии простого накопления строительных правил, а через постепенное формирование синкретической системы, в которой архитектурные, технические, полицейские и хозяйственные функции действовали совместно. В рамках этой системы городское пространство понималось как объект постоянного наблюдения, нормирования и профилактики угроз. Отсюда следовало повышенное значение разрешительного порядка, привязка частной строительной инициативы к утвержденному плану и устойчивое стремление государства контролировать не только факт возведения постройки, но и ее расположение, внешний вид, материалы, санитарные последствия и влияние на общий городской порядок.

Для выявления внутренней логики правовой эволюции целесообразно сначала представить основные этапы развития градостроительного и полицейского законодательства в виде обобщающей таблицы.

Таблица 1

Этапы развития градостроительного и полицейского законодательства в области градостроительной деятельности.

Table 1

Stages of development of urban planning and police legislation in the field of urban development.

Период	Ключевые акты и институты	Доминирующая логика регулирования	Правовой результат для городской застройки
1718-1762 гг.	Регулярная полиция, ранние указы Петра I о строительстве и пожарной безопасности, полицеймейстерская канцелярия	Административно-полицейское упорядочение столицы, предупреждение пожаров, контроль размещения и материалов	Формирование связи между градостроительством, благоустройством и полицейским надзором
1762-1782 гг.	Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, указ 1763 г. о специальных планах городов	Регулярная планировка, правовое закрепление генеральных планов, унификация городской сети	Превращение плана города в обязательный ориентир публичного управления
1782-1832 гг.	Устав благочиния, дальнейшее утверждение планов и фасадов	Территориальная полицейская опека, наблюдение за улицами, мостами, рынками и частной застройкой	Институционализация городской полиции как исполнителя градостроительных требований
1832-1865 гг.	Строительный устав 1832 и 1842 гг., губернские строительные и дорожные комиссии	Кодификация правил строительства, разрешительный порядок, сочетание технической и полицейской проверки	Систематизация норм и усложнение процедур согласования
1865 г. – начало XX в.	Строительные отделения губернских правлений, Городовые положения 1870 и 1892 гг., редакции Строительного устава 1857 и 1900 гг.	Сочетание централизованного надзора с местным правотворчеством, санитарно-пожарный контроль, адаптация к индустриальному городу	Рост дифференциации регулирования при сохранении надзорно-полицейской природы системы

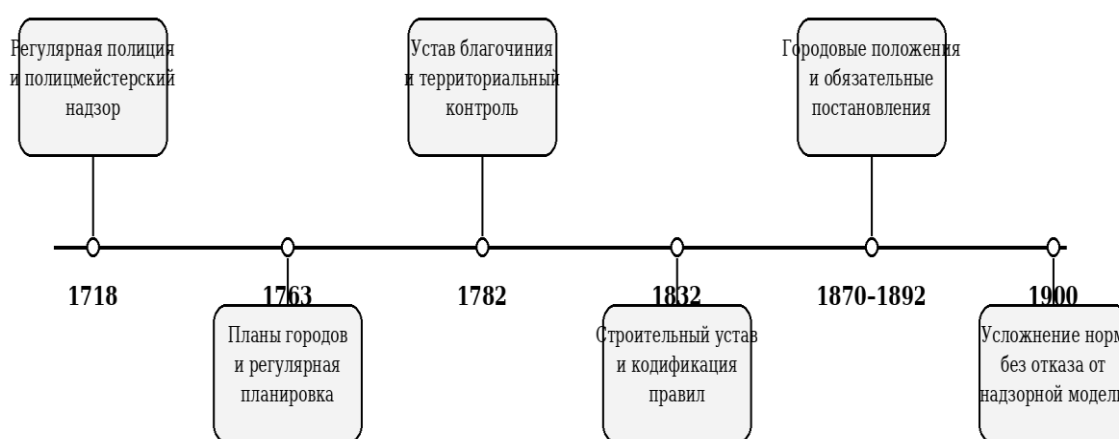
Содержание табл. 1 показывает, что на протяжении всего рассматриваемого периода законодательство эволюционировало от полицейско-административного упорядочения городской среды к более детализированной кодифицированной модели. Однако общий принцип не менялся: строительство подчинялось публичным целям, а соблюдение градостроительных предписаний обеспечивалось не столько автономией профессионального сообщества, сколько системой государственной власти. Иными словами, даже там, где возрастала роль архитекторов и технических органов, полицейская составляющая сохранялась как способ повседневного исполнения и контроля.

На первом этапе решающее значение имели петровские преобразования. Учреждение в 1718 г. регулярной полиции в Санкт-Петербурге и введение должности генерал-полицеймейстера означали появление особого органа, который отвечал не только за поддержание порядка, но и за пространственную организацию столицы. Ранние предписания о застройке и пожарной безопасности связывали прочность домов, выбор материалов, устройство улиц и режим городской службы в единый комплекс требований. Даже меры по сосредоточению каменного строительства в новой столице имели одновременно градостроительный, репрезентативный и полицейский смысл: государство стремилось сформировать управляемый и менее пожароопасный город европейского типа. Тем самым уже в начале XVIII в. сложилась исходная модель, при которой градостроительство понималось как разновидность государственного благоустройства, а полиция выступала его непосредственным проводником [1].

Во второй половине XVIII в. указанная модель получила имперский масштаб. Создание в 1762 г. Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы и издание в 1763 г. указа о составлении специальных планов для городов означали превращение регулярной планировки в государственную программу [9]. Генеральный план становился не просто графическим изображением, а юридически значимым основанием для размещения улиц, площадей, общественных зданий, торговых рядов и жилых кварталов. Именно в этот период план города приобрел черты обязательного нормативного документа. Одновременно Устав благочиния 1782 г. окончательно оформил городскую полицию как институт, связанный с благоустройством. Управа благочиния ведала улицами, мостами, переправами, рынками и вопросами городского порядка, а деление города на части и кварталы создавало территориальную сетку повседневного наблюдения. Таким образом, екатерининская реформа объединила регулярное градостроительное проектирование с развитыми механизмами полицейского исполнения [2].

Последовательность ключевых нормативных рубежей удобно представить графически, поскольку именно хронология позволяет увидеть, как разрозненные полицейские и строительные предписания постепенно сложились в единую систему регулирования.

Эволюция правового регулирования городской застройки

Полицейские меры и строительные нормы последовательно интегрировались в единую административно-надзорную систему.

Рис. 1. Авторская схема эволюции нормативного регулирования градостроительной деятельности в XVIII – начале XX вв.

Fig. 1. The author's diagram of the evolution of normative regulation of urban development activities in the 18th – early 20th centuries.

Рис. 1 показывает, что движение шло не от полного отсутствия норм к их простому увеличению, а от полицейского упорядочения городской среды к кодифицированной и многоуровневой модели управления. Особенно важно, что каждый новый этап не отменял предшествующий полностью, а надстраивался над ним. Регулярная полиция, генеральные планы, образцовые фасады, строительный устав и муниципальные обязательные постановления последовательно соединялись друг с другом. В результате к началу XX в. сложилась система, в которой нормы разных эпох продолжали сосуществовать и взаимно усиливать разрешительный характер градостроительной деятельности [7].

Докодификационный этап первой трети XIX в. характеризовался расширением инструментария правового влияния на внешний облик города. Важную роль сыграли образцовые фасады 1809-1812 гг., предназначенные прежде всего для частной застройки городов империи. Их назначение заключалось не только в эстетической унификации, но и в восполнении нехватки квалифицированных архитекторов в провинции, а также в сокращении произвольных отклонений от утвержденной модели городской улицы. В юридическом смысле образцовый фасад был своеобразным пограничным явлением между техническим пособием и обязательным нормативом. Через него государство влияло на высотность, композицию, материалы и стоимость застройки, то есть регулировало одновременно образ города и поведение застройщика. Позднейшая отмена обязательности образцовых фасадов для ряда объектов не означала отказа от стандартизации, а свидетельствовала о поиске более гибких форм контроля в условиях усложнявшейся городской жизни [4].

Принятие Строительного устава 1832 г. стало переломным моментом в развитии законодательства. Устав систематизировал ранее разрозненные акты и включил строительное дело в общую структуру имперского законодательства о государственном благоустройстве. Его значение состояло не только в фиксации правил возведения зданий, но и в широком понимании самого предмета регулирования. В рамках устава рассматривались городские планы, общественные и частные постройки, улицы, площади, мосты, набережные, вопросы пожарной безопасности, правила согласования проектов, порядок надзора и последствия нарушений [8]. Редакции 1842, 1857 и 1900 гг. не разрушали исходную модель, а уточняли ее применительно к изменявшейся практике. Через это законодательство строительство окончательно оформилось как деятельность, неотделимая от административной процедуры, технической экспертизы и полицейского обеспечения.

Для более наглядного разграничения предметов воздействия градостроительных и полицейских норм представим их соотношение в сводном виде.

Таблица 2

Соотношение градостроительных и полицейских начал в регулировании строительной деятельности.

Table 2

The relationship between urban planning and police principles in regulating construction activities.

Направление регулирования	Градостроительное содержание	Полицейско-административное содержание	Практический эффект
Планировка территории	Утверждение планов, размещение площадей, улиц, общественных зданий и кварталов	Запрет отклонений, контроль исполнения распоряжений местной администрацией и полицией	Сохранение регулярной структуры и управляемости городской среды
Частная застройка	Утверждение фасадов, высоты, отступов, материалов, брандмауэров	Разрешения, осмотры, остановка самовольных работ, наложение взысканий	Подчинение частной инициативы публичным целям
Улично-дорожная сеть и благоустройство	Требования к мостовым, тротуарам, каналам, мостам, набережным	Обязанность следить за исправностью, чистотой, проездом и безопасностью	Поддержание функционирования города как хозяйственной системы
Пожарно-санитарная безопасность	Нормы размещения опасных объектов, устройство печей, водоотводов и дворов	Караулы, инспекции, запреты, меры предупреждения эпидемий и пожаров	Снижение риска бедствий и защита населения
Городское самоуправление	Обязательные постановления дум по вопросам благоустройства и хозяйства	Губернаторский надзор и полицейское наблюдение за исполнением	Локальная детализация норм без выхода из имперской иерархии

Сопоставление, представленное в табл. 2, позволяет сделать принципиальный вывод: различие между градостроительным и полицейским законодательством в имперский период было скорее функциональным, чем отраслевым. Первое определяло пространственную и техническую модель допустимого поведения, второе обеспечивало повседневную исполнимость этой модели на уровне города, квартала, улицы и отдельной постройки. Поэтому в исторической перспективе речь должна идти не о двух изолированных нормативных массивах, а о двух взаимосвязанных сторонах единой системы государственного воздействия на городской пространственный порядок [6].

Кодификация неизбежно вела к усложнению институциональной структуры надзора. Уже в 1830-х гг. в губерниях оформляются строительные комиссии, действовавшие под председательством губернаторов и с участием губернских архитекторов. В 1849 г. строительная и дорожная части были объединены в губернские строительные и дорожные комиссии, что подчеркивало общность задач по управлению застройкой, дорогами, мостами и общественными сооружениями. С 1865 г. функции этих комиссий переходят к строительным отделениям губернских правлений. Сам факт такой эволюции свидетельствует о профессионализации управления: рядом с административной властью все заметнее выступали технические специалисты. Но при этом первенство губернатора как представителя высшей государственной воли не исчезало. Следовательно, техническое рассмотрение проекта развивалось внутри административно-полицейской вертикали, а не вне ее [1].

Несмотря на усиление роли специализированных строительных органов, полиция не переставала быть ключевым исполнителем нормативных предписаний. Ее участие проявлялось в наблюдении за соблюдением утвержденных планов и обязательных постановлений, в фиксации нарушений противопожарного и санитарного режима, в контроле состояния улиц, мостовых, дымовых труб, дворовых пространств и мест хранения опасных материалов. Именно полицейские чины чаще всего первыми сталкивались с самовольным строительством, незаконной перестройкой, загрязнением городской среды или созданием угрозы пожара. Поэтому полицейское законодательство выполняло роль процедурной оболочки, через которую градостроительные запреты и предписания переводились в режим практического принуждения. В этом состояла одна из главных особенностей имперской модели: строительное право не могло действовать без повседневной полицейской инфраструктуры [3].

Во второй половине XIX в. существенное значение приобрело городское самоуправление. Городовое положение 1870 г. закрепило за городским общественным управлением попечение о городском хозяйстве и благоустройстве в пределах утвержденного плана. Думе было предоставлено право издавать обязательные постановления о содержании улиц, площадей, мостовых, каналов, дворов, помойных ям, бойней, рынков, печей, дымовых труб, мерах предосторожности против пожаров и санитарных угроз. Однако это право не означало самостоятельного выхода за пределы имперской системы. За законностью и пределами компетенции наблюдал губернатор, а исполнение постановлений обеспечивали полицейские чины [5]. Городовое положение 1892 г. сохранило данную логику, усилив бюрократический характер муниципального управления. Следовательно, местное правотворчество в сфере строительства и благоустройства выступало дополнительным, а не альтернативным уровнем регулирования.

К началу XX в. имперская система регулирования стала одновременно более разветвленной и более проблемной. Доходные дома, фабрично-заводское строительство, транспортные сети, инженерная инфраструктура и новые санитарные требования требовали большей оперативности и гибкости, чем могла дать традиционная модель, ориентированная на многоступенчатое разрешение и детальное административное согласование [10]. В этой связи современники все чаще говорили о запаздывании законодательства по отношению к темпам строительного бизнеса и городского роста. Тем не менее даже в условиях нарастающей урбанизации государство не отказалось от основного принципа: застройка продолжала рассматриваться как деятельность, допустимая лишь в рамках предварительно установленного и контролируемого порядка. Изменялся набор требований и распределение полномочий, но не сама надзорная природа системы.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что в Российской империи XVIII – начала XX вв. градостроительное и полицейское законодательство развивались в состоянии устойчивого функционального единства. Пространственная организация города, требования к фасадам и материалам, регулирование улиц, мостов и площадей, санитарные и противопожарные меры, а также порядок реагирования на нарушения образовывали единую систему государственного благоустройства. Городской план и строительные нормы приобретали юридическую силу именно потому, что были включены в административно-полицейский механизм принуждения.

Следовательно, главной особенностью рассматриваемого периода следует признать нераздельность градостроительного и полицейского начал. Полиция обеспечивала исполнимость плана, а план придавал полицейскому надзору материальное содержание. Эта взаимосвязь определила разрешительный, централизованный и профилактический характер дореволюционного законодательства в области градостроительной деятельности и во многом предопределила последующую традицию сильного государственного вмешательства в развитие городской среды.

Список источников

1. Бабейкин Р.В., Гудзь Т.В., Самоловских Н.В. Централизация муниципальных полномочий в сфере градостроительной деятельности: к глобальной дискуссии о роли локализма в управлении развитием территорий // Городские исследования и практики. 2025. Т. 10. № 1. С. 21 – 37.
2. Быстрова Т.Ю., Мазаев Г.В. Становление регулярного градостроительства в России: конфликт порядка и выразительности // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2026. № 1 (68). С. 9 – 15.
3. Вовк Н.А. Систематизация правовых позиций конституционного суда российской федерации на примере градостроительного права. историческое и практическое обоснование необходимости систематизации. Часть I // Научный журнал. 2025. № 4. С. 102.
4. Зарицкий М.В. Исторические особенности формирования и развития органов управления строительной деятельностью в России / Historical features of the formation and development of construction governance bodies in Russia // ББК 67я431 Ж 714 / Редкол.: ГЭ Адыгезалова, доктор юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права ФГБОУ. 2024. С. 135.
5. Маркова О.Н. Исторические поселения как категория наследия: проблема выявления и сохранения ценности в контексте градостроительной деятельности // Культурологический журнал. 2025. № 3 (61). С. 83 – 91.
6. Раев Ю.В. Academia. Архитектура и строительство // Academia. Архитектура и строительство Учредители: Российская академия архитектуры и строительных наук. 2026. Т. 2. № 4. С. 66 – 75.
7. Раев Ю.В. Предпосылки формирования системы пространственного планирования территории страны // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 4. С. 66 – 75.
8. Рожнов С. Н. Правовое обеспечение территориального планирования населенных пунктов в СССР В 1920-1930-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Экономика и право». 2025. Т. 35. № 3. С. 514 – 518.
9. Спирин П.П. Трансформации российского градостроительства // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 1. С. 102 – 110.
10. Швидковский Д.О., Митягин С.Д., Спирин П.П. Градостроительное развитие России: исторические особенности и закономерности пространственной организации // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 2. С. 99 – 110.

References

1. Babeikin R.V., Gudz T.V., Samolovskikh N.V. Centralization of municipal powers in the sphere of urban development: towards a global discussion on the role of localism in territorial development management. Urban research and practice. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 21 – 37.
2. Bystrova T.Yu., Mazaev G.V. Formation of regular urban planning in Russia: the conflict of order and expressiveness. Academic Bulletin of UralNIIProekt RAASN. 2026. No. 1 (68). P. 9 – 15.
3. Vovk N.A. Systematization of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation using urban planning law as an example. Historical and practical justification for the need for systematization. Part I. Scientific journal. 2025. No. 4. P. 102.
4. Zaritsky M.V. Historical features of the formation and development of construction governance bodies in Russia. BBK 67ya431 Zh 714. Editorial board: GE Adygezalova, Doctor of Law, Assoc. Prof., Head of the Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution. 2024. P. 135.
5. Markova O.N. Historical settlements as a heritage category: the problem of identifying and preserving value in the context of urban development. Cultural Studies Journal. 2025. No. 3 (61). P. 83 – 91.
6. Raev Yu.V. Academia. Architecture and Construction. Academia. Architecture and Construction Founders: Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. 2026. Vol. 2. No. 4. P. 66 – 75.
7. Raev Yu.V. Prerequisites for the Formation of the Country's Spatial Planning System. Academia. Architecture and Construction. 2025. No. 4. P. 66 – 75.

8. Rozhnov S.N. Legal Support for Territorial Planning of Populated Areas in the USSR in the 1920s – 1930s. Bulletin of Udmurt University. Series: “Economics and Law”. 2025. Vol. 35. No. 3. P. 514 – 518.

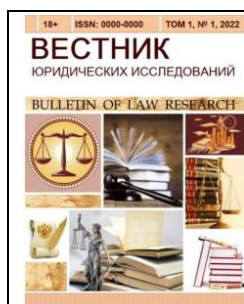
9. Spirin P.P. Transformations of Russian Urban Planning. Academia. Architecture and Construction. 2025. No. 1. P. 102 – 110.

10. Shvidkovsky D.O., Mityagin S.D., Spirin P.P. Urban development of Russia: historical features and patterns of spatial organization. Academia. Architecture and Construction. 2025. No. 2. P. 99 – 110.

Информация об авторе

Дудин В.Ю., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

© Дудин В.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 348.58

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-109-116

Правовые инструменты подавления ересей в раннехристианской церкви (I-V вв.)

¹ Силенков М.В.,

¹ Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: статья направлена на выявление и систематизацию правовых средств, которые использовались раннехристианской церковью для подавления ересей в I-V вв. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на наш взгляд, правовой компонент внутриконфессиональной борьбы в христианской церкви остается еще недостаточно изученным и поэтому требует дальнейшего изучения и юридического анализа, выявления и систематизации инструментов борьбы с инакомыслием в раннехристианском праве. Цель работы – разработать функциональную типологию конкретных правовых инструментов и обнаружить эволюцию церковных процедур от неформального осуждения до институционализированных соборных механизмов. На основе анализа постановлений Вселенских и поместных соборов, а также римского права периода империи, в частности Кодекса Феодосия, методами историко-правового анализа, формально-догматического метода и правового моделирования выделены четыре группы инструментов, а именно: превентивно-контрольные, процессуальные, карательно-изоляционные и реабилитационные. Показано, что к V веку в церковной практике складывается определенный и устойчивый механизм, сочетающий черты римского судебного процесса и квазисудебной соборной процедуры, который обеспечивал с одной стороны церковное осуждение, и с другой поражение в гражданских правах осужденного еретика. Также уделено внимание двойственной природе анафемы: из изначально только религиозной санкции она постепенно эволюционирует в основание и для светских санкций. В статье сделан вывод о формировании особого церковного правового инструментария, который направлен на институциональное укрепление позиций ортодоксальной церкви.

Ключевые слова: раннехристианская церковь, ереси, правовые инструменты, типология правовых средств, соборное правосудие, каноническое право, ортодоксия, церковная юрисдикция

Для цитирования: Силенков М.В. Правовые инструменты подавления ересей в раннехристианской церкви (I-V вв.) // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 109 – 116. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-109-116

Поступила в редакцию: 18 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Legal instruments for the suppression of heresies in the early Christian church (I-V centuries)

¹ Silenkov M.V.,

¹ Saratov State Law Academy

Abstract: the article is devoted to identifying and systematizing the legal means used by the early Christian church to suppress heretical teachings in the 1st–5th centuries. The relevance of the study stems from the insufficient legal analysis of the instruments for combating dissent in early Christian law. The aim is to develop a functional typology of legal instruments and to trace the evolution of ecclesiastical procedures from informal condem-

nation to institutionalized conciliar mechanisms. Drawing on the canons of Ecumenical and local councils as well as imperial legislation (Codex Theodosianus), the study employs historical-legal analysis, the formal-dogmatic method, and legal modeling. Four groups of instruments are distinguished: preventive-controlling, procedural, punitive-isolative, and rehabilitative. For the first time, it is shown that by the 5th century a stable mechanism had formed, combining elements of Roman judicial procedure and quasi-judicial conciliar process, which ensured not only ecclesiastical condemnation but also the deprivation of civil rights of the convicted heretic (loss of rights to bequeath, inherit, and assemble). Special attention is paid to the dual nature of anathema: from a sacral sanction it transformed into a ground for secular legal disabilities. The conclusion is made about the formation of a specific ecclesiastical legal toolkit aimed at monopolizing normative interpretation and institutionally strengthening orthodoxy.

Keywords: early Christian church, heresies, legal instruments, typology of legal means, conciliar justice, canon law, orthodoxy, ecclesiastical jurisdiction

For citation: Silenkov M.V. Legal instruments for the suppression of heresies in the early Christian church (I-V centuries). Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 109 – 116. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-109-116

The article was submitted: April 18, 2026; Approved after reviewing: May 16, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Изучение истории христианской церкви в значительной степени сосредотачивалось преимущественно на богословских и догматических аспектах конфликтов между ортодоксальной церковью и ересями. Однако важно понимать, что победа ортодоксального направления была обеспечена целым рядом факторов, среди которых и целенаправленное применение правовых механизмов, позволявших институционально закрепить границы допустимого и эффективно подавлять инакомыслие. Данный правовой инструментарий, сформировавшийся в I-V веках, ещё не получил должного систематического теоретико-правового анализа: в научной литературе средства борьбы с ересями обычно перечисляются довольно разрозненно, без чёткой классификации и без выявления их внутренней юридической логики.

Устоявшаяся историографическая парадигма, восходящая к трудам В. Бауэра [1], тем не менее указывает на весьма значимую, если не решающую, роль организационных и политических ресурсов римской кафедры и поддержки имперских властей в победе ортодоксальной церкви над ересями. Данная позиция получила развитие в работах Б. Эрмана [2] и Г. Чедвика [3], а в отечественной науке – в исследованиях таких ученых как А.Д. Пантелеева [5] и Е.В. Афонасина [6], посвящённых социальному и интеллектуальному контексту противостояния гностицизма и формирующейся церковной иерархии. Нисколько не отрицая значимости данных подходов, необходимо констатировать, что собственно правовой аспект внутриконфессиональной борьбы остаётся на периферии внимания: процессуальные механизмы соборного осуждения, типология канонических санкций и их соотношение со светским законодательством изучены недостаточно полно и системно. И в результате теряется важнейшее измерение данного процесса – формирование в раннехристианской церкви особого правового порядка, в рамках которого догматические споры разрешались через вполне формализованные процедуры, и церковное наказание приобретало характер юридического факта, порождающего последствия как в каноническом, так и в светском праве.

Цель настоящей статьи – восполнение указанного пробела и разработка функциональной типологии правовых инструментов подавления еретических учений в I-V веках, и также исследование эволюции механизмов их применения от неформального осуждения до институционально определенных соборных процедур. Для достижения данной цели нами поставлены следующие основные задачи: (1) выделить и описать функциональные группы правовых средств – превентивно-контрольные, процессуальные, карательно-изоляционные и реабилитационные; (2) на материале деяний Вселенских и поместных соборов проанализировать процедуру соборного разбирательства как квазисудебного процесса, сочетающего с одной стороны элементы римского судопроизводства и церковной прецедентной практики с другой; (3) раскрыть двойственную правовую природу анафемы, показав, как из чисто религиозной санкции она трансформировалась в основание для ограничения правоспособности осуждённого еретика [4; 10].

Методологической основой работы являются историко-правовой анализ, формально-догматический метод толкования канонических текстов, сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования, использованный при построении типологии. Источниками для исследования стали каноны Вселенских (Никейского 325 г., Константинопольского 381 г., Эфесского 431 г., Халкидонского 451 г.) и поместных

соборов, положения Кодекса Феодосия [10], и также свидетельства некоторых раннехристианских авторов – Иринея Лионского, Тертуллиана, Евсевия Кесарийского, отражающие дисциплинарную практику церкви [5; 6].

Материалы и методы исследований

Источниковая база исследования охватывает три группы памятников, позволяющих реконструировать нормативное содержание правовых инструментов и практику их применения в I-V вв.

Первую группу составляют каноны Вселенских и поместных соборов. К анализу привлечены правила Никейского (325 г.), Константинопольского (381 г.), Эфесского (431 г.) и Халкидонского (451 г.) соборов, и также ряда поместных соборов (Лаодикийского, Сардикийского и др.), вошедших в общепризнанные своды канонического права [11, с. 45-320]. Именно данные тексты фиксируют превентивно-контрольные (установление канона священных книг, утверждение Символов веры), процессуальные (правила созыва и проведения соборов) и карательные нормы (анафема, низложение). Их дополняют «Деяния» Вселенских соборов, в особенности Эфесского и Халкидонского, содержащие протоколы разбирательств, прений и голосований. Эти источники проанализированы с опорой на работу С. Пршибыла, в которой впервые подробно рассмотрены дисциплинарные процедуры ранней Церкви [7].

Вторую группу образует императорское законодательство, прежде всего Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus, книга 16). Данный памятник, составленный ок. 438 г., включает императорские конституции, определившие правовой статус церкви и меры против еретиков после Фессалоникийского эдикта 380 г. [10]. Анализ именно тех титулов, которые касаются еретиков, манихеев и донатистов, позволяет установить, как церковная анафема коррелировала с поражением в гражданских правах, и также проследить усиление репрессивного законодательства вплоть до приравнивания ереси к государственной измене [4].

Третью группу составляют свидетельства раннехристианских авторов: Иринея Лионского («Против ересей»), Тертуллиана («О прескрипции против еретиков») и Евсевия Кесарийского («Церковная история»). Данные сочинения привлекаются не столько в богословском, но именно в историко-правовом ключе: они показывают, как мыслилась сама категория «ереси», какими аргументами обосновывалось исключение диссидентов из общины и на какие канонические процедуры ссылались современники [6, с. 210-340; 7].

В данном случае сочетание канонического права, светского законодательства и нарративных памятников даёт нам возможность рассмотреть правовой инструментарий раннехристианской церкви одновременно изнутри (через нормы и процедуры) и извне (через восприятие современников и реакцию государства).

Методологическая стратегия исследования обусловлена его основной целью: мы не стремились лишь просто описать разрозненные средства борьбы с ересями, но хотели выявить их внутреннюю правовую логику и обозначить системность. Для этого используются четыре взаимодополняющих метода.

Историко-правовой анализ выступает фундаментальным методом. Он позволяет нам проследить эволюцию правовых инструментов во времени: от неформального осуждения лжеучителей в апостольских общинах I–II вв. до формализованных соборных процедур и имперских законов V века. В исторической динамике становится видно, как сакральные санкции обретают характер юридических фактов, а церковный процесс сближается с элементами римского судопроизводства.

Формально-догматический метод применяется для толкования текстов канонов и императорских конституций. Он необходим нам, чтобы установить точное значение таких нормативных конструкций, как «ὄρος» (вероопределение), «ἀνάθεμα» (анафема), «ἀκοινώνητος» (отлучённый), выявить их внутреннюю структуру и юридические последствия. Без такого анализа невозможно отграничить, например, анафему как сакральное проклятие от анафемы как правовой санкции, влекущей поражение в правах [11, с. 280-310; 10].

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления соборной процедуры с элементами римского формулярного процесса. Стадии церковного разбирательства (принесение обвинения, вызов ответчика, исследование доказательств, прения, голосование, оглашение приговора) структурно воспроизводят римскую судебную модель, не будучи, однако, её прямой рецепцией. Такое сравнение позволяет охарактеризовать собор как квазисудебный орган, легитимность которого опиралась не на светский закон, а на авторитет собравшихся епископов и прецедентную силу предшествующих соборных решений [7].

Наконец, метод правового моделирования использован для построения нами авторской классификации правовых инструментов. Поскольку ни в канонических текстах, ни в исследовательской литературе не существует заранее заданной типологии средств подавления ереси, потребовалось сконструировать аналитическую модель, группирующую нормы по функциональному критерию: превентивно-контрольные, процес-

суальные, карательно-изоляционные и реабилитационные. Эта модель не только упорядочивает эмпирический материал, но и делает зримой внутреннюю системность церковного правового инструментария.

Комбинация перечисленных методов обеспечивает решение всех трёх задач исследования – от типологии средств до анализа соборного процесса и правовой природы анафемы.

Результаты и обсуждения

Полученные результаты целесообразно представить в логике трёх основных исследовательских задач: сначала дать авторскую функциональную типологию правовых инструментов подавления ересей, затем проанализировать соборную процедуру как квазисудебный механизм, и наконец – раскрыть двойственную правовую природу анафемы, показав её эволюцию из сакральной санкции в основание светских правоограничений.

Предпринятый анализ канонов Вселенских и поместных соборов, а также сопутствующих дисциплинарных норм позволяет нам утверждать, что арсенал правовых средств, которым раннехристианская церковь отвечала на распространение еретических учений, вовсе не был набором разрозненных санкций. Напротив, в нём прослеживается внутренняя логика, соответствующая основным функциям правового регулирования: предупреждение нарушений, процессуальное разбирательство, наказание и исправление. Исходя из этого, мы предлагаем типологию правовых инструментов, объединяющую их в четыре функциональные группы: превентивно-контрольные, процессуальные, карательно-изоляционные и реабилитационные. Ни в канонических текстах, ни в современных исследованиях такая классификация ранее не формулировалась.

Превентивно-контрольные инструменты были направлены на то, чтобы ещё до возникновения конкретного конфликта установить чёткие границы ортодоксального вероучения и тем самым лишить потенциальных оппонентов легитимной нормативной базы. Ключевым актом такого рода стало формирование закрытого канона Священного Писания, зафиксированное, в частности, 60-м правилом Лаодикийского собора (ок. 360 г.), которое перечисляет признанные книги и фактически запрещает чтение в церкви текстов, не вошедших в этот перечень [12, с. 210]. Не менее важной была кодификация догматических формул в виде Символов веры (Никейский Символ 325 г., Константинопольский Символ 381 г.). С правовой точки зрения Символ веры выполнял роль нормативного акта высшей силы: всякое учение, ему противоречащее, *ipso facto* объявлялось неправовым в рамках церковного правопорядка. Наконец, существовал общий запрет на самовольное проповедование и толкование Писания, грозивший анафемой всякому, кто учит без епископского поставления или соборного одобрения (ср. Апостольские правила 14, 15 и 34) [12, с. 28-35]. Таким образом, церковь монополизировала не только отправление культа, но и право нормативного толкования священных текстов.

Процессуальные инструменты обеспечивали формализованный порядок рассмотрения обвинений в ереси и вынесения суждения. Уже в III-IV вв. вырабатываются подробные правила созыва соборов, представительства епископов, заслушивания сторон и принятия решений. Наиболее ярко эти процедуры видны в деяниях III Вселенского (Эфесского) собора 431 г. и IV Вселенского (Халкидонского) собора 451 г. Изучение данных памятников [13] показывает, что соборное разбирательство включало следующие обязательные стадии: 1) оглашение обвинительного акта (изложение неправого учения с цитатами из сочинений обвиняемого); 2) вызов ответчика (закреплённый в правилах трехкратный призыв явиться на собор: «да представит»); 3) исследование доказательств – свидетельств из Писания, творений признанных отцов церкви и предшествующих соборных решений; 4) прения и голосование епископов; 5) вынесение приговора – вероопределения (ῥοσ) и определения санкции (низложения, отлучения, анафемы). Как видим, эта процедура структурно воспроизводит основные элементы классического судебного процесса, что позволяет охарактеризовать её как процессуальный инструмент в строгом смысле слова.

Карательно-изоляционные инструменты образывали ядро репрессивного арсенала церкви. К ним относились: анафема (ἀνάθεμα) – полное отлучение от церковного общения с объявлением осуждённого «преданным сатане»; низложение из сана – лишение священного степени (ἀργία); отлучение – временный или пространственный запрет участвовать в евхаристии; а также дополнительные меры, появляющиеся в позднеримский период, – запрещение собраний, лишение права на церковное погребение и даже ограничение общения с христианами. Уже 5-е правило Никейского собора предписывает отлучать клириков и мирян, виновных в противоканонических действиях [12, с. 52], а 13-е правило требует напутствовать умирающих Святыми Дарами, что подразумевало возможность и обратного – лишения дара ввиду ереси. Карательные меры носили не только морально-религиозный, но и ярко выраженный правовой характер, ибо изменяли статус лица в церковном коллективе, лишая его определённых прав.

Реабилитационные инструменты дополняли карательную систему, демонстрируя, что церковь не отказывалась от идеи возвращения заблудшего. Наиболее известный пример – чин приёма кающихся еретиков, урегулированный 8-м правилом Никейского собора, которое предписывало принимать обращающихся новатиан через исповедание веры и возложение рук [12, с. 55-57]. Аналогично 7-е правило Лаодикийского собора определяет условия приёма фригов (монтанистов). Здесь же следует упомянуть принцип «экономии» (οἰκονομία) – возможность пастырского снисхождения при смягчающих обстоятельствах. Наличие реабилитационной группы подчёркивает, что правовая система ранней церкви не была исключительно репрессивной, но содержала механизмы восстановления статуса и общения.

Предложенная типология впервые систематизирует канонический материал по юридико-функциональному критерию и позволяет увидеть в церковных нормах целостную правовую систему, а не случайный набор дисциплинарных мер. Дальнейший анализ должен показать, как эти инструменты работали в конкретных исторических условиях и как они взаимодействовали с государственным правом.

Выделение процессуальных инструментов в отдельную категорию требует более детального рассмотрения природы соборного разбирательства. Традиционный взгляд на Вселенские соборы как на вероучительные органы не раскрывает их роли как институтов церковного правосудия. Между тем анализ их деяний обнаруживает поразительное структурное сходство с римским судебным процессом, причём сходство это не случайно: церковные иерархи IV-V вв., будучи выходцами из римской элиты или получив риторическое образование, хорошо знали принципы римского судопроизводства и часто воспроизводили их в церковной практике.

Рассмотрим процедуру III Вселенского собора в Эфесе (431 г.), осудившего патриарха Константинопольского Нестория. Собор был создан по инициативе александрийского папы Кирилла и по указу императора Феодосия II. Кирилл и его сторонники, прибыв в Эфес, немедленно приступили к слушанию. Обвинительный акт состоял в том, что Несторий якобы «отвергает единство ипостаси Христа» и следовательно отвергает Никейский Символ [13, с. 67-85]. Этот акт был оглашён перед собравшимися епископами – точно так же как в римском суде оглашалась формула иска (litis contestatio). Далее, как и в римском процессе, последовал вызов ответчика: к Несторию трижды направляли делегацию с официальным приглашением явиться (conventio). Несторий, однако, сослался на неполное количество прибывших епископов и отказался предстать перед судом. Тогда собор, подобно судье, приступающему к заочному разбирательству (in contumaciam), перешёл к исследованию доказательств. Были зачитаны выдержки из проповедей Нестория, свидетельства из Писания о единстве Лиц в Христе, а также предшествующие соборные постановления (прецеденты) – в том числе Никейский Символ и правила I Никейского собора [13, с. 98-112]. Затем состоялось голосование, при котором большинство епископов (более 150) высказались за низложение, и был оглашён приговор: «Господь Иисус Христос ... устами сего святого собора определяет лишить Нестория епископского сана и отлучить его от церковного общения» [13, с. 120]. Формулировка приговора звучала как судебное решение, исходящее от имени Бога через собор – почти как в римской практике, где судья выносил приговор от имени императора.

Сравнение с римским формулярным процессом (ordo iudiciorum privatorum) показывает, что основными стадиями последнего были: in iure (преторская фаза – установление формулы и назначение судьи) и apud iudicem (судебное разбирательство и вынесение решения) [8, с. 106-107]. В соборном процессе функцию претора выполняло императорское созывание (указ о соборе) и первые организационные сессии, а также обращение к правилам (канонам) как к нормативам. Сама же процедура слушания (оглашение обвинения, заслушивание свидетелей и доказательств, прения) происходила apud iudicem, где роль судьи выполнял коллективный орган – епископат. Принципиальное отличие состояло в том, что легитимность соборного решения опиралась не на светский закон, а на авторитет собравшихся и на прецедентную силу предыдущих соборных деяний, что придавало церковному правосудию характер прецедентного права, близкого к практике римского сената или императорских консисторий [7].

Именно эта прецедентность, а не наличие писаного кодекса, обеспечивала устойчивость системы. Осуждение Нестория стало прецедентом, на который ссылались все последующие соборы, включая Халкидонский. Подчеркнём: к V веку мы видим уже не харизматическое отторжение, а именно юридическую процедуру, которая с полным основанием может быть названа церковным судопроизводством. Это свидетельствует о высокой степени институционализации церкви и её способности создавать собственные правовые механизмы, во многом независимые от римского государства, хотя и взаимодействующие с ним.

Двойственная правовая природа анафемы: от сакральной санкции к инструменту лишения правоспособности.

Наиболее ярко синтез церковного и светского права проявился в эволюции института анафемы. Первоначально, в апостольскую эпоху, ἀνάθεμα означала «отлучённый, преданный суду Божию» и не имела формальных гражданских последствий (ср. Гал 1:8, где говорится об анафеме как о «предании сатане во измождение плоти»). Однако после превращения христианства в государственную религию (эдикт Феодосия I 380 г.) ситуация кардинально меняется.

Анализ титулов Кодекса Феодосия, посвящённых еретикам (главным образом CTh 16.5), показывает, что императорское законодательство постепенно приравнивает церковную анафему к основанию для поражения в гражданских правах. Уже в конституции 381 г. (CTh 16.5.6) провозглашается, что еретические собрания незаконны, а их священники лишаются иммунитетов. Однако решительный сдвиг происходит при Феодосии II. Законы 407-415 гг. (CTh 16.5.40, 16.5.46, 16.5.51) прямо лишают осуждённых еретиков права завещания (*testamenti factio*), права наследования, права делать дарения, права находиться на государственной службе и даже права владеть рабами-христианами [10]. Более того, новелла 428 г. объявляет еретические соборы государственным преступлением, а еретиков – «нечестивцами», чьё существование нетерпимо [4].

Таким образом, церковная анафема приобретает двойственную правовую природу. С одной стороны, она остаётся сакральной санкцией, отлучающей от тела Церкви и таинств. С другой стороны, она становится юридическим фактом, автоматически запускающим механизм светских правоограничений: как только собор или епископ провозглашал кого-либо анафематствованным, это решение служило основанием для запрета на профессию, лишения имущественной правоспособности, изгнания, а в некоторых случаях – конфискации имущества. Тем самым церковное осуждение оказывалось сопряжённым с гражданской смертью (*capitis deminutio media*) – феномен, не имеющий прямых аналогов в классическом римском праве, где сакральные и светские юрисдикции были разделены.

Особо показательна практика приравнивания ереси к *crimen laesae maiestatis* (государственной измене), окончательно закреплённая при Феодосии II [4]. Гностические течения, такие как манихеи, попали под действие этого законодательства одними из первых: их сборы объявлялись «противными римской власти», а членство – преступлением. В этом контексте анафема, произнесённая церковью, выступала не просто как религиозное проклятие, но как юридическая квалификация деяния, проводимая религиозным органом и имеющая обязательную силу для государственного аппарата. С формально-правовой точки зрения это означало, что церковное право стало публичным, а церковная юрисдикция – частью публичного порядка империи.

Связь этого процесса с тезисом В. Бауэра о решающей роли римской кафедры и государственной поддержки вполне очевидна, но наш анализ позволяет уточнить её. Политический ресурс был важен не сам по себе, а именно потому, что он облекался в правовые формы. Церковь не просто получала покровительство императора – она инкорпорировала светские правовые механизмы в собственный канонический строй, превратив анафему в инструмент, за которым стояла мощь имперского принуждения. Это объясняет, почему гностические общины, изначально широко распространённые и пользовавшиеся влиянием [5; 6], практически исчезли к концу V века: они оказались лишены не только возможности легального отправления культа, но и экономической и гражданской правосубъектности.

Таким образом, представленные результаты демонстрируют, что система правовых инструментов раннехристианской церкви была не просто реакцией на отдельные еретические вызовы, а продуманным комплексным механизмом, в котором превентивный контроль, судопроизводство, карательные санкции и даже реабилитация работали на единую цель – институциональное укрепление ортодоксальной церкви и её правовое доминирование. Анализ соборного процесса выявил его квазисудебный характер, основанный на прецеденте, а исследование анафемы показало, как церковное наказание обрело двойную силу, превратившись в инструмент светской дискриминации еретиков. Всё это позволяет утверждать, что правовые средства были не вспомогательным, а по крайней мере одним из ключевых факторов победы ортодоксального направления, что дополняет и юридически конкретизирует классический исторический тезис [1; 3].

Выводы

Проведённое исследование позволило получить следующие основные научные результаты.

Была разработана функциональная типология правовых инструментов, использовавшихся раннехристианской церковью для подавления еретических учений. Выделены и содержательно охарактеризованы четыре группы средств: превентивно-контрольные (фиксация канона Писания, утверждение Символов веры как нормативных актов, запрет самовольного учительства), процессуальные (правила созыва и проведения соборов, процедура заслушивания, прений, голосования и вынесения приговора), карательно-изоляционные

(анафема, низложение из сана, отлучение, а в позднейший период – лишение гражданских прав) и реабилитационные (чин приёма кающихся еретиков, принцип «экономии»). Данная классификация позволяет впервые увидеть в разрозненных канонических постановлениях внутренне цельную систему церковного правового реагирования.

На материале деяний Вселенских соборов (прежде всего III Вселенского, Эфесского 431 года) установлено, что соборное разбирательство обвинений в ереси уже к V веку приобрело устойчивые черты судебного процесса. Выявлены структурные соответствия между стадиями церковного суда и элементами римского формулярного процесса: от оглашения обвинительного акта и вызова ответчика до прений, голосования и публичного объявления приговора. Показано, что легитимность соборных решений опиралась не на кодифицированный закон, а на авторитет епископата и прецедентную силу предшествующих соборных деяний, что придаёт церковному правосудию характер прецедентного права. Тем самым доказано существование в ранней церкви особого процессуального механизма – соборного квазисудебного производства.

Раскрыта двойственная правовая природа анафемы. На основе анализа Кодекса Феодосия показано, что с конца IV века церковная анафема трансформируется из сакральной санкции в юридический факт, автоматически влекущий за собой поражение осуждённого в гражданских правах: лишение права завещания, наследования, дарений, занятия государственных должностей, а в ряде случаев – изгнание и конфискацию имущества. Законодательство Феодосия II окончательно приравнивает ересь к государственной измене, что делает церковное осуждение основанием для применения мер публичного права. Таким образом, анафема приобрела характер публично-правовой санкции, а церковная юрисдикция оказалась инкорпорированной в систему имперского правопорядка.

Общий итог исследования состоит в том, что правовые инструменты подавления ереси представляли собой не вспомогательный, а, по крайней мере, значимый фактор институциональной победы ортодоксального направления. Церковь не была пассивным бенефициаром государственной поддержки: она создала собственную функциональную систему превентивного контроля, процессуального разбирательства, карательных и реабилитационных мер, а в союзе с империей – преобразовала свои санкции в инструменты поражения гражданской правоспособности инакомыслящих. Это юридически конкретизирует классический тезис В. Бауэра [1] о решающей роли организационного и политического ресурса в становлении ортодоксии и открывает перспективу для дальнейших сравнительно-правовых исследований механизмов взаимодействия религиозных и светских юрисдикций в позднеантичном мире.

Список источников

1. Bauer W. *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity* / translated by a team from the Philadelphia Seminar on Christian Origins ; edited by R. A. Kraft, G. Krodel. 2nd German ed. Philadelphia : Fortress Press, 1971. 326 p. ISBN 0-8006-0055-0.
2. Ehrman B.D. *Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew*. New York: Oxford University Press, 2003. 294 p. ISBN 978-0-19-514183-2.
3. Chadwick H. *Heresy and Orthodoxy in the Early Church*. Aldershot: Variorum, 1991. 322 p. (Collected studies series; CS342). ISBN 0-86078-294-0.
4. Лер В. Изменчивый образ инакомыслия: ересь в раннехристианский период // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II, История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 9 – 27.
5. Пантелеев А.Д. «Я не признаю власти века сего»: мученики и Римская империя // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 1. С. 12 – 37.
6. Афонасин Е.В. Античный гностицизм: фрагменты и свидетельства. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2002. 368 с. (Библиотека христианской мысли. Источники). ISBN 5-89740-082-9.
7. Příbyl S. *Disciplinary Procedures in the Early Church* // *Biuletyn Stowarzyszenia Kanonistów Polskich*. 2024. Vol. XXXIV. No. 37. P. 211 – 226.
8. Серегин А.В. Гностический взгляд на этику светского права и догматику религиозного закона // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8. № 3 (35). С. 104 – 114.
9. Левицкий В.С. Социология смысла: роль церкви в противостоянии гностицизма и ортодоксии как онтологических парадигм // Религиоведение. 2021. № 2. С. 5 – 16.
10. Сильвестрова Е.В. Первый титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия. Введение, перевод, комментарий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I, Богословие. Философия. 2009. Вып. 2 (26). С. 7 – 20.

11. Цыпин В.А., протоиерей. Курс церковного права: учебное пособие / Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. Клин: Христианская жизнь, 2002. 703 с.
12. Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. Москва: Сибирская Благовонница, 2019. 784 с. ISBN 978-5-91362-497-0.
13. Деяния Вселенских Соборов: в 2 т. / под ред. Казанской духовной академии. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2020. Т. 2. 646 с. ISBN 5-88335-165-8.

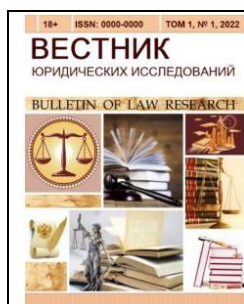
References

1. Bauer W. Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity. translated by a team from the Philadelphia Seminar on Christian Origins; edited by R. A. Kraft, G. Krodel. 2nd German ed. Philadelphia: Fortress Press, 1971. 326 p. ISBN 0-8006-0055-0.
2. Ehrman B.D. Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew. New York: Oxford University Press, 2003. 294 p. ISBN 978-0-19-514183-2.
3. Chadwick H. Heresy and Orthodoxy in the Early Church. Aldershot: Variorum, 1991. 322 p. (Collected studies series; CS342). ISBN 0-86078-294-0.
4. Ler V. The Changing Image of Dissent: Heresy in the Early Christian Period. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series II, History. History of the Russian Orthodox Church. 2014. Issue 4 (59). P. 9 – 27.
5. Panteleev A.D. "I Do Not Recognize the Authority of This Age": Martyrs and the Roman Empire. State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2022. Vol. 40. No. 1. P. 12 – 37.
6. Afonasin E.V. Ancient Gnosticism: Fragments and Testimonies. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2002. 368 p. (Library of Christian Thought. Sources). ISBN 5-89740-082-9.
7. Příbyl S. Disciplinary Procedures in the Early Church. Biuletyn Stowarzyszenia Kanonistów Polskich. 2024. Vol. XXXIV. No. 37. P. 211 – 226.
8. Seregin A.V. Gnostic View of the Ethics of Secular Law and the Dogmatics of Religious Law. Economy. Law. Society. 2023. Vol. 8. No. 3 (35). P. 104 – 114.
9. Levitsky V.S. Sociology of Meaning: The Role of the Church in the Confrontation of Gnosticism and Orthodoxy as Ontological Paradigms. Religious Studies. 2021. No. 2. Pp. 5 – 16.
10. Sil'vestrova E.V. First Title of the Sixteenth Book of the Theodosian Code. Introduction, Translation, Commentary. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series I, Theology. Philosophy. 2009. Issue 2 (26). P. 7 – 20.
11. Tsy-pin V.A., Archpriest. Course of Church Law: A Study Guide. Round Table on Religious Education in the Russian Orthodox Church. Klin: Christian Life, 2002. 703 p.
12. Rules of the Holy Ecumenical Councils with Interpretations. Moscow: Sibirskaia Blagozvonitsa, 2019. 784 p. ISBN 978-5-91362-497-0.
13. Acts of the Ecumenical Councils: in 2 volumes. edited by the Kazan Theological Academy. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2020. Vol. 2. 646 p. ISBN 5-88335-165-8.

Информация об авторе

Силенков М.В., Саратовская государственная юридическая академия

© Силенков М.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.1:343.35

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-117-124

Антикоррупционная устойчивость правовой культуры как модель предупреждения коррупционного поведения

¹ Нырова Б.Р.,

¹ Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Аннотация: в статье рассматривается антикоррупционная устойчивость правовой культуры как теоретико-правовая модель предупреждения коррупционного поведения. Цель исследования состоит в обосновании такой модели через согласование правовых институтов, процедур контроля, профессиональной этики, правосознания и правового воспитания. Показано, что профилактика коррупции не может ограничиваться запретами, надзором и юридической ответственностью, поскольку долгосрочный эффект зависит от внутреннего принятия антикоррупционных требований как профессионального и ценностного стандарта. На основе анализа законодательства, официальной статистики, судебной практики и научных подходов выделены три взаимосвязанных уровня антикоррупционной устойчивости: институционально-правовой, функционально-защитный и ценностно-ориентационный. Обосновано, что первый уровень снижает коррупциогенность правовой среды, второй обеспечивает выявление и юридическую оценку нарушений, третий формирует неприятие коррупции и преодоление правового нигилизма. Практическое значение модели заключается в возможности ее применения при организации профилактической работы в органах публичной власти, образовательных организациях и служебных коллективах. Результаты исследования могут использоваться при разработке локальных антикоррупционных программ, обучающих материалов, служебных регламентов и критериев оценки эффективности профилактики коррупционных рисков.

Ключевые слова: правовая культура, антикоррупционная культура, антикоррупционная устойчивость, противодействие коррупции, коррупционное поведение, правосознание, профессиональная этика, конфликт интересов, правовое воспитание

Для цитирования: Нырова Б.Р. Антикоррупционная устойчивость правовой культуры как модель предупреждения коррупционного поведения // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 117 – 124. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-117-124

Поступила в редакцию: 19 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Anti-corruption resilience of legal culture as a model for preventing corrupt behavior

¹ Nyrova B.R.,

¹ Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract: the article examines the anti-corruption resilience of legal culture as a theoretical legal model for preventing corrupt behavior. The purpose of the study is to substantiate this model through the coordinated interaction of legal institutions, control procedures, professional ethics, legal consciousness and legal education. The article

argues that corruption prevention cannot be reduced to prohibitions, supervision and legal liability alone, because a long-term preventive effect depends on the internal acceptance of anti-corruption requirements as professional and value-based standards. The research is based on the analysis of Russian anti-corruption legislation, official statistics, judicial practice and scholarly approaches to legal culture, corruption and legal education. The author identifies three interconnected levels of anti-corruption resilience: institutional-legal, functional-protective and value-oriented. The first level reduces corruption risks in the legal environment, the second ensures detection and legal assessment of violations, and the third forms rejection of corruption and overcomes legal nihilism. The proposed model may be used for preventive work in public authorities, educational organizations and professional service communities.

Keywords: legal culture, anti-corruption culture, anti-corruption resilience, anti-corruption policy, corrupt behavior, legal consciousness, professional ethics, conflict of interest, legal education

For citation: Nyrova B.R. Anti-corruption resilience of legal culture as a model for preventing corrupt behavior. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 117 – 124. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-117-124

The article was submitted: April 19, 2026; Approved after reviewing: May 17, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Современное противодействие коррупции в Российской Федерации опирается на развитую систему нормативных запретов, ограничений, обязанностей, процедур контроля и мер юридической ответственности. Центральное значение имеет Федеральный закон «О противодействии коррупции», определяющий правовые рамки профилактики, урегулирования конфликта интересов, контроля и ответственности [1]. Однако устойчивость коррупционных практик показывает, что формального закрепления запретов недостаточно. Закон устанавливает границы допустимого поведения, но долгосрочный профилактический эффект зависит от того, воспринимаются ли антикоррупционные требования как внутренне обязательные, справедливые и связанные с публичным назначением власти. В 2024 г. выявлено 38,5 тыс. преступлений коррупционной направленности, в 2023 г. – 36,4 тыс., в первом квартале 2025 г. зарегистрировано 15,5 тыс. таких преступлений, что на 24 % выше аналогичного периода предыдущего года. Ущерб от коррупционных преступлений за 2024 г. оценивался в 30,4 млрд руб., а по делам коррупционной направленности было осуждено 21,7 тыс. лиц [3, 4]. При этом статистические показатели не исчерпывают оценку состояния коррупции – они отражают одновременно реальный уровень выявленных деяний, активность правоохранительных органов и латентность коррупционных практик. Поэтому для теоретико-правового анализа важна не только реакция на уже совершенное нарушение, но и способность правовой системы предупреждать условия, при которых коррупционное поведение становится устойчивой социальной практикой [17].

Современное понимание противодействия коррупции постепенно выходит за пределы модели, основанной только на запретах, санкциях и последующем реагировании. В научной и управленческой практике все большее значение придается публичной добросовестности, оценке коррупционных рисков, прозрачности процедур и состоянию антикоррупционной правовой культуры [18]. В таком контексте профилактика коррупции рассматривается как система мер, которые затрагивают не только правовое регулирование, но и организацию публичной деятельности, служебное поведение и ценностные основания исполнения полномочий [22].

Коррупция не исчерпывается уголовно-правовой или административно-правовой характеристикой. В более широком теоретико-правовом смысле она связана с использованием полномочий вопреки их публичному назначению, снижением доверия к институтам и ослаблением регулятивного значения правовой культуры. Поэтому антикоррупционная политика не может ограничиваться только усилением ответственности или расширением контрольных процедур. Эти меры необходимы, однако сами по себе они действуют главным образом как внешние ограничения поведения. В этом контексте антикоррупционная правовая культура выступает не дополнительным лозунгом, а условием долгосрочного предупреждения коррупционного поведения [23]. Цель статьи – обосновать антикоррупционную устойчивость правовой культуры как модель предупреждения коррупционного поведения.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, официальная статистика, материалы судебной практики и научные труды по

теории государства и права, правовой культуре, правосознанию, правовому воспитанию и коррупции как социально-правовому феномену. Нормативную основу составили положения Федерального закона «О противодействии коррупции», включая конструкции конфликта интересов, ограничений и запретов, требований к служебному поведению, контроля доходов и расходов и ответственности [1]. В части антикоррупционного обучения учитывались типовые программы повышения квалификации в области противодействия коррупции [2]. Эмпирические данные сформированы на базе официальных публикаций о количестве коррупционных преступлений, размере ущерба, структуре взяточничества и числе осужденных лиц. Теоретическая база исследования включает работы по общей теории государства и права, правовой культуре и правосознанию. Для раскрытия антикоррупционных механизмов, юридической ответственности и проблем латентности коррупции использованы современные исследования правовой системы и правоприменения. Вопросы антикоррупционного просвещения, профессиональной этики и формирования антикоррупционной культуры рассматриваются с опорой на труды об антикоррупционном воспитании и нравственно-правовых ценностях государственной службы. Для характеристики правоприменительного измерения использованы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. В международном блоке учтены подходы публичной добросовестности, управления коррупционными рисками, цифровизации и формирования антикоррупционной правовой культуры. Методологическую основу составили системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, аксиологический, статистический методы и метод теоретико-правового моделирования. Системный метод позволил рассмотреть антикоррупционную устойчивость как согласование нескольких уровней правового воздействия, формально-юридический – проанализировать категории коррупции, конфликта интересов и ответственности, аксиологический – раскрыть значение справедливости, публичного интереса и доверия к праву, статистический – интерпретировать данные о коррупционных преступлениях как индикатор, требующий сопоставления с качеством профилактики и правового воспитания.

Результаты и обсуждения

Правовая культура обладает самостоятельным антикоррупционным потенциалом. Он проявляется не в простом знании запретов и санкций, а в способности правовых знаний, ценностей, институтов и моделей поведения формировать устойчивое неприятие неправомерного использования публичного или служебного положения. В этом смысле правовая культура соединяет когнитивный, ценностный и поведенческий компоненты: понимание обязанностей и ограничений, восприятие коррупции как нарушения справедливости и доверия, а также готовность действовать правомерно даже при наличии возможности извлечь неправомерную выгоду. [6, 7]. В теории права правовая культура раскрывается как сложное явление, включающее уровень правовых знаний, качество правосознания, ценностное отношение к праву и устойчивые модели правомерного поведения. Поэтому ее антикоррупционный потенциал проявляется не только в информированности о запретах, но и в способности субъекта соотносить служебное поведение с требованиями публичного интереса и профессиональной ответственности [16].

Антикоррупционную устойчивость правовой культуры предлагается понимать как состояние правовой культуры, при котором правовые институты, служебные процедуры, правосознание, профессиональная этика и модели поведения препятствуют закреплению коррупционных практик и воспроизводят правомерные способы решения публично значимых вопросов. Данная категория не тождественна антикоррупционной правовой культуре – последняя описывает ценностно-нормативную среду, а устойчивость – механизм сопротивления коррупционным факторам. Ее структура включает три взаимосвязанных уровня. Первый – институционально-правовой: качество нормативного регулирования, определенность полномочий, прозрачность процедур, подотчетность, ограничение избыточной дискреции, антикоррупционная экспертиза, регламентация конфликта интересов и процедур контроля. Его задача – сделать коррупционное поведение затрудненным самой организацией правовой среды [12, 23]. Такой подход позволяет рассматривать противодействие коррупции как совокупность правовых, организационных и культурных средств. В этой системе юридическая ответственность выполняет не только карательную функцию. Она включена в более широкий механизм правового воздействия, поскольку через применение нормы формируется представление о допустимом и недопустимом поведении, о справедливости правовой реакции и доверии к праву [13]. На институциональном уровне особое значение имеет ограничение произвольного усмотрения. Чем точнее определены процедуры, критерии принятия решений и порядок документирования служебного выбора, тем меньше пространство для подмены публичного интереса частным. Поэтому предупреждение коррупционных факторов связано не только с установлением запретов, но и с качеством самой организации публичной

власти, включая прозрачность полномочий, внутренний контроль и управляемость коррупционных рисков [19].

Второй уровень можно определить как функционально-защитный. Он охватывает выявление, пресечение, расследование и судебную оценку коррупционных проявлений, применение мер ответственности, восстановление нарушенных имущественных и публичных интересов, а также устранение причин и условий правонарушения. Судебная и правоохранительная практика в этом случае обеспечивает правовую определенность по вопросам квалификации деяний, доказывания, разграничения взятки, коммерческого подкупа, посредничества, провокации и иных смежных составов [5]. Этот уровень делает коррупцию юридически рискованной и демонстрирует неизбежность правовой реакции. [17]. Функционально-защитный уровень важен не только как механизм наказания, но и как способ подтверждения реальности правовых запретов. Если нарушение выявляется, квалифицируется и получает правовую оценку, запрет перестает быть декларативным, а юридическая ответственность начинает выполнять регулятивную и воспитательную функцию [13].

Третий уровень имеет ценностно-ориентационный характер. Он включает правовое воспитание, антикоррупционное просвещение, профессиональную этику, служебную идентичность, уважение к праву и преодоление правового нигилизма. Если субъект воспринимает запреты только как внешнюю угрозу наказания, его поведение зависит от вероятности контроля. Когда же запрет коррупционного поведения принимается как профессиональный и нравственно-правовой стандарт, устойчивость правомерного поведения сохраняется и в ситуациях неполного внешнего наблюдения. [8]. Антикоррупционное просвещение и профессиональная этика должны формировать у будущих и действующих служащих не только знание составов правонарушений, но и устойчивую способность распознавать конфликт интересов, оценивать последствия неформальных практик и воспринимать публичное полномочие как обязанность действовать в интересах общества, а не как ресурс частного извлечения выгоды [10].

Рис. 1. Модель формирования антикоррупционной устойчивости правовой культуры.
Fig. 1. Model for the formation of anti-corruption sustainability of legal culture.

Представленная модель показывает, что антикоррупционная устойчивость формируется как результат согласованной работы нескольких направлений правового воздействия. Институционально-правовой уровень снижает коррупциогенность среды; функционально-защитный обеспечивает выявление и юридическую оценку нарушений; ценностно-ориентационный формирует внутреннее неприятие коррупционного способа действия. В совокупности они позволяют рассматривать коррупционное поведение как организационно затрудненное, юридически опасное и социально неприемлемое [22]. Модель показывает, что антикоррупционная устойчивость не сводится к сумме отдельных мер. Ее содержание ближе к подходу публичной добросовестности, при котором правила, внутренний контроль, управление рисками, прозрачность процедур и ценностная среда должны действовать согласованно. При разрыве между нормативными требо-

ваниями и практикой их исполнения профилактический эффект снижается, даже если формальные запреты закреплены достаточно подробно [19].

Статистические данные подтверждают необходимость комплексного подхода. Рост зарегистрированных коррупционных преступлений и значительная доля взяточничества показывают активность правоприменительной системы, но одновременно указывают на устойчивость соответствующих практик [3]. Число выявленных коррупционных деяний само по себе не позволяет сделать однозначный вывод об эффективности противодействия коррупции. Такой показатель может свидетельствовать как о распространенности соответствующих нарушений, так и о повышении активности органов, осуществляющих выявление и расследование. Поэтому при оценке антикоррупционной устойчивости необходимо учитывать не только статистику привлечения к ответственности, но и состояние профилактической работы, реальность возмещения ущерба, устранение организационных причин нарушения, уровень служебной дисциплины и качество антикоррупционного обучения [17]. Модель антикоррупционной устойчивости дает возможность рассматривать предупреждение коррупции на пересечении нескольких исследовательских подходов. Уголовно-правовой подход важен для квалификации деяния и определения пределов ответственности, однако он преимущественно обращен к уже совершенному нарушению. Институциональный подход позволяет анализировать процедуры, полномочия, контроль и распределение служебного усмотрения. Социологический подход обращает внимание на ожидания, доверие, профессиональные привычки и неформальные нормы поведения. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать коррупцию не только как нарушение правового запрета, но и как признак деформации института и ослабления публичного смысла полномочия [12]. Особое значение имеет преодоление правового нигилизма. Он проявляется не только в прямом отрицании закона, но и в бытовой рационализации коррупции: «иначе невозможно», «так принято», «это благодарность». Такие установки снижают моральную и правовую чувствительность к нарушению публичного интереса. Поэтому антикоррупционное просвещение должно не только сообщать сведения о составах правонарушений, но и учить распознавать конфликт интересов, оценивать последствия коррупции и понимать публичное назначение полномочий [10, 11]. Судебная практика выполняет в данной модели двойную функцию. С одной стороны, она обеспечивает реакцию на конкретные нарушения, определяет пределы ответственности и формирует единообразие квалификации. С другой – обладает воспитательным и коммуникативным значением, поскольку через судебные решения правовая система объясняет, какие действия недопустимы и почему нарушение служебного долга затрагивает публичный порядок. В этом аспекте постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 выступает инструментом правовой определенности [5]. Для целей антикоррупционной устойчивости судебная практика имеет значение не только как средство разрешения конкретного дела, но и как способ ограничения произвола в толковании полномочий. Чем яснее правовая система разграничивает допустимое усмотрение, конфликт интересов, злоупотребление и коррупционное поведение, тем выше предсказуемость правовой оценки и профилактическая роль судебной практики [15]. Образовательное и служебно-этическое обеспечение антикоррупционной устойчивости должно быть практико-ориентированным. В образовательных организациях антикоррупционное содержание целесообразно связывать с формированием профессионального правосознания, особенно у обучающихся по юридическим, управленческим, экономическим и государственно-служебным направлениям. Для действующих служащих важны разбор ситуаций конфликта интересов, процедур уведомления, вопросов подарков, совместительства, родственных связей, участия в закупках и взаимодействия с бизнесом. [14]. Для органов публичной власти модель может служить рамкой внутренней профилактики. Институционально она предполагает анализ локальных актов и процедур на коррупциогенные факторы, исключение неоправданной дискреции, цифровизацию и документирование значимых решений, прозрачность закупок и кадрового продвижения. Функционально она требует внутреннего контроля, служебных проверок, взаимодействия с правоохранительными органами и защиты лиц, сообщающих о нарушениях. Ценностно она ориентирует на поддержание профессиональной этики и нетерпимости к неформальным практикам [9].

Цифровизация публичного управления способна усиливать институционально-правовой уровень устойчивости за счет повышения прозрачности данных, автоматизации типовых процедур, снижения личного контакта при предоставлении услуг и выявления подозрительных паттернов поведения. Одновременно цифровые и алгоритмические решения не должны восприниматься как универсальная замена правовой культуре: они требуют контроля, прозрачных критериев и оценки новых рисков произвольного или дискриминационного применения [20]. Предложенная модель уточняет критерии оценки эффективности противодействия коррупции. Число выявленных преступлений, размер ущерба, количество осужденных лиц и объем арестованного имущества необходимы, но отражают преимущественно результат реагирования. Ан-

тикоррупционная устойчивость требует также оценки качества регулирования, прозрачности процедур, уровня контроля, распространенности конфликта интересов, антикоррупционного обучения, профессиональной этики и доверия к институтам [17]. Поэтому критерии эффективности противодействия коррупции должны включать не только показатели выявления и наказания, но и индикаторы качества процедур, управления коррупционными рисками, внутреннего контроля, антикоррупционного обучения, доверия к институтам и устойчивости профессионально-этических стандартов [18].

Практическое значение модели состоит в согласовании профилактики, контроля и воспитания. Без институционального уровня ценностные призывы декларативны; без функционально-защитного – запреты теряют убедительность; без ценностного – правоприменение становится преимущественно репрессивным. Устойчивость возникает при сочетании нормативной определенности, эффективной правовой реакции и ценностной поддержки права.

Выводы

Антикоррупционная устойчивость правовой культуры представляет собой модель предупреждения коррупционного поведения как комплексного процесса. Она не исчерпывается ответственностью, а включает институциональное проектирование правовой среды, функциональное реагирование на нарушения и ценностное формирование правосознания.

Исследование показало, что устойчивость раскрывается через три уровня: институционально-правовой, обеспечивающий ясность процедур и снижение коррупциогенных возможностей; функционально-защитный, гарантирующий выявление и юридическую оценку нарушений; ценностно-ориентационный, формирующий внутреннее неприятие коррупции. Их согласованное действие делает коррупционное поведение наказуемым, организационно затрудненным, профессионально недопустимым и ценностно отвергаемым. [22]. Тем самым предложенная модель соотносится с современным пониманием антикоррупционной политики как сочетания контроля, институционального проектирования и формирования правовой культуры, где долгосрочный эффект достигается не столько страхом наказания, сколько устойчивостью правомерного поведения и неприятия коррупционных практик [23]. Перспективы дальнейшей разработки связаны с критериями измерения антикоррупционной устойчивости для публичного управления, образовательных организаций и правоохранительных органов. Они должны учитывать статистику, судебную практику, качество локального регулирования, профилактическую работу, антикоррупционную подготовку, предотвращение конфликта интересов и устойчивость профессиональных стандартов.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
2. Приказ Минтруда России от 31.05.2022 № 331н «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ повышения квалификации в области противодействия коррупции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426340/ (дата обращения: 28.03.2026)
3. Статистические данные [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 28.03.2026)
4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 28.03.2026)
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 28.03.2026)
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 10-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 528 с.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Дело РАНХиГС, 2024. 528 с.
8. Мохоров Д.А. Теоретические и практические основы антикоррупционного просвещения: монография. – Андижан; СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 188 с.
9. Мохоров Д.А., Долженкова Е., Минкина М.В. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государственных институтов // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 95 – 98.

10. Биек А.В., Повзун В.Д. Формирование антикоррупционной культуры будущего государственного и муниципального служащего в условиях высшей школы с помощью интеграции нормативно-правовых и ценностно-нравственных компонентов образовательного процесса // Профессиональное образование и воспитание. 2025. Т. 10. № 9. С. 1461 – 1468. DOI 10.30853/ped20250175
11. Головин А.Ю., Бугаевская Н.В. Антикоррупционное просвещение в системе мер предупреждения коррупции на современном этапе // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 311 – 319.
12. Малько А.В. Антикоррупционные механизмы в правовой системе России // Право и политика. 2021. № 8. С. 34 – 47. DOI 10.7256/2454-0706.2021.8.36789
13. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Реализация юридической ответственности в правосознании и правовой культуре // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 5 – 18. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18
14. Сальников М.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Борисенко О.М. Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 234 – 250. DOI 10.47905/MATGIP.2024_1_35_234
15. Харитонов Л.А. Между интерпретационной свободой и произволом: суд на краю фронта // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 305 – 329.
16. Честнов И.Л. Правовая культура с позиций постклассической методологии // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 139 – 141.
17. Шаманский Д.А. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации: основные причины проблем правоприменения и латентности // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 1. С. 19 – 23. DOI 10.18572/1813-1247-2025-1-19-23
18. OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI 10.1787/968587cd-en. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2024_968587cd-en.html (дата обращения: 28.03.2026)
19. OECD. Public Integrity Indicators [Electronic resource]. URL: <https://oecd-public-integrity-indicators.org/> (дата обращения: 28.03.2026)
20. Santiso C. Govtech against corruption: what are the integrity dividends of government digitalization? // Data & Policy. 2022. Vol. 4. Article e39. DOI 10.1017/dap.2022.31
21. Köbis N., Starke C., Rahwan I. The promise and perils of using artificial intelligence to fight corruption // Nature Machine Intelligence. 2022. Vol. 4. P. 418 – 424. DOI 10.1038/s42256-022-00489-1
22. Mugellini G., Della Bella S., Colagrossi M., Isenring G.L., Killias M. Public sector reforms and their impact on the level of corruption: a systematic review // Campbell Systematic Reviews. 2021. Vol. 17. № 2. Article e1173. DOI 10.1002/cl2.1173.
23. Syah K., Malik A. Building an anti-corruption legal culture // International Journal of Criminology and Sociology. 2021. Vol. 10. P. 1523 – 1532. DOI 10.6000/1929-4409.2021.10.174

References

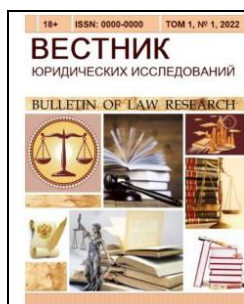
1. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part I). Art. 6228.
2. Order of the Ministry of Labor of Russia of 31.05.2022 No. 331n "On Approval of Standard Additional Professional Programs for Continuing Education in the Field of Combating Corruption" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426340/ (date of access: 28.03.2026)
3. Statistical data [Electronic resource]. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (date of access: 28.03.2026)
4. Judicial statistics data on corruption-related cases [Electronic resource]. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru/?id=150> (date of access: 28.03.2026)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (date of access: 28.03.2026)
6. Komarov S.A. General theory of state and law: textbook. 10th ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. 528 p.
7. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: textbook. 5th ed. Moscow: Delo RANEPa, 2024. 528 p.

8. Mokhorov D.A. Theoretical and practical foundations of anti-corruption education: monograph. – Andijan; St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2024. – 188 p.
9. Mokhorov D.A., Dolzhenkova E., Minkina M.V. Combating corruption in the context of digitalization of state institutions. *Eurasian Law Journal*. 2023. No. 6 (181). P. 95 – 98.
10. Biek A.V., Povzun V.D. Formation of an Anti-Corruption Culture of Future Civil and Municipal Employees in Higher Education through the Integration of Regulatory, Value-Moral Components of the Educational Process. *Professional Education and Upbringing*. 2025. Vol. 10. No. 9. P. 1461 – 1468. DOI 10.30853/ped20250175
11. Golovin A.Yu., Bugaevskaya N.V. Anti-Corruption Education in the System of Corruption Prevention Measures at the Current Stage. *All-Russian Criminological Journal*. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 311 – 319.
12. Malko A.V. Anti-Corruption Mechanisms in the Legal System of Russia. *Law and Politics*. 2021. No. 8. P. 34 – 47. DOI 10.7256/2454-0706.2021.8.36789
13. Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. Implementation of Legal Responsibility in Legal Awareness and Legal Culture. *Law Enforcement*. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 5 – 18. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18
14. Salnikov M.V., Prokofiev K.G., Morozov A.I., Borisenko O.M. Moral and Legal Values as the Basis for the Professional Culture of Civil Service Employees. *Theory of State and Law*. 2024. No. 1 (35). P. 234 – 250. DOI 10.47905/MATGIP.2024_1_35_234
15. Kharitonov L.A. Between Interpretive Freedom and Arbitrariness: Court on the Edge of the Frontier. *Interpretation of Law: Classics and Postclassics: Collective Monograph*. edited by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. St. Petersburg: Aleteya, 2024. P. 305 – 329.
16. Chestnov I.L. Legal Culture from the Standpoint of Postclassical Methodology. *Legal Culture in Modern Society: Collection of Scientific Articles*. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2024. Pp. 139 – 141.
17. Shamansky D.A. Anti-corruption legislation of the Russian Federation: the main causes of problems with enforcement and latency. *State power and local self-government*. 2025. No. 1. P. 19 – 23. DOI 10.18572/1813-1247-2025-1-19-23
18. OECD. Anti-Corruption and Integrity Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI 10.1787/968587cd-en. URL: https://www.oecd.org/en/publications/anti-corruption-and-integrity-outlook-2024_968587cd-en.html (date of access: 28.03.2026)
19. OECD. Public Integrity Indicators [Electronic resource]. URL: <https://oecd-public-integrity-indicators.org/> (date of access: 28.03.2026)
20. Santiso C. Govtech against corruption: what are the integrity dividends of government digitalization? *Data & Policy*. 2022. Vol. 4. Article e39. DOI 10.1017/dap.2022.31
21. Köbis N., Starke C., Rahwan I. The promise and perils of using artificial intelligence to fight corruption. *Nature Machine Intelligence*. 2022. Vol. 4. P. 418 – 424. DOI 10.1038/s42256-022-00489-1
22. Mugellini G., Della Bella S., Colagrossi M., Isenring G.L., Killias M. Public sector reforms and their impact on the level of corruption: a systematic review. *Campbell Systematic Reviews*. 2021. Vol. 17. No. 2. Article e1173. DOI 10.1002/cl2.1173.
23. Syah K., Malik A. Building an anti-corruption legal culture. *International Journal of Criminology and Sociology*. 2021. Vol. 10. P. 1523 – 1532. DOI 10.6000/1929-4409.2021.10.174

Информация об авторе

Нырова Б.Р., ассистент, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, bella9631@mail.ru

© Нырова Б.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.114.5

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-125-132

Правосознание судей и качество правосудия: функциональные взаимосвязи

¹ Линько В.В., ¹ Лабанова С.А.,

¹ Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: в статье рассмотрено профессиональное правосознание судей как многогранная теоретико-прикладная проблема. Сформировано определение профессионального правосознания судей. Исследованы факторы формирования профессионального правосознания судей. Сформулирован вывод о том, что профессиональное правосознание судейского корпуса сегодня является важнейшим критерием качества правосудия, оказывающим существенное влияние на степень обеспечения справедливой защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Предложены направления повышения уровня профессионального правосознания судейского корпуса и роста качества правосудия в России.

Ключевые слова: правосознание, профессиональное правосознание, судья, судейский корпус, качество правосудия, защита прав, функциональные взаимосвязи, явление

Для цитирования: Линько В.В., Лабанова С.А. Правосознание судей и качество правосудия: функциональные взаимосвязи // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 125 – 132. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-125-132

Поступила в редакцию: 20 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Judicial legal consciousness and the quality of justice: functional relationships

¹ Linko V.V., ¹ Labanova S.A.,

¹ North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: the article examines the features of judicial protection of social rights of citizens. Based on the analysis of judicial practice, it was concluded that currently, courts, in the process of considering disputes on the protection of social rights of citizens, take into account their life situation. And this is especially evident in the example of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, which, in the presence of appropriate legal grounds, always takes the side of socially vulnerable citizens. As a result, it was proven that the most important component of judicial bodies in protecting the social rights of citizens is a high social orientation of justice. This allows not only to avoid serious social conflicts in society, but also to increase public confidence in the judiciary. The directions of increasing the level of professional legal awareness of the judiciary and increasing the quality of justice in Russia are proposed.

Keywords: legal consciousness, judge, judicial corps, quality of justice, protection of rights, functional relationship, phenomenon

For citation: Linko V.V., Labanova S.A. Judicial legal consciousness and the quality of justice: functional relationships. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 125 – 132. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-125-132

The article was submitted: April 20, 2026; Approved after reviewing: May 18, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Государственные служащие, занимающие должности судей, выполняют сложную, опасную, напряженную и социально-значимую работу, требующую от них невероятной самоотдачи, знания массива правовых норм, наличия моральных, нравственных и других качеств. Роль их деятельности сложно переоценить, в связи с чем, в обществе уважительно относятся к лицам, осуществляющим правосудие, ведь именно от их профессионализма зависит защита прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Но это глубокое уважение к столь сложной деятельности формируется не просто так. Именно к судьям предъявляются наиболее высокие требования, многие из которых закреплены на законодательном уровне (например, ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации») [1, ст. 4].

Кроме того, в науке все чаще рассматриваются отдельные аспекты, касающиеся работы судейского корпуса. Ученые исследуют такие понятия, как: «правовая культура судьи» [2, с. 41-45], «социальная ориентированность правосудия» [3, с. 60-66], «профессиональное правосознание судей» [4, с. 165-168] и многие другие.

В результате, сегодня, по мнению общества, судьи должны не только обладать соответствующим высшим образованием и опытом работы, отличаться высокими моральными и этическими качествами, не иметь серьезных ограничений (судимости, определенных заболеваний, гражданства другого государства и т.д.), но и проявлять наличие высокого уровня профессионального правосознания. Следовательно, от государственных служащих, занимающих должности судей, требуются также: «высокая степень знания и уважения права, глубина понимания и оценки правовых явлений, качественное владение юридическим инструментарием» [5, с. 22-26].

Как видим, к судейскому корпусу сегодня предъявляются очень высокие требования. При этом, следует отметить, что данные требования увеличиваются из года в год, на что указывает тематика проблем, рассматривающих научным сообществом.

Материалы и методы исследований

Теоретической и эмпирической основой явились исследования российских правоведов, судебная практика, документы квалификационных коллегий, социологические данные, учебные издания, разработки Российского государственного университета правосудия.

Объект исследования – социальные отношения, складывающиеся в процессе становления, функционирования и проявления правосознания судей, а также его влияние на показатели качества судопроизводства.

Предмет исследования – функциональные взаимосвязи между состоянием профессионального правосознания судей и качественными показателями правосудия и факторы, определяющие это влияние.

Методы исследования: функциональный анализ (изучение влияния деформаций правосознания на судебные ошибки, корреляционный анализ (взаимозависимость уровня правосознания, выгорания качества судебных решений), системный метод – попытка рассмотрения правосознания как элемента профессиональной культуры судейского корпуса.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что вопросу формирования профессионального правосознания судей уделяли внимание многие ученые (А.А. Аверин, А.А. Пивоварова, Е.Н. Коваленко и другие). Сегодня данная тематика рассматривается многими современными авторами (Ю.Н. Тарасовой, Ю.А. Потаповым, Ю.В. Грачевой, С.Б. Поляковым, В.Н. Галузо, В.В. Сорокиным, Е.Б. Абдрасудовым и другими). При этом, ученые дают различные определения рассматриваемой категории, что указывает на ее многогранность [6, с. 147].

Так, по мнению Ю.Н. Тарасовой, профессиональное правосознание судьи является системой знаний о праве и правопорядке, соотношении моральных и правовых норм, затрагивающей логическую и эмоциональную составляющие его сознания [7, с. 264].

В свою очередь Ю.В. Грачева указывает на то, что профессиональное правосознание лежит в основе механизма реализации права судьи на усмотрение [8, с. 32]. Подобной точки зрения придерживается П.В. Коршунова, отметившая, что именно профессиональное правосознание судей, отражающее их внутренние убеждения, впоследствии приобретает форму судейского усмотрения. Саму категорию «профессиональное правосознание судей» указанный автор трактует как появившиеся в процессе профессиональной деятельности судей эмоции, идеи, взгляды, чувства, отражающие их отношение к праву и правоприменительной

деятельности, от которых зависит правомерность вынесенного судебного акта [9, с. 107].

По мнению С.Б. Полякова, профессиональное правосознание судей проявляется в том, что в решениях, которые они выносят, отмечены важные для рассмотрения дела обстоятельства [10, с. 14].

В.Н. Галузо отмечает, что профессиональное правосознание судьи предполагает наличие у него обширных юридических знаний и навыков комплексного правоприменения [11, с. 62-75].

По мнению В.В. Сорокина, профессиональное правосознание выступает в роли духовного фундамента сложившейся системы права [12, с. 132].

Е.Б. Абдрасудов, Н.А. Петухов и Е.В. Рябцева указывают на необходимость формирования антикоррупционного правосознания в процессе обучения судей [13, с. 54-64].

Как видим, в науке в настоящее время еще не сложилось единство во взглядах на трактовку понятия «профессиональное правосознание судей». В целом, можно выделить следующие важнейшие характеристики профессионального правосознания судей:

- является системой знаний о праве и правопорядке, соотношении моральных и правовых норм;
- включает в себя эмоции, идеи, взгляды и чувства судей, отражающие их отношение к праву и правоприменительной деятельности;
- отражает внутренние убеждения судей;
- является основой механизма реализации права судьи на усмотрение;
- является духовным фундаментом сложившейся системы права;
- влияет на качество правосудия и т.д.

Исследование трудов вышеупомянутых авторов позволило сформулировать категорию «профессиональное правосознание судей» как форму общественного сознания, представляющую собой систему правовых знаний, социальных убеждений и чувств, которыми судья руководствуется в своей профессиональной деятельности.

Профессиональное правосознание формируется под воздействием множества факторов. Еще на этапе обучения в юридических вузах в сознании будущего судьи вырабатываются многие убеждения. Формированию профессионального правосознания (либо его искажению, или даже деформации [14, с.27-28]) способствует и полученный жизненный опыт. Значительное влияние на процесс формирования профессионального правосознания судейского корпуса оказывают также условия жизни общества. В любом случае личность судьи формируется в конкретных социально-экономических и политических условиях, которые оказывают существенное воздействие на его ценности и убеждения. Среди важнейших условий следует выделить:

- качество полученного образования;
- установленные принципы судебной власти;
- обеспечение независимости судей;
- наличие ресурсов, требуемых для осуществления профессиональной деятельности;
- состав населения и уровень его правовой культуры;
- отношение общества к представителям судебной власти и т.д.

О формировании профессионального правосознания судейского корпуса можно говорить только в том случае, если суды стали являться самостоятельной структурой государственной власти, состоящей из людей, получивших качественное образование и практический опыт [15, с.282].

Установленные в законодательстве принципы правосудия возложили на судей личную ответственность за принятые ими решения. Принцип независимости требует от судей способности руководствоваться в процессе принятия решения не только буквой закона, но и его духом. Принцип равенства требует от судьи способности рассматривать каждого человека в качестве личности, требующей правовой защиты. Принцип открытости и гласности повышает ответственность судейского корпуса перед обществом.

В процессе своей деятельности судьям зачастую приходится проявлять наличие творческого подхода (например, когда в законе имеются пробелы). В таких случаях судьи имеют возможность проявить свое юридическое мировоззрение и профессиональное правосознание.

Как верно указывают Н.Г. Тараканова и К.А. Русакова, в России значимым этапом формирования профессионального правосознания судейского корпуса являлся период реализации судебной реформы 1864 года. Именно тогда суд был признан самостоятельной и независимой организацией, деятельность которой базируется на таких важных принципах, как: законность, гласность, устность и состязательность. С того момента должность судьи могли получить только лица, имеющие высшее образование и опыт работы. Кроме того, судьи получили возможность основывать свое решение исходя из норм закона и внутренних

убеждений [16, с. 282].

Следует отметить, что процесс формирования профессионального сознания судейского корпуса продолжается и сегодня. Этому способствуют:

- осуществляемая реформа судебной системы;
- происходящие в обществе социально-экономические изменения;
- рост интереса ученых к проблеме профессионального правосознания судейского корпуса;
- рост требований, предъявляемых обществом к судьям;
- изменения, происходящие в системе образования;
- рост доверия граждан к судебной системе и т.д.

Современный судейский корпус выступает гарантом устойчивости права. Судьи осознают значение своей миссии. Понимают, что своим решением они не только разрешают конкретный правовой спор, но и формируют отношение общества к системе правосудия. В процессе своей деятельности судьи руководствуются не только законом, но и правосознанием (о чем не раз упоминалось в актах судебных органов). Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 02.12.2024 по делу № 33-55927/2024 отмечено, что: «Оценивая доказательства, суд руководствуется законом и правосознанием, опираясь на свои представления и знания о праве, понимание юридического, социального и нравственного содержания правовой системы государства, официальное и научное толкование юридических норм [17].

Именно от правосознания во многом зависят итоги судейского усмотрения. В результате, система правовых знаний, социальных убеждений и чувств, которыми судьи руководствуются в процессе реализации профессиональной деятельности, существенно влияет на степень обеспечения справедливой защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Следовательно, профессиональное правосознание судейского корпуса сегодня является важнейшим критерием качества правосудия.

Между тем, можно выделить ряд проблем в рассматриваемой сфере:

- не все юридические вузы организуют качественное обучение;
- качество обучения во многом зависит от эффективности организации прохождения студентами практик, однако, далеко не все вузы уделяют данной деятельности должное внимание (прохождение практики, иногда, носит формальный характер);
- недостаточный уклон на формирование у студентов юридических вузов антикоррупционного правосознания;
- проблема профессионального выгорания судей;
- проблема искажения или деформации правосознания отдельных судей;
- недостаточное доверие отдельных граждан к судебной системе.

Следует отметить, что по итогам опроса, проведенного исследовательской группой Russian Field в 2024 году, 58% респондентов отметили, что доверяют судебной системе. Противоположной точки зрения придерживаются 33% опрошенных. При этом, наиболее значительный уровень недоверия зафиксирован у тех граждан, которые лично сталкивались с работой судебной системы в течении последних пяти лет [18].

В целях дальнейшего повышения уровня профессионального правосознания судейского корпуса и роста качества правосудия в России, на взгляд автора, необходимо:

1. Уделять повышенное внимание к исследованию института профессионального правосознания судей в научных кругах. Всестороннее исследование значения формирования профессионального правосознания судей, выявление проблем в данной области, способствуют формированию научно-обоснованных путей их решения. В связи с указанным, очень важно привлекать внимание ученых к исследованию проблем формирования профессионального правосознания судей.

2. Повысить качество обучения студентов юридических вузов. Для этого сам процесс обучения должен быть строго регламентированным, прозрачным и контролируемым обществом. Кроме того, студенты должны с самого начала получать знания о суде, судебной системе РФ, правосудии. Помимо этого, необходимо еще на этапе обучения формировать у студентов строгие моральные установки. Именно в процессе обучения следует формировать и антикоррупционное правосознание у студентов. Теоретические знания должны качественно подкрепляться практическим опытом (на этапе прохождения практики).

Для эффективной борьбы с проблемой профессионального выгорания судей, которая во многом связана с высокой нагрузкой, значительными требованиями, невероятной напряженностью их профессиональной деятельности, на взгляд автора, необходимо формировать специализированные психологические службы, способствующие поддержке психологического здоровья судей. Кроме того, важно, чтобы аппарат каждого суда был должным образом укомплектован.

Для профилактики искажения и деформации правосознания судей важно:

- организовывать психологические тренинги;
- снизить нагрузку на судебный аппарат;
- повышать уровень профессиональной культуры.

В целях повышения уровня доверия граждан к судебной системе, необходимо:

- более детально освещать работу судов в СМИ, формируя объективный образ судебной системы и повышая уважение граждан к работникам аппаратов судов;
- проводить опросы среди населения на предмет выявления проблем, имеющихся в работе судебных органов и путей их решения;
- повышать цифровизацию правосудия;
- оптимизировать работу электронных ресурсов, на которых приводятся статистические данные о деятельности судов.

Очень важно, чтобы судебная статистика, которая выкладывается на сайте Судебного департамента при ВС РФ, обновлялась своевременно (в апреле 2025 года доступны обзоры о деятельности судов только за 2022 год). [19.]. В работе сайта необходимо избегать наличия ошибок. Например, в процессе работы с сайтом часто появляется следующая ошибка: «К сожалению, запрашиваемая вами страница не найдена. Возможно, она была удалена или перемещена». На сайте предоставлено много данных, но их поиск затруднен. Кроме того, страницы сайта долго загружаются. Эти технические проблемы, которые никак не связаны с деятельностью конкретных судей, тем не менее, формируют отрицательное отношение граждан к судебной системе.

Выводы

По результатам проведенного исследования были сформированы следующие выводы:

- профессиональное правосознание судей является многогранной теоретико-прикладной проблемой;
- в общем виде под профессиональным правосознанием судьи следует понимать форму общественного сознания, представляющую собой систему правовых знаний, социальных убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей профессиональной деятельности;
- на профессиональное правосознание судей влияет множество факторов, в том числе: качество образования, жизненный опыт, личные качества, социально-экономические и политические условия и другие;
- от профессионального правосознания судей во многом зависят итоги судейского усмотрения;
- профессиональное правосознание судейского корпуса сегодня является важнейшим критерием качества правосудия, оказывающим существенное влияние на степень обеспечения справедливой защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц;
- формированию профессионального правосознания судей препятствуют следующие проблемы: недостаточно высокое качество обучения студентов в юридических вузах; недостаточно эффективно организована система прохождения студенческих практик, которая, иногда, имеет формальный характер; чрезмерная загруженность судей; профессиональное выгорание отдельных судей; искажение или деформация правосознания отдельных судей; недостаточное доверие отдельных граждан к судебной системе.

Для повышения уровня профессионального правосознания судейского корпуса и роста качества правосудия в России необходимо:

- повысить качество обучения студентов юридических вузов (уделять должное внимание процессу формирования антикоррупционного правосознания, совершенствовать систему прохождения практик и т.д.);
- формировать специализированные психологические службы, способствующие поддержке психологического здоровья судей;
- осуществлять своевременную профилактику искажения и деформации правосознания судей (посредством организации тренингов);
- снизить нагрузку на судей, в том числе, за счет совершенствования укомплектованности аппаратов судов;
- повышать доверие граждан к судебной системе (более детально освещать работу судов в СМИ, проводить опросы населения, повышать цифровизацию правосудия, решить технические проблемы, имеющиеся в работе сайтов, освещающих деятельность судебных органов и т.д.).

Список источников

1. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1: в редакции от 10 июля 2023 г., с изменениями от 9 апреля 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065> (дата обращения: 20.03.2026)
2. Петрухина А.Н. Проблема правовой культуры судей // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 41 – 45.
3. Алиев М.С. Высокая социальная ориентированность правосудия – важнейшая составляющая при защите социальных прав граждан // Проблемы и перспективы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: сборник статей. Краснодар, 2024. С. 60 – 66.
4. Терехов А.В. Правосознание судьи как основа правосудия // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Москва, 2019. С. 165 – 168.
5. Тараканова Н.Г., Русакова К.А. Уровень профессионального правосознания судей как критерий качества осуществления правосудия // VIII Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции / редкол.: Р.Р. Хайров (отв. редактор) и др. Саранск, 2022. С. 22 – 26.
6. Потапов Ю.А. Правосознание судьи и эффективность правоприменения: вопросы теории и практики // От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 143 – 148.
7. Тарасова Ю.Н. Правосознание судьи в свете этических норм // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: Российский и зарубежный опыт: электронный сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. Калининград, 2020. С. 262 – 267.
8. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: учебное пособие. 2-е изд. Москва, 2021. 160с.
9. Коршунова П.В. Правовая культура и правосознание судей: общетеоретические аспекты осуществления правосудия в России // Правовая культура. 2020. № 1 (40). С. 107 – 119.
10. Поляков С.Б. Диагностика правосознания правоприменителей: учебное пособие. Пермь, 2017. 164с.
11. Галузо В.Н. О правосознании судей в РФ (опыт правоприменения в Московском городском суде) // Актуальные исследования. 2020. № 15 (18). С. 62 – 75.
12. Сорокин В.В. Фундаментальная теория права: монография. Москва, 2020. 448с.
13. Абдрасулов Е.Б., Петухов Н.А., Рябцева Е.В. Формирование антикоррупционного правосознания при обучении судей: сравнительно-правовое исследование России и Казахстана // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 54 – 64.
14. Атюнькина А.С. Деформация профессионального правосознания судьи // VIII Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции / редкол.: Р.Р. Хайров (отв. редактор) и др. Саранск, 2022. С. 26 – 30.
15. Тараканова Н.Г., Русакова К.А. Уровень профессионального правосознания судей как критерий качества осуществления правосудия // VIII Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции / редкол.: Р.Р. Хайров (отв. редактор) и др. Саранск, 2022. С. 22 – 26.
16. Тараканова Н.Г., Русакова К.А. Уровень профессионального правосознания судей как критерий качества осуществления правосудия // В сборнике: VIII Юридические чтения. Материалы Национальной научно-практической конференции / редкол.: Р.Р. Хайров (отв. редактор) и др. Саранск, 2022. С. 22 – 26.
17. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.12.2024 по делу № 33-55927/2024 (УИД 77RS0001-02-2024-002248-88) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был (дата обращения: 15.04.2026)
18. Корня А. Третья не лишняя. Социологи исследуют доверие граждан к судебной системе [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 11 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6561353> (дата обращения: 15.04.2026)
19. Обзоры о деятельности судов [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 20.03.2026)

References

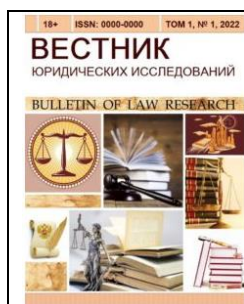
1. On the Status of Judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-1: as amended on July 10, 2023, with amendments of April 9, 2026. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065> (date of access: 20.03.2026)
2. Petrukhina A.N. The Problem of Legal Culture of Judges. *Issues of Russian and International Law*. 2023. Vol. 13. No. 1-2-1. P. 41 – 45.
3. Aliyev M.S. High Social Orientation of Justice is the Most Important Component in Protecting the Social Rights of Citizens. Problems and Prospects of Realizing the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation: Collection of Articles. Krasnodar, 2024. P. 60 – 66.
4. Terekhov A.V. Legal Awareness of a Judge as the Basis of Justice. *Legal Sciences, the Rule of Law, and Modern Legislation: Collection of Articles from the VII International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2019. P. 165 – 168.
5. Tarakanova N.G., Rusakova K.A. The Level of Professional Legal Awareness of Judges as a Criterion for the Quality of Administration of Justice. *VIII Legal Readings: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference*. editorial board: R.R. Khairov (editor-in-chief), et al. Saransk, 2022. P. 22 – 26.
6. Potapov Yu.A. Legal Awareness of a Judge and the Effectiveness of Law Enforcement: Theoretical and Practical Issues. From the Pskov Judicial Charter to the Principles of Modern Justice: Traditions and Innovations in Russian Legal Proceedings: Collection of Scientific Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, 2024. P. 143 – 148.
7. Tarasova Yu.N. Legal Awareness of a Judge in Light of Ethical Norms. *Legal Status of a Judge, Prosecutor, and Lawyer: Russian and Foreign Experience: Electronic Collection of Articles Based on the Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. compiled and edited by Z. Sh. Matchanova. Kaliningrad, 2020. P. 262 – 267.
8. Gracheva Yu.V. *Judicial Discretion in Criminal Law: A Study Guide*. 2nd ed. Moscow, 2021. 160 p.
9. Korshunova P.V. Legal Culture and Legal Awareness of Judges: General Theoretical Aspects of the Administration of Justice in Russia. *Legal Culture*. 2020. No. 1 (40). P. 107 – 119.
10. Polyakov S.B. *Diagnostics of Legal Awareness of Law Enforcement Officials: A Study Guide*. Perm, 2017. 164 pages.
11. Galuzo, V.N. On the Legal Awareness of Judges in the Russian Federation (Law Enforcement Experience in the Moscow City Court). *Current Research*. 2020. No. 15 (18). P. 62 – 75.
12. Sorokin V.V. *Fundamental Theory of Law: A Monograph*. Moscow, 2020. 448 p.
13. Abdrasulov E.B., Petukhov N.A., Ryabtseva E.V. Formation of Anti-Corruption Legal Awareness in the Training of Judges: A Comparative Legal Study of Russia and Kazakhstan. *Russian Justice*. 2019. No. 9. P. 54 – 64.
14. Atyunkina A.S. Deformation of the professional legal consciousness of a judge. *VIII Legal Readings: materials of the National scientific and practical conference*. editorial board: R.R. Khairov (editor-in-chief) et al. Saransk, 2022. P. 26 – 30.
15. Tarakanova N.G., Rusakova K.A. The level of professional legal consciousness of judges as a criterion for the quality of administration of justice. *VIII Legal Readings: materials of the National scientific and practical conference*. editorial board: R.R. Khairov (editor-in-chief) et al. Saransk, 2022. P. 22 – 26.
16. Tarakanova N.G., Rusakova K.A. The level of professional legal consciousness of judges as a criterion for the quality of administration of justice. In the collection: *VIII Legal Readings. Materials of the National scientific and practical conference*. editorial board: R.R. Khairov (editor-in-chief) et al. Saransk, 2022. P. 22 – 26.
17. Appellate ruling of the Moscow City Court dated December 2, 2024, in case no. 33-55927/2024 (UID 77RS0001-02-2024-002248-88) [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. The document was not published (date of access: 15.04.2026)
18. Kornya A.A. Third Is Not Superfluous. Sociologists Study Citizens' Trust in the Judicial System [Electronic resource]. *Kommersant*. March 11, 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6561353> (date of access: 15.04.2026)
19. Reviews of Court Activities [Electronic resource]. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=80> (date of access: 20.03.2026)

Информация об авторах

Линько В.В., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 234, vitalii-linko.ru

Лабанова С.А., старший преподаватель, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 234, susanna-manasyan1@rambler.ru

© Линько В.В., Лабанова С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.41

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-133-138

Трансформация конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права: теоретико-правовой и публично-правовой анализ

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: целью настоящего исследования является публично-правовой анализ механизма трансформации конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права. В задачи входило выявление противоречий и редукции смысла при переходе от конституционных норм-принципов к отраслевым нормам (статьи 3-8 УК РФ), оценка влияния бланкетных диспозиций на формальную определённость, а также анализ коллизий между законодательной техникой и конституционными императивами. Методологическую основу работы составили формально-догматический, сравнительно-правовой и аксиологический методы, а также метод правового моделирования. В ходе исследования установлено, что трансформация сопровождается сужением содержания конституционных гарантий, в частности, за счёт неполного отражения принципа законности в отраслевом тексте и размывания формальной определённости бланкетными нормами. Выявлено, что конструкции «смешанной» вины и замены наказания при уклонении от его отбывания входят в противоречие с принципами вины и законности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов для совершенствования уголовного законодательства в направлении повышения его конституционности, языковой доступности и укрепления межотраслевой согласованности, что способствует усилению защиты прав личности от неправомерного государственного принуждения, а также обеспечения безопасности общества и государства.

Ключевые слова: конституционные принципы, законность, вина, справедливость, формальная определённость, уголовное право, бланкетные диспозиции, субъективное вменение, публично-правовой анализ

Для цитирования: Серeda С.П. Трансформация конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права: теоретико-правовой и публично-правовой анализ // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 133 – 138. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-133-138

Поступила в редакцию: 21 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

Transformation of the Constitutional principles of legality, guilt and justice into formally defined categories of criminal law: theoretical and legal and public law analysis

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the purpose of this study is a public law analysis of the mechanism of transformation of the constitutional principles of legality, guilt and justice into formally defined categories of criminal law. The tasks included identifying contradictions and reducing meaning during the transition from constitutional norms-principles to sec-

toral norms (Articles 3 to 8 of the Criminal Code of the Russian Federation), assessing the impact of blank dispositions on formal definition, as well as analyzing conflicts between legislative technique and constitutional imperatives. The methodological basis of the work consists of formal-dogmatic, comparative-legal and axiological methods, as well as the method of legal modeling. The study found that the transformation is accompanied by a narrowing of the content of constitutional guarantees, in particular, due to the incomplete reflection of the principle of legality in the sectoral text and the blurring of formal certainty by blank standards. It is revealed that the constructions of "mixed" guilt and substitution of punishment for evading its serving are in conflict with the principles of guilt and legality. The practical significance of the work lies in the possibility of using the findings to improve criminal legislation in the direction of increasing its constitutionality, linguistic accessibility and strengthening cross-sectoral coherence, which contributes to strengthening the protection of individual rights from unlawful state coercion, as well as ensuring the security of society and the state.

Keywords: constitutional principles, legality, guilt, justice, formal certainty, criminal law, blank dispositions, subjective imputation, public law analysis

For citation: Sereda S.P. Transformation of the Constitutional principles of legality, guilt and justice into formally defined categories of criminal law: theoretical and legal and public law analysis. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 133 – 138. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-133-138

The article was submitted: April 21, 2026; Approved after reviewing: May 18, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Исследование механизмов имплементации конституционных норм-принципов в ткань отраслевого законодательства является одной из фундаментальных проблем публичного права. Особую остроту эта проблематика приобретает в уголовно-правовой сфере, где формальная определённость запретов напрямую коррелирует с легитимностью государственного принуждения. Конституционные принципы законности, вины и справедливости, выступая гарантиями прав личности, неизбежно подвергаются трансформации при их «переводе» на язык уголовного закона, обретая черты формально-определённых категорий, таких как состав преступления, конкретная форма вины, размер и вид наказания. Однако указанный процесс не является механическим копированием конституционных императивов в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Он сопряжён с редукцией смысла, возникновением межотраслевых коллизий и напряжением между абстрактностью принципов и потребностями правоприменительной практики.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении сущностных закономерностей трансформации конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права, а также в обнаружении разрывов и деформаций, возникающих в процессе данного перехода. Задачи работы включают: определение вектора соотношения общеправовых конституционных идей и их отраслевых проекций; анализ влияния судебного толкования (прежде всего, актов Конституционного Суда РФ) на содержание рассматриваемых принципов; установление взаимосвязи между законностью и доступностью уголовно-правового текста; а также критическую оценку влияния бланкетных диспозиций и законодательной техники на формальную определённость уголовного закона. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов для совершенствования законодательной техники и преодоления дефектов правовой определённости в уголовном законе и в уголовном праве.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Диалектический метод позволил рассмотреть трансформацию принципов как динамический процесс, обусловленный противоречиями между должным (конституционный императив) и сущим (уголовно-правовая норма). Формально-догматический метод применялся для анализа норм ст. 3-8 УК РФ в их взаимосвязи с положениями ст. 49, 50, 54 Конституции РФ. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении концепций вины (психологической, нормативной и теории опасного состояния), а также при анализе зарубежных аксиологических подходов к объекту преступления [10]. Метод правового моделирования применялся для оценки предложений по устранению коллизий, выдвигаемых в научной литературе [6].

Эмпирическая база исследования представлена совокупностью научных трудов по уголовному и конституционному праву, а также правовыми позициями Конституционного Суда РФ, определяющими границы законодательной дискреции в сфере криминализации деяний и установления наказания.

Результаты и обсуждения

Трансформация конституционных принципов в отраслевые категории начинается с признания того, что принципы уголовного права суть прямое воплощение конституционных положений о человеке как высшей ценности [8]. Однако если конституционные нормы обладают высочайшим уровнем абстракции и аксиологической насыщенности, то уголовный закон требует предельной конкретности и формальной строгости. Это порождает первую фундаментальную проблему: законодательное закрепление принципов в главе 1 УК РФ, как справедливо отмечается в доктрине, не только не сняло, но и усложнило многие теоретические вопросы, поскольку остаётся неясной целевая направленность этих норм и их юридическое значение для стадий правоприменения [2; 9].

Анализ показывает, что принцип законности, выступая стержнем всего уголовно-правового регулирования, в процессе трансформации подвергается заметной редукции. Конституционный текст (ст. 54) содержит базовый постулат: никто не может нести ответственность за деяние, не признававшееся правонарушением в момент его совершения. В ст. 3 УК РФ этот императив конкретизируется через формулу «преступность и наказуемость определяются только настоящим Кодексом» и через запрет аналогии [2]. Подобная конкретизация хотя и создаёт видимость формальной определённости, но одновременно сужает поле действия конституционного принципа, оставляя за его рамками, в частности, проблему межотраслевой согласованности. Возникает эффект «ложной полноты» регулирования, когда общее конституционное правило, призванное защищать лицо от произвола, замыкается исключительно на УК РФ, игнорируя, как будет показано ниже, влияние на преступность и наказуемость деяния источников иной отраслевой принадлежности.

Не менее сложной является трансформация принципа вины. Конституционный принцип презумпции невиновности и вины как обязательного элемента ответственности (ст. 49 Конституции РФ) обретает в ст. 5 УК РФ форму субъективного вменения, выраженного в категориях умысла и неосторожности [1]. Традиционно доктрина трактует вину через психологическую концепцию как психическое отношение лица к деянию, что является прямым отражением конституционного запрета объективного вменения. Однако современная наука сталкивается с вызовами, когда классические формальные категории не способны адекватно отразить природу ответственности. Критика конструкции «смешанной» вины, предусмотренной ч. 2 ст. 27 УК РФ, основывается на том, что она искусственно разделяет единое психическое отношение на умысел к деянию и неосторожность к последствиям, что расценивается отдельными исследователями как завуалированное объективное вменение тяжких последствий [7]. Следовательно, трансформация вины в формальные лекала уголовного закона не всегда гарантирует сохранение её конституционного первообраза.

С позиций публично-правовой науки принципы уголовного права должны рассматриваться не просто как руководящие идеи, но как властно ограничивающие императивы, адресованные государству в лице его законодательных и судебных органов. В.Н. Борков точно подмечает, что упрощением было бы считать принципы только «ограничителями» активности законодателя; напротив, они выявляют и направляют решение проблем уголовно-правового регулирования, делая закон сбалансированным с точки зрения интересов личности и государства [5, с. 19, 21]. Однако именно в процессе законодательного конструирования формальных категорий происходит столкновение конституционного требования определённости с объективной потребностью в судебном усмотрении и использовании оценочных понятий.

Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях неоднократно указывал, что требование определённости правового регулирования предполагает понимание механизма его действия субъектами правоотношений из содержания нормативного положения или системы взаимосвязанных норм [8, с. 57]. Вместе с тем, когда суд прибегает к оценке общественной опасности деяния (как критерия преступности, производного от материального определения преступления), он неизбежно вторгается в область дискреционных полномочий, что потенциально способно размывать границы формальной определённости [5, с. 22]. Мы разделяем позицию о том, что уголовный закон в принципе не может быть абсолютно формализован без использования оценочных признаков, однако их доктринальное толкование должно быть ориентировано на правосознание правоприменителя, исключающее произвольную интерпретацию [5, с. 23].

Наибольшей угрозой формальной определённости принципа законности выступает проблема бланкетных диспозиций. Императивное требование ч. 1 ст. 3 УК РФ о том, что преступность и наказуемость деяния определяются исключительно уголовным законом, вступает в противоречие с реальностью, когда признаки состава раскрываются через подзаконные и межотраслевые акты. Конституционный Суд РФ в своих поста-

новлениях и определениях фактически констатировал, что декриминализация деяния может быть осуществлена путём отмены нормативных актов иной отраслевой принадлежности, к которым отсылает бланкетная норма, а преступность деяния может определяться не только УК РФ, но и иными актами [9, с. 290–291; 2]. Эта коллизия создаёт ситуацию, при которой гражданин, читая текст уголовного закона, не способен в полной мере уяснить границы запрещённого поведения, что прямо противоречит конституционному принципу законности.

В науке высказывается точка зрения, что нормы иных отраслей служат лишь для уяснения признаков, уже описанных в уголовном законе, а потому не покушаются на его верховенство [9, с. 291]. С этим утверждением сложно согласиться без существенных оговорок. Если содержание уголовно-правового запрета изменяется вслед за изменением правил дорожного движения или нормативов оборота оружия, то источником криминализующей силы фактически выступает не воля законодателя, выраженная в УК РФ, а динамично меняющаяся административная практика. Принцип законности в подобной ситуации утрачивает свою стабилизирующую функцию, которую исследователи справедливо связывают с защитой уголовно-правовой нормы от внедрения в её содержание чужеродных предписаний [9, с. 291].

Публично-правовой аспект трансформации проявляется и в коллизиях норм Общей части УК РФ с самим принципом законности. Так, П.Р. Базаров и Р.В. Нелюбин обоснованно обращают внимание на несоответствие механизма замены наказания при злостном уклонении от его отбывания (например, замена штрафа лишением свободы) принципам законности и вины [6, с. 216–217]. Формально-определённая категория «замены наказания» маскирует здесь применение новой, более строгой меры государственного принуждения не за совершение нового преступления, а за посткриминальное поведение, что вступает в противоречие как со ст. 8 УК РФ, так и с конституционным требованием виновной ответственности. Предложение авторов криминализовать уклонение от отбывания наказаний путём введения отдельных составов [6, с. 217–218] видится радикальным, но формально безупречным способом устранения разрыва между «буквой» принципа законности и реальным правовым инструментарием.

Наиболее трудноуловимой для формализации является категория справедливости. Уголовно-правовая доктрина традиционно выводит справедливость из конституционных начал (ст. 50 Конституции РФ), конкретизируя её в ст. 6 УК РФ через требование соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. И.В. Коржук вполне справедливо относит к элементам данного принципа не только пропорциональность и индивидуализацию, но и предсказуемость правовых последствий [4, с. 161–162]. В этом контексте справедливость смыкается с формальной определённостью законности: неясный, непредсказуемый закон не может быть справедливым по определению. Аналогичной позиции придерживаются Р.С. Джинджолия и З.М. Бешукова, утверждающие, что справедливость может быть реализована лишь при соблюдении процедурных требований ясности, общности и публичности уголовного закона, которые в совокупности образуют фундамент верховенства права [3].

Однако аксиологическая природа справедливости сопротивляется её полному замыканию в формальные алгоритмы. Как отмечают исследователи, конституционные ценности служат основой для определения самого общего объекта преступления как правового блага [10]. Задачи УК РФ (охрана прав и свобод человека, собственности, порядка и безопасности) можно оценить как перечень ключевых правовых ценностей [10]. Следовательно, любое формальное правило уголовного права имплицитно содержит в себе иерархию этих ценностей. Когда формальная определённость категоризации преступлений приводит к тому, что деяние с административной преюдицией (например, в ст. 212.1 УК РФ) относится к категории средней тяжести и приравнивается по потенциальной репрессии к убийству матерью новорождённого, возникает вопиющее нарушение не только формальной логики, но и конституционной справедливости [11].

Здесь мы вступаем в полемику с узконормативистским пониманием принципа законности. Авторы, критикующие позицию о недопустимости аналогии, утверждают, что традиционное толкование вины не должно подменяться распространением правил по аналогии [1]. Это справедливо, но формальная определённость не должна превращаться в слепой инструмент, игнорирующий справедливость. Проблема «двойного вменения», обсуждаемая в литературе на примере квалификации убийства, сопряжённого с разбоем, демонстрирует, как формальная конструкция (совокупность преступлений) может создавать эффект кумулятивного, избыточного наказания, не соответствующего принципу справедливости [11].

Центральным звеном, связывающим законность, вину и справедливость в единый узел формальных категорий, является доступность уголовного закона. Трансформация конституционных принципов в уголовном праве не завершается обнародованием текста УК РФ. Лицо только в том случае может действовать виновно, когда оно имело реальную возможность осознать противоправный характер собственного поведения.

ния, а государство, в свою очередь, выполнило свою позитивную обязанность по надлежащему уведомлению лица о вариантах правомерного и неправомерного поведения [8, с. 59]. Громоздкость диспозиций, их бланкетный характер и многочисленные отсылки существенно препятствуют этой задаче, нивелируя не только принцип вины (поскольку лицо не осознаёт противоправность), но и принцип законности (поскольку нормативный материал теряет качество определённости) [8, с. 57].

Связь между доступностью закона и виной приобретает особую значимость при оценке современных вызовов, таких как расширение корпоративной преступности или причинение вреда системами искусственного интеллекта. Классические формы вины (умысел и неосторожность), являющиеся продуктом трансформации психологической концепции, демонстрируют недостаточную эффективность при вменении вреда, причинённого в результате сложных децентрализованных решений или алгоритмов. Попытки адаптировать принцип вины через специальные режимы ответственности (например, на основе теории источника повышенной опасности) пока не получили надлежащего формально-определённого закрепления в уголовном законе, что создаёт опасный пробел в регулировании [7, с. 124].

Кроме того, нельзя обойти вниманием дискуссию о включении в структуру вины осознания уголовной противоправности. В судебной практике, включая акты высших судов, формула «осознание противоправности» используется весьма активно [8, с. 58]. Это свидетельствует о том, что правоприменитель испытывает потребность в расширении формально-определённой категории вины за счёт признака, прямо не вытекающего из текста ст. 25-26 УК РФ. Тем самым осуществляется обратная трансформация: судебное толкование, апеллируя к конституционным принципам справедливости и вины, корректирует недостаточную гибкость формального закона. Однако эта тенденция несёт в себе риск размывания критериев субъективного вменения, если не будет подкреплена чёткими доктринальными ограничителями.

Выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что трансформация конституционных принципов законности, вины и справедливости в формально-определённые категории уголовного права представляет собой нелинейный, многоступенчатый процесс, сопряжённый с существенными потерями и порождением новых коллизий.

Во-первых, констатируется редукция содержания конституционных принципов при их текстуальном закреплении в нормах-принципах УК РФ. В частности, принцип законности в ст. 3 УК РФ был неоправданно сужен до формулы «преступность определяется только Кодексом», что не в полной мере отражает конституционные гарантии правовой безопасности. Эта редукция усугубляется неясной юридической силой принципов и отсутствием внятного механизма их взаимодействия между собой.

Во-вторых, основным вызовом формальной определённости законности выступает экспансия бланкетного законодательства, при которой юридически значимые признаки уголовно-правового запрета фактически делегируются нормативным актам иной отраслевой принадлежности, подрывая стабильность и верховенство уголовного закона.

В-третьих, принципы вины и справедливости, будучи облечёнными в жесткие психологические конструкции и формализованные шкалы наказаний, периодически демонстрируют дисфункциональность при столкновении с нестандартными правовыми реалиями. Поддержание баланса между формальной определённой и справедливостью невозможно без перманентного доктринального и судебного толкования, которое, однако, не должно подменять собой законодательную власть, нарушая принцип разделения властей. Перспективным направлением укрепления трансформационных связей является закрепление требования доступности и языковой ясности уголовного закона в качестве неотъемлемого элемента принципа законности, что обеспечит реальную, а не декларативную возможность осознания гражданами уголовно-правового запрета и, соответственно, справедливость и обоснованность уголовной репрессии.

Список источников

1. Литвинова Ю.И., Рублёв А.Г. Толкование конституционного принципа вины применительно к уголовному праву // Юрист-Правовед. 2024. № 1 (108). С. 168 – 175.
2. Сыч К.А. Принцип законности в уголовном праве в связи с проблемой его межотраслевой согласованности // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33. № 3. С. 358 – 366.
3. Джинджолия Р.С., Бешукова З.М. О понимании и значении принципа справедливости в уголовном праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 263 – 266.
4. Коржук И.В. Принцип справедливости в уголовном праве: теоретические основы и практическое применение // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 8-1. С. 160 – 165.

5. Борков В.Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 19 – 29.
6. Базаров П.Р., Нелюбин Р.В. Уголовно-правовой принцип законности: некоторые коллизии и предложения по их устранению // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 4. С. 212 – 218.
7. Рыбак А.З. Принцип вины (субъективного вменения) в российском уголовном праве: историческая эволюция и современные вызовы // Гуманитарный научный вестник. 2026. № 2. С. 119 – 126.
8. Куфлева В.Н. Содержательная взаимосвязь принципа законности и вины в контексте прав и обязанностей лица, совершившего преступление // Общество и право. 2025. № 3 (93). С. 56 – 61.
9. Сыч К.А., Ишук Г.В. Принцип законности в связи с проблемой бланкетных диспозиций в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 289 – 292.
10. Заряев В.А., Солодовченко Д.Д. Конституционные ценности и аксиологические аспекты понимания общего объекта преступления в доктрине уголовного права // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 1 (65). С. 75 – 82. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009.
11. Белов М.Н. Принципы уголовного права // Державинские чтения: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 272– 276.

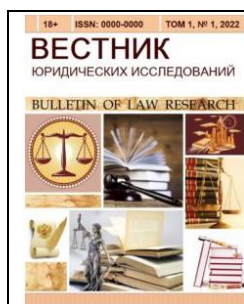
References

1. Litvinova Yu.I., Rublev A.G. Interpretation of the constitutional principle of guilt as applied to criminal law. Jurist-Pravoved. 2024. No. 1 (108). P. 168 – 175.
2. Sych K.A. The principle of legality in criminal law in connection with the problem of its inter-branch consistency. Man: Crime and Punishment. 2025. Vol. 33. No. 3. P. 358 – 366.
3. Dzhindzholiya R.S., Beshukova Z.M. On the understanding and meaning of the principle of justice in criminal law. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 4 (220). P. 263 – 266.
4. Korzhuk I.V. The Principle of Justice in Criminal Law: Theoretical Foundations and Practical Application. Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 8-1. P. 160 – 165.
5. Borkov V.N. The Principle of Legality and Criminal-Law Doctrine. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (110). P. 19 – 29.
6. Bazarov P.R., Nelyubin R.V. The Criminal-Law Principle of Legality: Some Conflicts and Proposals for Their Elimination. Problems of Economics and Legal Practice. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 212 – 218.
7. Rybak A.Z. The Principle of Guilt (Subjective Imputation) in Russian Criminal Law: Historical Evolution and Modern Challenges. Humanitarian Scientific Bulletin. 2026. No. 2. P. 119 – 126.
8. Kufleva V.N. Substantive Relationship between the Principle of Legality and Guilt in the Context of the Rights and Obligations of a Person Who Committed a Crime. Society and Law. 2025. No. 3 (93). P. 56 – 61.
9. Sych K.A., Ishchuk G.V. The Principle of Legality in Connection with the Problem of Blanket Dispositions in Criminal Law. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). P. 289 – 292.
10. Zaryaev V.A., Solodovchenko D.D. Constitutional Values and Axiological Aspects of Understanding the General Object of a Crime in the Doctrine of Criminal Law. Penitentiary Science. 2024. Vol. 18. No. 1 (65). P. 75 – 82. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.009.
11. Belov M.N. Principles of Criminal Law. Derzhavin Readings: Collection of Articles from the XVI International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. P. 272 – 276.

Информация об авторе

Серёда С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Серёда С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.535

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-139-146

Правовая природа градообразующего предприятия: понятие, признаки, проблемы правового регулирования и пути их решения

¹Тартачаков А.С., ¹Якунин Д.В.,

¹Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию правовой природы градообразующего предприятия как самостоятельной правовой категории российского законодательства. На основе комплексного анализа действующего нормативно-правового регулирования, доктринальных подходов и региональной статистики автором формулируется оригинальное определение понятия «градообразующее предприятие», выявляется система его существенных признаков, устанавливается соотношение данной категории со смежными правовыми понятиями. Особое внимание уделяется выявлению системных проблем действующего правового регулирования статуса градообразующих предприятий и разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: градообразующее предприятие, моногород, монопрофильное муниципальное образование, системообразующая организация, правовой статус, законодательное регулирование, публичный интерес, территориальное развитие

Для цитирования: Тартачаков А.С., Якунин Д.В. Правовая природа градообразующего предприятия: понятие, признаки, проблемы правового регулирования и пути их решения // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 139 – 146. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-139-146

Поступила в редакцию: 22 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

The legal nature of a city-forming enterprise: the concept, signs, problems of legal regulation and ways to solve them

¹Tartachakov A.S., ¹Yakunin D.V.,

¹Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: this article is devoted to the study of the legal nature of a city-forming enterprise as an independent legal category of Russian legislation. Based on a comprehensive analysis of the current regulatory framework, doctrinal approaches and regional statistics, the author formulates an original definition of the concept of “city-forming enterprise”, identifies a system of its essential features, and establishes the relationship of this category with related legal concepts. Special attention is paid to identifying systemic problems of the current legal regulation of the status of city-forming enterprises and developing specific proposals for improving legislation.

Keywords: city-forming enterprise, single-industry town, single-industry municipality, system-forming organization, legal status, legislative regulation, public interest, territorial development

For citation: Tartachakov A.S., Yakunin D.V. The legal nature of a city-forming enterprise: the concept, signs, problems of legal regulation and ways to solve them. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 139 – 146. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-139-146

The article was submitted: April 22, 2026; Approved after reviewing: May 19, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Градообразующие предприятия занимают особое место в системе российской экономики и права. Будучи хозяйствующими субъектами, они одновременно выполняют функции, далеко выходящие за рамки обычной предпринимательской деятельности: обеспечивают занятость значительной части населения конкретных территорий, формируют доходную базу местных и региональных бюджетов, поддерживают функционирование социальной и коммунальной инфраструктуры. В этом смысле градообразующее предприятие представляет собой уникальный правовой феномен, находящийся на пересечении частноправового и публично-правового регулирования.

Между тем правовое регулирование статуса градообразующих предприятий в российском законодательстве отличается очевидной неполноценностью. Действующее законодательство не содержит единого, юридически выверенного определения данного понятия, отвечающего всей совокупности его сущностных признаков.

Изложенные обстоятельства обуславливают актуальность настоящего исследования, цель которого состоит в комплексном анализе правовой природы градообразующего предприятия, выявлении системных проблем его правового регулирования и разработке конкретных предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. В процессе работы применялись диалектический, системный и статистический методы, а также формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. Эмпирическую базу исследования составили действующие нормативные правовые акты федерального уровня, официальные статистические данные Министерства экономического развития Хабаровского края об итогах социально-экономического развития региона за 2025 год, а также труды отечественных исследователей в области гражданского права, предпринимательского права и законодательства о несостоятельности.

Результаты и обсуждения

Формирование четкого понятийного аппарата является необходимой предпосылкой для правильного понимания и применения норм законодательства. В этой связи принципиально важным является соотношение понятий «предприятие» и «градообразующая организация» применительно к действующему правовому регулированию.

Так, по смыслу ст. 48, п. 2 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] предприятие представляет собой коммерческую организацию, то есть юридическое лицо, преследующее в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли.

Ранее официальное нормативное определение понятия «градообразующее предприятие» [8] в российском праве было закреплено в Постановлении Правительства Российской Федерации от 29.08.1994 № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими», согласно которому к градообразующим относились предприятия двух видов: «а) предприятие, на котором занято не менее 30 процентов от общего числа работающих на предприятиях города (поселка); б) предприятие, имеющее на своём балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30 процентов населения города (поселка)» [4].

На сегодняшний день в соответствии с ч. 1 ст. 169 Закона о банкротстве градообразующими организациями признаются «юридические лица, численность работников которых составляет не менее двадцати пяти процентов численности работающего населения соответствующего населенного пункта» [2]. Данное законодательное положение в полной мере распространяется и на такое юридическое лицо, как предприятие в смысле ГК РФ.

Следовательно, совмещая нормы гражданского законодательства и законодательства о несостоятельности, предлагается следующее авторское определение, которое могло бы найти свое закрепление в законодательстве: *«Градообразующее предприятие – это юридическое лицо, которое в силу масштаба своей деятельности оказывает системообразующее воздействие на социально-экономическую жизнь конкретного населенного пункта, выражающееся в обеспечении занятости не менее двадцати пяти процентов работающего населения данного населенного пункта, формировании значительной доли доходов местного и регионального бюджетов, а также в участии в эксплуатации объектов коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность населения, вследствие чего прекращение или существенное ограничение деятельности такого предприятия неизбежно порождает комплексный социально-экономический кризис соответствующего населенного пункта и затрагивает имущественные интересы публично-правовых образований всех уровней».*

Отметим, что с понятием градообразующего предприятия непосредственно связано понятие «моногород», под которым в отечественной доктрине и правоприменительной практике понимается город, возникший и сформировавшийся вокруг определенного промышленного объекта и находящийся в устойчивой функциональной зависимости от него. Правовое определение градообразующей организации монопрофильного муниципального образования Российской Федерации закреплено в п. 4 ст. 34 Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (далее – Закон о ТОР) [3]: таковой признается организация (в том числе филиал юридического лица), осуществляющая деятельность на территории монопрофильного муниципального образования, включенного в соответствующий перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации [5], при условии, что среднесписочная численность ее работников составляет не менее двадцати процентов среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории данного муниципального образования.

Регулирование отношений, возникающих в связи с банкротством градообразующих организаций, содержится в главе IX Закона о банкротстве (§ 2 гл. IX, ст. 169-176). Данные нормы устанавливают специальный правовой режим банкротства градообразующих организаций, отличающийся от общего режима несостоятельности расширенным составом участников дела о банкротстве, особыми условиями введения и продления процедур, специальными механизмами защиты публичных интересов.

Статья 170 Закона о банкротстве закрепляет правило об участии органов публичной власти в деле о банкротстве градообразующей организации. Согласно ч. 1 данной статьи, при рассмотрении дела о банкротстве градообразующей организации лицом, участвующим в деле о банкротстве, в обязательном порядке признается соответствующий орган местного самоуправления. Это положение является существенным отступлением от общего принципа диспозитивности в гражданском процессе и отражает публично-правовую природу интересов, затрагиваемых банкротством градообразующей организации. Часть 2 ст. 170 Закона о банкротстве предоставляет арбитражному суду право привлечь к участию в деле о банкротстве в качестве лиц, участвующих в деле, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, что обеспечивает возможность представления и защиты интересов всех уровней публичной власти в рамках единого судебного процесса.

Важной процессуальной гарантией достоверности установления особого статуса организации является норма ч. 3 ст. 170 Закона о банкротстве, в соответствии с которой при рассмотрении обоснованности требований кредиторов арбитражному суду должны быть представлены доказательства, подтверждающие соответствие организации-должника требованиям ст. 169 Закона о банкротстве. Данное положение направлено на предотвращение злоупотреблений, связанных с необоснованным претендованием на специальный правовой режим банкротства градообразующих организаций, и обеспечивает надлежащую проверку оснований для его применения.

Наряду с Законом о банкротстве, правовую основу регулирования рассматриваемых отношений составляют нормы ГК РФ о юридических лицах и об ответственности по обязательствам (ст. 48-65 ГК РФ), нормы налогового законодательства об особенностях взыскания задолженности по обязательным платежам в рамках дела о банкротстве, нормы земельного и градостроительного законодательства применительно к объектам инфраструктуры, входящим в состав имущественного комплекса градообразующего предприятия, а также нормы трудового законодательства, регулирующие права работников несостоятельного предприятия.

На основе представленного ранее определения можно выделить ряд существенных признаков градообразующего предприятия, которые в совокупности отграничивают его от смежных правовых категорий.

Первый признак – организационно-правовой. Градообразующее предприятие представляет собой юридическое лицо, созданное преимущественно в форме коммерческой организации, что вытекает из систем-

ного толкования ст. 48, п. 2 ст. 50 ГК РФ и ст. 169 Закона о банкротстве. Вместе с тем, в отдельных случаях функции градообразующего предприятия могут выполнять и некоммерческие организации (например, государственные учреждения, осуществляющие деятельность в сфере обороны или науки), если они отвечают иным существенным признакам данной категории. Градообразующее предприятие является самостоятельным субъектом [9], действующим от собственного имени, на что прямо указывает использование законодателем термина «юридическое лицо» в ст. 169 Закона о банкротстве.

Второй признак – количественный (демографический). Законодательно закрепленный критерий численности работников – не менее двадцати пяти процентов от численности работающего населения соответствующего населенного пункта (ст. 169 Закона о банкротстве) – отражает масштаб зависимости местного рынка труда от деятельности данного предприятия. Данный признак носит относительный, а не абсолютный характер: он определяется не абсолютной численностью работников предприятия, а ее соотношением с общей численностью работающего населения конкретного населенного пункта, что позволяет признавать градообразующими как крупные предприятия в больших городах, так и относительно небольшие производства в малых населенных пунктах.

Третий признак – территориальный. Градообразующее предприятие осуществляет деятельность на территории конкретного населенного пункта и неразрывно связано с ним в социально-экономическом отношении. Данный признак отличает градообразующее предприятие от системообразующей организации, которая может не иметь столь тесной территориальной привязки к конкретному населенному пункту.

Четвертый признак – инфраструктурный. Градообразующее предприятие, как правило, является собственником или пользователем объектов коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность населенного пункта в целом. Данный признак не закреплен непосредственно в законодательном определении, однако вытекает из практики функционирования градообразующих предприятий и находит косвенное подтверждение в нормах Закона о банкротстве об особом порядке распоряжения социально значимыми объектами.

Пятый признак – социально-экономический. Градообразующее предприятие формирует не только значительную долю занятости, но и определяет в целом социально-экономический облик населенного пункта: уровень доходов населения, качество социальной среды, динамику демографических процессов. Прекращение или существенное сокращение деятельности градообразующего предприятия влечет системный социально-экономический кризис населенного пункта, что отличает его несостоятельность от банкротства обычного хозяйствующего субъекта.

Шестой признак – фискальный. Градообразующее предприятие является, как правило, одним из крупнейших налогоплательщиков на территории соответствующего муниципального образования, формируя значительную долю доходов местного и регионального бюджетов. Данный признак обуславливает особый публично-правовой интерес органов власти в сохранении платежеспособности градообразующего предприятия.

Показательным примером в данном отношении служат итоги социально-экономического развития Хабаровского края за январь – декабрь 2025 года, зафиксированные в официальном отчете Министерства экономического развития Хабаровского края. По итогам 2025 года в Хабаровском крае индекс промышленного производства увеличен на 18,2%, что обусловлено прежде всего деятельностью крупных предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности, образующих экономическую основу ряда населенных пунктов региона. Данные отрасли в совокупности производят свыше 50% объема валового регионального продукта края, что само по себе свидетельствует об определяющей роли промышленных предприятий – в первую очередь градообразующих – в формировании налогооблагаемой базы регионального бюджета.

Таблица 1
Динамика промышленного производства Хабаровского края по итогам 2025 года.

Table 1

Industrial production dynamics in Khabarovsk Krai by the end of 2025.

Отрасль / Вид деятельности	Индекс производства (%)	Ключевые факторы роста
Промышленное производство (всего)	118,2	Комплексный рост по всем базовым отраслям
Добыча полезных ископаемых	141,8	Рост добычи металлических руд и угля
– добыча металлических руд	152,8	Рост золото- и меднодобычи

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

– в т.ч. химически чистое золото	~120,0 (в 1,2 раза)	Рост переработки и содержания металла в руде
– в т.ч. медь	~400,0 (в 4 раза)	Увеличение объемов переработки руды
– добыча угля	101,4	Рост выпуска обогащённого угля
– в т.ч. производство обогащенного угля	107,3	Модернизация обогатительных мощностей
<i>Обрабатывающая промышленность</i>	107,2	Рост в машиностроении и металлургии
– машиностроение	126,7	Рост производства самолётов по контрактам
– металлургия	104,3	Стабильный рост производства
– готовые металлические изделия	~120,0 (в 1,2 раза)	Выполнение контрактных обязательств
– в т.ч. конструкции из алюминия	103,0	Расширение производственных мощностей
– в т.ч. резервуары, цистерны, баки из металлов	~140,0 (в 1,4 раза)	Рост заказов
– производство машин и оборудования	~120,0 (в 1,2 раза)	Выполнение контрактных обязательств
– ремонт и монтаж машин и оборудования	~130,0 (в 1,3 раза)	Рост ремонта ж/д подвижного состава
<i>Энергетика</i>	100,7	Стабильное функционирование отрасли

Источник: Информация об итогах социально-экономического развития Хабаровского края за январь – декабрь 2025 г.

Source: Information on the results of socio-economic development of Khabarovsk Krai for January – December 2025.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить следующие системные проблемы правового регулирования статуса градообразующих предприятий.

Действующее законодательство не содержит универсального определения понятия «градообразующее предприятие», применимого во всех сферах правового регулирования, отсутствует официальный реестр (перечень) градообразующих предприятий, Нормы о градообразующих предприятиях рассредоточены по многочисленным нормативным актам различного уровня и направленности: законодательству о банкротстве, законодательству о территориях опережающего развития, бюджетному законодательству, актам об отдельных отраслях промышленности. Как верно отмечает Т.В. Бегун, «в настоящее время определение градообразующего предприятия федеральным законодательством не закреплено, не разработан однозначный понятийный аппарат и классификация градообразующих предприятий, отсутствуют методологические исследования по критериям и категориям выделения моногородов и градообразующих предприятий» [7]. В этой связи заслуживает внимания позиция автора, которая предприняла одну из немногих попыток восполнить данный пробел, предложив авторскую классификацию градообразующих предприятий: по видам экономической деятельности; по организационно-правовой форме и форме собственности; по типу хозяйствования и положению на рынке; по принципу доминирующего фактора производства; по статусу, масштабу и типу населенного пункта [7].

Специфика градообразующего предприятия состоит в том, принимает коммерческие решения частный собственник, а негативные последствия этих решений несут публично-правовые образования и население. Снижение объемов производства, перенос мощностей, реструктуризация бизнеса или банкротство градообразующего предприятия автоматически влекут: рост безработицы и социальной напряженности на соответствующей территории; выпадение налоговых доходов из местного и регионального бюджетов; деградацию инфраструктуры, переданной в пользование предприятию; вынужденное увеличение расходов бюджетов на социальную поддержку населения [10].

Иными словами, государство и муниципальные образования фактически несут роль «страховщика последней инстанции» для градообразующего предприятия, однако без законодательного оформления этой роли и без соответствующих правовых инструментов влияния на деятельность предприятия. Устранение данной асимметрии требует законодательного установления как особых прав публично-правовых образований в отношении градообразующих предприятий, так и особых обязанностей последних.

Наиболее системным решением, позволяющим устранить большинство выявленных проблем, является принятие специального нормативного правового акта, комплексно регулирующего правовой статус градо-

образующих предприятий. Данный акт должен включать следующие основные положения: единое определение понятия «градообразующее предприятие», основанное на системе критериев (демографического, фискального, инфраструктурного); порядок признания предприятия градообразующим и ведения официального реестра таких предприятий; систему мер государственной поддержки градообразующих предприятий, включая превентивные и антикризисные инструменты; механизмы координации органов государственной власти и местного самоуправления в вопросах, связанных с деятельностью градообразующих предприятий; особенности правового режима объектов инфраструктуры, находящихся в собственности или пользовании градообразующих предприятий.

В рамках предлагаемого акта либо в качестве самостоятельной законодательной инициативы необходимо предусмотреть ведение Федерального реестра градообразующих предприятий (далее – Реестр). Включение предприятия в Реестр должно порождать конкретные правовые последствия: право на получение мер государственной поддержки, применение особого порядка согласования сделок с объектами инфраструктуры, обязательное уведомление органов власти о существенных изменениях финансово-экономического положения предприятия.

Предлагается установить единую систему критериев отнесения предприятий к категории градообразующих, применимую во всех сферах правового регулирования (табл. 2).

Таблица 2

Предлагаемая система критериев отнесения предприятий к категории градообразующих.

Table 2

Proposed system of criteria for classifying enterprises as city-forming.

№	Критерий	Пороговое значение	Характер критерия
1	Доля работников предприятия в численности работающего населения населённого пункта	$\geq 20\%$	Обязательный основной
2	Доля предприятия в объёме налоговых поступлений в местный бюджет	$\geq 15\%$	Обязательный дополнительный (при недостижении критерия 1)
3	Наличие в собственности или пользовании предприятия объектов коммунальной инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность населённого пункта	Факт наличия	Дополнительный квалифицирующий
4	Доля предприятия в объёме отгрузки всех организаций муниципального образования	$\geq 20\%$	Альтернативный основной

Предприятие признается градообразующим при соответствии критерию 1 либо критериям 2 и 3 в совокупности, либо критерию 4. Данная система критериев является более гибкой по сравнению с действующим законодательным регулированием и позволяет учитывать различные аспекты экономической значимости предприятия для населённого пункта.

В целях создания превентивных механизмов поддержки градообразующих предприятий предлагается законодательно закрепить систему мониторинга финансово-экономического состояния таких предприятий, включающую: ежеквартальное представление градообразующими предприятиями отчётов об основных финансово-экономических показателях в уполномоченный орган; формирование системы показателей раннего предупреждения (триггеров) кризисных ситуаций на градообразующих предприятиях; обязательное уведомление органов власти субъекта Российской Федерации и муниципального образования при достижении пороговых значений триггерных показателей; разработку и утверждение органами власти планов антикризисного реагирования в отношении каждого градообразующего предприятия.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие итоговые выводы.

Во-первых, градообразующее предприятие представляет собой самостоятельную правовую категорию, обладающую уникальной правовой природой, формируемой на пересечении частноправового и публично-правового регулирования. Предложенное авторское определение данного понятия, основанное на системе шести существенных признаков (организационно-правового, демографического, территориального, инфраструктурного, социально-экономического и фискального), позволяет более точно отразить многоаспектный характер рассматриваемого явления по сравнению с действующим законодательным определением.

Во-вторых, действующее правовое регулирование статуса градообразующих предприятий в Российской Федерации характеризуется системными проблемами: отсутствием единого законодательного определения, официального реестра, специального нормативного акта, несоответствием формальных критериев современным экономическим реалиям, слабостью превентивных механизмов поддержки.

В-третьих, для устранения выявленных проблем предлагается комплекс конкретных законодательных решений: принятие специального нормативного акта о правовом статусе градообразующих предприятий; создание Федерального реестра градообразующих предприятий; унификация критериев отнесения предприятий к данной категории; законодательное закрепление системы мониторинга и раннего предупреждения; введение механизма обязательного многостороннего социального партнёрства.

В-четвертых, статистические данные об итогах социально-экономического развития Хабаровского края за 2025 год убедительно подтверждают фискальную и социально-экономическую значимость градообразующих предприятий для региональных и местных бюджетов, что обосновывает необходимость особого законодательного внимания к правовому статусу таких предприятий вне зависимости от контекста их несостоятельности.

Реализация предложенных законодательных решений позволит создать комплексную систему правового регулирования статуса градообразующих предприятий в Российской Федерации, обеспечивающую баланс частных интересов хозяйствующих субъектов и публичных интересов государства, муниципальных образований и населения соответствующих территорий.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 09.04.2026) // Российская газета. 2002. № 209-210.
3. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (в ред. от 37.07.2025) // Российская газета. 2014. № 299.
4. Постановлении Правительства Российской Федерации от 29.08.1994 № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» (утратило силу утратил силу в связи с изданием Указа Президента РФ от 02.02.2005 № 116, признавшего утратившим силу Указ Президента Российской Федерации от 02.06.1994 № 1114) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 19.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» (ред. от 21.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4448.
6. Информация об итогах социально-экономического развития Хабаровского края за январь-декабрь 2025 г.: Министерство экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/O-socialno-ekonomicheskoy-razvitiy-kрая/> (дата обращения: 20.04.2026)
7. Бегун Т.В. Градообразующее предприятие: понятие, критерии отнесения, классификация // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 2 (7). С. 36 – 41.
8. Ершова И.В. Банкротство градообразующих организаций: законодательство, доктрина, судебная практика // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. №. 4. С. 72 – 77.
9. Попова Е.Ю. Роль градообразующих предприятий в решении социальных проблем моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 113 – 118.
10. Харитонов Н.А. Кунанбаева К.Б. Механизм управления развитием градообразующих организаций // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 2 (101). С. 54 – 63.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 1994. No. 238-239.
2. Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended on 09.04.2026). Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 209-210.
3. Federal Law of December 29, 2014, No. 473-FZ "On Advanced Development Areas in the Russian Federation" (as amended on July 37, 2025). Rossiyskaya Gazeta. 2014. No. 299.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 29, 1994 No. 1001 "On the procedure for classifying enterprises as city-forming and the specifics of the sale of debtor enterprises that are city-forming" (repealed due to the publication of Decree of the President of the Russian Federation of February 2, 2005 No. 116, which declared Decree of the President of the Russian Federation of June 2, 1994 No. 1114 to be no longer in force). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 19.

5. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r "On Approval of the List of Single-Industry Municipal Formations of the Russian Federation (Single-Industry Cities)" (as amended on January 21, 2020). Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4448.

6. Information on the Results of Socioeconomic Development of Khabarovsk Krai for January-December 2025: Ministry of Economic Development of Khabarovsk Krai. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/O-socialno-ekonomicheskoy-razvitiy-kraya/> (date of access: 20.04.2026)

7. Begoun T.V. City-Forming Enterprise: Concept, Classification Criteria, and Classification. Innovative Economy: Development and Improvement Prospects. 2015. No. 2 (7). P. 36 – 41.

8. Ershova I.V. Bankruptcy of City-Forming Organizations: Legislation, Doctrine, and Case Law. Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2015. No. 4. P. 72 – 77.

9. Popova E.Yu. The Role of City-Forming Enterprises in Solving Social Problems of Single-Industry Towns. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences. 2018. No. 4. P. 113 – 118.

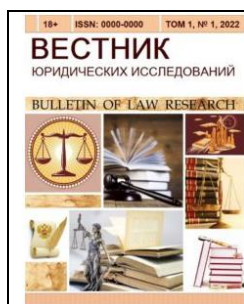
10. Kharitonova N.A. Kunanbaeva K.B. Mechanism for managing the development of city-forming organizations. Strategic decisions and risk management. 2017. No. 2 (101). P. 54 – 63.

Информация об авторах

Тартачаков А.С., Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, ms-anton@mail.ru

Якунин Д.В., кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, yakunin.dmitriy@list.ru

© Тартачаков А.С., Якунин Д.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 3 / 2026, Vol. 5, Iss. 3 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 349.2

DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-147-151

Правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений

¹ Шатверян Н.Г., ¹ Пак К.М.,

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: в статье рассматривается правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений. Особое внимание уделяется вопросам определения применимого права, разграничения трудового договора и смежных форм занятости, а также проблемам социальной защиты и реализации трудовых гарантий. Отмечается, что при дистанционной работе с иностранным элементом сохраняется трудовая зависимость работника, однако механизм обеспечения его прав становится менее определенным. Обосновывается вывод о том, что традиционная территориальная модель трудового права уже не в полной мере отвечает условиям цифровой экономики. В связи с этим аргументируется необходимость более четкого регулирования дистанционной занятости, выходящей за пределы одной правовой системы и выработки устойчивых правовых критериев защиты работника.

Ключевые слова: дистанционная работа, трансграничная занятость, правовой статус работника, трудовые гарантии, цифровые технологии, трудовое право

Для цитирования: Шатверян Н.Г., Пак К.М. Правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 147 – 151. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-147-151

Поступила в редакцию: 23 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 мая 2026 г.; Принята к публикации: 24 июня 2026 г.

The legal status of a remote worker in the context of cross-border labor relations

¹ Shatveryan N.G., ¹ Pak K.M.,

¹ Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: the article examines the legal status of a remote worker in the context of cross-border labor relations. Special attention is paid to the definition of applicable law, the differentiation of an employment contract and related forms of employment, as well as the problems of social protection and the implementation of labor guarantees. It is noted that when working remotely with a foreign element, the employee's labor dependence remains, but the mechanism for ensuring his rights becomes less defined. The author substantiates the conclusion that the traditional territorial model of labor law no longer fully meets the conditions of the digital economy. In this regard, the need for clearer regulation of remote employment, which goes beyond the limits of one legal system and the development of stable legal criteria for employee protection, is argued.

Keywords: remote work, cross-border employment, legal status of an employee, labor guarantees, digital technologies, labor law

For citation: Shatveryan N.G., Pak K.M. The legal status of a remote worker in the context of cross-border labor relations. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (3). P. 147 – 151. DOI: 10.66621/3034-140X-2025-5-3-147-151

The article was submitted: April 23, 2026; Approved after reviewing: May 21, 2026; Accepted for publication: June 24, 2026.

Введение

Развитие цифровых технологий существенно изменило содержание современных трудовых отношений. Еще сравнительно недавно труд почти всегда связывался с конкретным местом выполнения работы, территорией работодателя и юрисдикцией одного государства. В настоящее время такая связь уже не является обязательной. Работник может проживать в одной стране, исполнять трудовую функцию для организации из другой страны и взаимодействовать с работодателем исключительно через электронные средства связи. Подобная модель занятости постепенно превращается в устойчивую часть современного рынка труда.

Расширение дистанционной занятости привело к появлению новых правовых вопросов. Наиболее сложные из них возникают в тех случаях, когда трудовые отношения выходят за пределы одной национальной правовой системы. В такой ситуации меняется не только фактическая организация труда, но и сама логика его правового регулирования. Возникают затруднения при определении применимого права, порядка разрешения споров, содержания трудовых гарантий, режима социального страхования и пределов цифрового контроля со стороны работодателя. По этой причине правовой статус дистанционного работника в трансграничных отношениях требует самостоятельного и более глубокого осмысления.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания. В процессе работы использовались методы анализа, обобщения и классификации, позволившие раскрыть содержание правового статуса дистанционного работника и выделить его основные элементы. Формально-юридический метод применялся при изучении норм трудового законодательства, регулирующих дистанционный труд, порядок заключения трудового договора, организацию рабочего времени и взаимодействие работника с работодателем. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский подход к регулированию дистанционной занятости с отдельными положениями международного и зарубежного права, что особенно важно при рассмотрении трансграничных трудовых отношений. Использование этих методов позволило установить, что о правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений имеет сложный и многоуровневый характер. Он формируется не только нормами национального трудового законодательства, но и правилами международного частного права, а также условиями трудового договора.

Результаты и обсуждения

На современном этапе дистанционная работа признается одной из самостоятельных форм организации труда. В российском праве это отражено в главе 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ), где дистанционный формат рассматривается как выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя при использовании информационно-телекоммуникационных сетей [1]. Однако указанные положения в большей степени ориентированы на внутренние отношения и не дают исчерпывающего ответа относительно правового режима международной занятости.

Проблема применимого права при трансграничной дистанционной занятости решается через общие коллизионные нормы раздела VI Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ). В силу статьи 1210 ГК РФ стороны вправе выбрать право, подлежащее применению к договору. При отсутствии такого выбора действует статья 1211 ГК РФ, ориентирующая на право страны стороны, чье исполнение имеет решающее значение для содержания договора [2]. Однако применительно к трудовым отношениям данный механизм не дает полностью определенного результата, поскольку трудовой договор не сводится к обычному гражданско-правовому обязательству, а работник выступает более уязвимой стороной. Стоит отметить, что общее коллизионное регулирование трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, в рамках отечественного законодательства не нашло должного отражения. По этой причине использование общих положений ГК РФ в данной сфере требует учета защитной функции трудового права и недопустимости снижения уровня гарантий работника посредством формального выбора наиболее удобной юрисдикции.

В практическом плане сегодня можно выделить несколько распространенных моделей таких отношений. В одном случае работник постоянно проживает в своей стране, но выполняет работу для иностранной организации. В другом случае лицо состоит в трудовых отношениях с работодателем одной страны, однако временно или постоянно находится за ее пределами. Возможна и более сложная ситуация, при которой работник перемещается между несколькими государствами, сохраняя один и тот же договор.

То есть, современное состояние регулирования показывает, что дистанционная работа как таковая уже получила нормативное признание, но модель, осложненная иностранным элементом, по-прежнему остается недостаточно определенной [3]. Сложность заключается не в признании дистанционного труда, а в отсутствии устойчивых критериев, позволяющих надежно определить правовой режим международных форм такой занятости.

Дистанционная занятость трансграничного формата обладает рядом преимуществ. Прежде всего, расширяются возможности самого работника, открывается доступ к международному рынку труда, а это в свою очередь позволяет находить возможности за пределами национальной экономики. Зачастую для работника это означает более высокий уровень оплаты труда, возможность участвовать в интересных проектах и более широкую перспективу карьерного роста. Также дистанционная форма дает преимущества в виде гибкого рабочего графика, снижения затрат времени, связанных с проездом к месту работы, возможности самостоятельно планировать и исполнять свои функции [4]. При этом работник может сохранить привычную социальную среду и одновременно быть включенным в деятельность международной организации.

Для сторон работодателя тоже есть преимущества. Режим удаленной работы посредством использования сети Интернет создает широкие возможности для работодателей в поиске квалифицированной и более дешевой рабочей силы [5]. Организация получает возможность привлекать специалистов вне зависимости от их страны проживания. Кроме того, дистанционный формат позволяет сократить расходы, связанные с содержанием офисной инфраструктуры и постоянных рабочих мест. Для современного бизнеса такая модель нередко оказывается не просто удобной, а экономически оправданной.

На уровне экономики в целом, международная дистанционная занятость способствует перераспределению профессиональных ресурсов, расширяет экспорт интеллектуального труда и повышает доступность занятости для жителей территорий, удаленных от крупных деловых центров [6]. В ряде случаев она создает реальные возможности трудоустройства для тех групп населения, чья мобильность ограничена по социальным, семейным или территориальным причинам. В этом смысле значение данной формы занятости выходит далеко за пределы интересов конкретного работодателя и конкретного работника.

Однако именно перечисленные преимущества позволяют увидеть и более глубокую правовую проблему. Чем свободнее труд отделяется от территории работодателя, тем труднее сохранить ясность в вопросе о том, какой правовой порядок должен обеспечивать обязательные гарантии работнику. Экономическая мобильность труда опережает развитие правовых механизмов его защиты [7]. Следовательно, плюсы дистанционного формата не могут рассматриваться изолированно от тех последствий, которые он вызывает для правового статуса работника.

Сложность заключается и в том, что при дистанционной работе трудно однозначно определить наиболее тесную связь трудового отношения с тем или иным государством. В разных ситуациях значимыми могут оказаться место фактического выполнения работы, территория регистрации работодателя, место нахождения подразделения, из которого осуществляется управление, а также иные обстоятельства. Отсутствие единых подходов усиливает правовую неопределенность [8]. Работник может не понимать, на какие гарантии он вправе рассчитывать еще до возникновения спора, а работодатель не всегда способен точно оценить объем своих обязанностей.

Не менее существенные трудности связаны с обеспечением социальных гарантий [9]. В трудовых отношениях, выходящих за рамки одной национальной юрисдикции вопросы уплаты страховых взносов, учета страхового стажа, предоставления пособий по временной нетрудоспособности стоят особенно остро. Важно то, что такие последствия проявляются спустя длительное время и работник фактически выпадает из действующей системы социальной защиты.

Отдельного внимания заслуживают аспекты организации и охраны труда. Возникают споры о том, кто должен предоставлять оборудование, компенсировать расходы на связь и электроэнергию, обеспечивать техническую безопасность и нести риски, связанные с ненадлежащей организацией рабочего пространства. В результате удаленность нередко начинает работать не только как форма организации труда, но и как фактор перераспределения рисков в пользу работодателя.

Серьезные трудности вызывает и цифровой контроль за деятельностью работника. Современные технологии позволяют работодателю фиксировать время нахождения в корпоративной системе, объем активно-

сти на рабочем устройстве, содержание коммуникации и иные параметры трудового поведения [10]. С одной стороны, это отвечает интересам управления и дисциплины. С другой стороны, подобные методы затрагивают частную сферу работника и могут приводить к чрезмерному вмешательству в его личное пространство. В трансграничных отношениях эта проблема осложняется тем, что стандарты допустимого контроля и режимы обработки информации в разных государствах заметно различаются.

Следует учитывать и социально-психологические последствия подобной формы занятости. Работник, выполняющий трудовую функцию удаленно и вне общей организационной среды, часто оказывается менее вовлеченным в коллективные формы взаимодействия. Это может снижать уровень его участия в корпоративной жизни, затруднять реализацию коллективных трудовых прав и ослаблять возможности солидарной защиты интересов.

Перечисленные минусы показывают, что правовое регулирование дистанционных работников в условиях трансграничных отношений недостаточно развито.

Наиболее существенным вопросом является неопределенность самого правового статуса работника. В обычных трудовых отношениях работник, как правило, понимает, каким законодательством регулируются его права и обязанности. В трансграничной занятости такая определенность утрачивается. Стороны могут предусмотреть в договоре применимое право, однако в сфере труда свобода усмотрения ограничивается необходимостью защиты работника как более слабой стороны. Это означает, что договорное условие не всегда способно окончательно определить правовой режим соответствующих отношений.

Особого внимания требует разграничение трудовых и смежных отношений. Удаленный формат работы сам по себе не указывает на природу связи между сторонами. На практике работодатели могут стремиться оформлять отношения как гражданско-правовые для уменьшения объема своих обязанностей. В результате возникает риск формального вытеснения трудового статуса из тех отношений, которые по своему содержанию обладают признаками наемного труда. Это особенно заметно при международном элементе, когда ссылка на иностранное право или на нетипичную форму сотрудничества используется для ослабления обязательных трудовых гарантий.

Преодоление указанных проблем требует комплексного подхода. Прежде всего необходимо совершенствование национального законодательства. Представляется целесообразным дополнить главу 49.1 ТК РФ специальной статьей посвященной трансграничной дистанционной работе. В ней следует определить признаки такой занятости, правила фиксации места выполнения трудовой функции, минимальный перечень обязательных условий договора, а также пределы применения российского законодательства в случаях, выполнения работы за пределами территории Российской Федерации.

Не менее важным представляется развитие договорной практики. Трудовой договор в условиях дистанционной занятости с иностранным элементом должен содержать более детальное регулирование, чем в обычной ситуации. Следует прямо определять порядок взаимодействия сторон, режим рабочего времени, пределы цифрового контроля, механизм компенсации расходов, правила предоставления оборудования, способы разрешения споров и условия защиты информации. Чем выше степень определенности на стадии заключения договора, тем ниже вероятность последующих конфликтов.

Однако договор не должен рассматриваться как универсальное средство преодоления всех рисков. Его возможности объективно ограничены там, где речь идет об обязательных гарантиях, социальной защите и пределах вмешательства работодателя в личную сферу работника. Необходимо нормативно определить порядок уплаты страховых взносов и учета страхового стажа работника, выполняющего трудовую функцию дистанционно за пределами государства нахождения работодателя.

Перспективным направлением можно считать и развитие электронных механизмов защиты трудовых прав. Поскольку сама трудовая деятельность в подобных отношениях организована через цифровую среду, логично закрепить специальные требования к цифровому контролю за дистанционным работником, в том числе и обязанность работодателя заранее определять перечень используемых средств мониторинга, пределы собираемых данных, сроки их хранения и гарантии неприкосновенности.

Выводы

Таким образом, основная задача современного регулирования состоит в формировании такой модели, при которой трансграничный характер занятости не будет приводить к снижению уровня трудовой защиты. Для этого требуется не просто распространение действующих норм на новую форму организации труда, а их более глубокая адаптация к условиям цифровой и международной занятости.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. № 233. 28.11.2001.
3. Захарян Д.В. Трансграничные дистанционные трудовые отношения: проблема определения применимого права // Актуальные вопросы современной науки. 2025. С. 105 – 111.
4. Кожевников О.А., Чудиновских М.В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 563 – 583.
5. Зайцева Л.В., Абакумова О.А. Виртуальная мобильность и трансграничная дистанционная работа: наступившая реальность и правовая неопределенность // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 464. С. 239 – 250.
6. Менкенов А.В. Дистанционная работа: трансграничные трудовые отношения // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 8. С. 32 – 35.
7. Смолярук М.А. Проблемные аспекты трансграничных трудовых отношений в международном частном праве // Актуальные вопросы современной науки. 2024. С. 203 – 205.
8. Первушина А.В. Проблемы коллизионного регулирования трудовых отношений и пути их решения / А. В. Первушина // Актуальные проблемы юриспруденции. 2024. С. 245 – 249.
9. Нгуен Т.Т.Л. Актуальные проблемы трудового права в сфере международного права // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы. 2024. С. 453 – 458.
10. Ющенко В.В. Трудовое право в эпоху удалённой занятости: новые вызовы и правовые механизмы регулирования // Архипелаг знаний: из экономики в политику, из истории в философию. 2025. С. 117 – 119.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 256. 31.12.2001.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of 26.11.2001 No. 146-FZ. Rossiyskaya Gazeta. No. 233. 28.11.2001.
3. Zakharyan D.V. Cross-border remote labor relations: the problem of determining the applicable law. Current issues of modern science. 2025. P. 105 – 111.
4. Kozhevnikov O.A., Chudinovskikh M.V. Regulation of the labor of remote workers in Russia and abroad. Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 563 – 583.
5. Zaitseva L.V., Abakumova O.A. Virtual Mobility and Cross-Border Remote Work: Current Reality and Legal Uncertainty. Vestn. Tomsk. state University. 2021. No. 464. P. 239 – 250.
6. Menkenov A.V. Remote Work: Cross-Border Labor Relations. Labor Law in Russia and Abroad. 2021. No. 8. P. 32 – 35.
7. Smolyaruk M.A. Problematic Aspects of Cross-Border Labor Relations in International Private Law. Current Issues of Modern Science. 2024. P. 203 – 205.
8. Pervushina A.V. Problems of conflict regulation of labor relations and ways of their solution. Current problems of jurisprudence. 2024. P. 245 – 249.
9. Nguyen T.T.L. Current problems of labor law in the sphere of international law. Legality and law and order: history, modernity, current problems. 2024. P. 453 – 458.
10. Yushchenko V.V. Labor law in the era of remote employment: new challenges and legal mechanisms of regulation. Archipelago of knowledge: from economics to politics, from history to philosophy. 2025. P. 117 – 119.

Информация об авторах

Шатверян Н.Г., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), nelli_@mail.ru. 89034012263

Пак К.М., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), kp475583@gmail.com. 89275751451

© Шатверян Н.Г., Пак К.М., 2026